

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 1. С. 76-120.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІИ, ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІИ ВІЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ (1).

Патріархъ Фотій, знаменитый учитель восточной церкви IX вѣка, до сихъ поръ служитъ предметомъ разпорѣчивыхъ и даже прямо противоположныхъ сужденій для писателей востока и запада. Западные писатели, крайне не расположенные къ Фотию, отзываются о немъ самымъ незастылымъ образомъ: взводятъ на него всевозможныя обвиненія, всячески стараются чернить его имя, называютъ его узурпаторомъ, незаконнымъ патріархомъ, честолюбцемъ, лицемеромъ, льстецомъ и проч.,—вообще считаютъ какимъ-то чудовищнымъ въ нравственномъ отношеніи существомъ и главнымъ образомъ едва ли не единственнымъ виновникомъ того печальнаго разъединенія, которое донынѣ существуетъ между восточною и западною церквями. Восточные писатели наоборотъ, вполне сочувствуя Фотию, съ сильною настойчивостію защищаютъ его

(1) Проступая къ печатанію своего сочиненія, считаю долгомъ изъяснить мою благодарность профессору П. В. Чельцову, руководствомъ и указаніями котораго я старался, и, составивши его, воспользоваться во мнѣрѣ моихъ силъ.

Германъ Герасимъ Яредъ.

нмя, твердо отстаиваютъ его честь и достоинство, опровергая все клеветы, взводимыя на него противниками, и стараются по возможности выставить его съ самой свѣтлой стороны; вину же разъединенія церквей они всецѣло приписываютъ Риму и римскимъ первосвященникамъ, и въ частности—тѣмъ незаконнымъ притязаніямъ, съ которыми выступили современные ему папы, и тѣмъ нововведеніямъ, которыя ввела у себя римская церковь и которыхъ Фотій былъ только строгимъ обличителемъ. И тѣ и другіе писатели представляютъ, конечно, свои основанія, болѣе или менѣе благовидныя. Первые между прочимъ основываются въ своихъ сужденіяхъ на дошедшихъ до насъ отзывахъ современниковъ Фотія, крайне не благопріятныхъ для него; а послѣдніе — на его сочиненіяхъ и по преимуществу на его посланіяхъ, какъ на такихъ письменныхъ памятникахъ, въ которыхъ ярче всего отражается нравственная физіономія ихъ сочинителя, его нравственные преимущества и недостатки. Такимъ образомъ разнорѣчіе въ сужденіяхъ о немъ зависитъ отъ разнорѣчія самыхъ источниковъ свѣдѣній о характерѣ, жизни и дѣятельности патріарха Фотія. А что Фотій въ своихъ литературныхъ трудахъ является не такимъ, какъ описываютъ его нѣкоторые изъ современниковъ его, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Тамъ онъ является истинно-великимъ человѣкомъ, стоявшимъ далеко выше умственного и нравственного уровня всѣхъ своихъ современниковъ, а здѣсь, у современниковъ, онъ является эгоистомъ, упорно стремившимся въ честолюбивымъ цѣлямъ и занятымъ себя поступками, не достойными его имени. Спрашивается: кому вѣрить, гдѣ искать истины, —

въ сочиненіяхъ ли самого Фотія или въ отзывахъ о немъ враждебныхъ ему современниковъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что нравственная физіономія или характеръ какова бы то ни было историческаго лица ярче и лучше всего описывается въ его сочиненіяхъ, гдѣмъ не менѣе, для цѣльности воззрѣнія на это лицо, необходимо *бываетъ* брать во вниманіе и свѣдѣнія о немъ, находящіяся у современниковъ. Слѣдовательно для цѣльности и полноты воззрѣнія на характеръ и дѣятельность Фотія необходимо прибѣгать не только къ его литературнымъ трудамъ но и къ отзывамъ о немъ современниковъ его. То правда, что эти отзывы принадлежатъ или личнымъ врагамъ Фотія или людямъ, писавшимъ съ ихъ словъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы нужно было игнорировать ихъ и оставлять безъ вниманія; можно не соглашаться съ ними, можно не вѣрить имъ, можно и даже иногда должно опровергать ихъ, особенно если они уже слишкомъ пристрастны или показываютъ явные слѣды недобросовѣстности, или сами себя обличаютъ въ неправдѣ своими противорѣчіями, двусмысленностію и несообразностію, но во всякомъ случаѣ упускать ихъ изъ вниманія не должно. если только мы желаемъ быть вѣрными исторической правдѣ. Во многихъ случаяхъ они проливаютъ значительный свѣтъ на обстоятельства времени, выясняютъ духъ современной эпохи и того общества, среди котораго писавшіе эти отзывы жили и дѣйствовали, а этого уже достаточно для того, чтобы угадать тѣ побужденія, по которымъ извѣстнаго рода лица должны были такъ, а не иначе, относиться къ патріарху Фотію. Стоитъ только внимательно разобрать ихъ, подвергнуть строгой и

безпристрастной критикѣ, — и, въ концѣ концовъ, они помогутъ намъ составить приблизительно вѣрное понятіе о томъ лицѣ, котораго они касаются, хотя бы это лицо для отзывавшихся объ немъ было предметомъ самой яркой ненависти, самаго глубокаго отвращенія. Правдивое слово иногда невольно мелькаетъ даже въ устахъ самаго яркаго противника, чистая истина часто даетъ себя знать и среди самыхъ рѣзкихъ нападеній и укоровъ; наконецъ нерѣдко бываетъ, что то самое, въ чемъ противники укоряютъ навѣстное лицо, — при помощи безпристрастной критики потомство вмѣняетъ послѣднему въ особенную честь и заслугу.

Но разобрать отзывы современниковъ о Фотіѣ въ параллель съ его дѣятельностью, отнести къ нимъ строго критически и правильно оцѣнить ихъ возможно не иначе, какъ узнавъ напередъ обстоятельно духъ времени и его характеристическія особенности. Эти же самые отзывы правда проливаютъ значительный свѣтъ на эти особенности, какъ мы замѣнили выше, но довольствоваться ими было бы все-таки недостаточно потому, что они вполнѣ не исчерпываютъ дѣла; нужно прибѣгнуть и къ другимъ источникамъ, съ помощью которыхъ можно было бы обозрѣть современную Фотію эпоху со всеми ея церковно-гражданскими особенностями, со всемъ внутреннимъ строемъ той общественно-государственной жизни, которою жила въ то время византійская имперія. Событія, такъ тѣсно связанныя съ именемъ Фотія, — по характеру своему, по общественному положенію участвовавшихъ въ этихъ событіяхъ лицъ, по причинамъ, ихъ вызвавшихъ, и по побужденіямъ, руководившимъ ими, — тако-

вы, что, если разсматривать ихъ отдѣльно, въ связи съ государственною жизнью Византіи и съ тогдашними ея обстоятельствами, то они далеко не могутъ быть ни вѣрно поняты, ни правильно оцѣнены. Намъ кажется, что разногласія писателей относительно Фотія, неправильныя и неосновательныя объ немъ сужденія зависятъ главнымъ образомъ именно отъ того, что эти писатели, излагая событія, относящіяся къ жизни Фотія, вовсе не обращаютъ, или слишкомъ мало обращаютъ вниманія на тѣ современныя событія (особенно политическія) и обстоятельства, съ которыми первыя неразрывно связаны и которыми главнымъ образомъ они объясняются. Идя такимъ образомъ, эти писатели или ничего не могутъ объяснить или же, объясняя, должны впасть въ грубое заблужденіе относительно того или другаго факта въ жизни Фотія. Такъ напр., во всѣхъ почти разказахъ о Фотіѣ, мы напрасно старались бы отыскать истинную причину низложенія Игнатія и возведенія на его мѣсто Фотія. Ссылаясь безъ всякой критики на Нивиту Пафлагонца и на сивсавшихъ съ него византійскихъ историковъ, большинство писателей ищетъ причины вышеприведенныхъ фактовъ въ мелкомъ самолюбіи Варды и въ капризахъ развращеннаго византійскаго двора, — объясненіе, по нашему мнѣнію, въ высшей степени не состоятельное, допущенное только по невниманію къ современнымъ обстоятельствамъ, знаніе которыхъ только и можетъ ручаться за вѣрное объясненіе какъ настоящаго факта, такъ и всей вообще исторіи Фотія. И мы вполне увѣрены, что если бы эти обстоятельства были серьезно приняты во вниманіе, то выяснилось бы многое досель не разъяснен-

ное, а равно была бы устранена рѣзкая противоположность во взглядахъ между писателями при безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу,—и патріархъ Фотій такимъ образомъ для наиболѣе серьезныхъ католическихъ писателей пересталъ бы быть загадочною личностію, какъ называетъ его Гергенрёттеръ, долго трудившійся надъ изученіемъ и изслѣдованіемъ исторіи Фотія, но не достигшій, къ сожалѣнію, вполне вѣрнаго о немъ понятія, какъ это видно изъ сочиненія его: «Photius patriarch von Konstantinopel (1).»

Такимъ образомъ разсмотрѣніе относящихся къ Фотію событій—въ связи съ политическимъ состояніемъ его эпохи и съ внутреннимъ строемъ тогдашней

(1) Это сочиненіе, по обширности изслѣдованія и по объему изложенныхъ въ немъ данныхъ, заслуживаетъ полнаго уваженія. Но авторъ, не смотря на свою богатую эрудицію, все-таки остается ревностнымъ писателемъ, такъ что не можетъ вполне отрѣшиться отъ латинскихъ предубѣжденій. Не говоря о его произвольномъ—исторически не вѣрномъ—взглядѣ на Фотія, какъ на виновника раздѣленія церквей, хотя бы въ томъ смыслѣ, что онъ довершилъ дѣло своихъ предшественниковъ, издавна будто бы стремившихся къ отдѣленію отъ Рима, не говоря объ этомъ, онъ, во первыхъ, при изложеніи современныхъ и относящихся къ Фотію событій, смотритъ на нихъ не съ той стороны, съ какой следовало бы смотрѣть; событій, имѣющихъ чисто политическій характеръ, онъ связываетъ съ церковными и судитъ объ нихъ не съ чьего историческаго, а съ своей папастической точки зрѣнія; такимъ образомъ дѣло, въ концѣ концовъ, остается не разъясненнымъ и историческая истина является у него не рѣдко въ искаженномъ видѣ. Во вторыхъ, въ своемъ изображеніи личности Фотія, онъ является не вездѣ безпристрастнымъ, не предубѣжденнымъ судьбою описываемаго имъ лица. Такъ напр., при описаніи личности Фотія, онъ главнымъ образомъ и почти исключительно руководствуется враждебными ему источниками, не смотря на то, что эти источники рѣзко выдаются своимъ пристрастіемъ и недобросовѣтностію и во многихъ мѣстахъ выражаютъ незнаніе дѣла, несообразности и дикія противорѣчія. Нерасположенность автора писателя къ Фотію простирается до того, что онъ не удерживается отъ рѣзкихъ, пристрастныхъ сужденій даже тамъ, гдѣ факты и данныя говорятъ рѣшительно въ пользу Фотія. Къ этому сочиненію мы часто будемъ обращаться въ настоящемъ очеркѣ.

жизни Византіи — оказывается для насъ въ настоящемъ очеркѣ дѣломъ существенной необходимости для правильной оцѣнки какъ дѣятельности Фотія, такъ и всего того, что говорилось за и противъ него. Только идя такимъ путемъ, мы можемъ найти ключъ къ разъясненію того, по видимому, страннаго обстоятельства, что патріархъ Фотій въ устахъ нѣкоторыхъ изъ его современниковъ, является не тѣмъ, чѣмъ онъ является въ своихъ собственныхъ литературныхъ произведеніяхъ, и слѣдовательно мы въ состояніи будемъ дать о немъ точное и приблизительно вѣрное понятіе. Но прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію этихъ событій, считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать очеркъ внутренняго церковно-гражданскаго состоянія восточной имперіи въ эпоху до патріарха Фотія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что предметъ, составляющій цѣль нашего изслѣдованія, имѣетъ тѣсную органическую связь съ событіями и обстоятельствами прежней византійской исторіи.

Авторъ только что упомянутого нами сочиненія прямо сознается въ томъ, что для разъясненія исторіи Фотія необходимо обратиться къ прежней византійской исторіи. И едва ли онъ не первый изъ католическихъ писателей серьезно высказалъ эту мысль. Но вмѣсто того, чтобы обратитъ серьезное вниманіе на тѣ стороны прежней византійской исторіи, съ которыми современныя Фотію событія дѣйствительно имѣли внутреннюю связь, Гергенрёттеръ занимается разсмотрѣніемъ такихъ сторонъ, которыя прямо вовсе не относятся къ дѣлу; вмѣсто того, чтобы изслѣдовать историческія основанія тѣхъ смутъ, которыя такъ сильно волновали государство и церковь въ Ви-

зантіи и около которыхъ главнымъ образомъ вращается дѣятельность Фотія, — онъ посвящаетъ значительную часть своего труда изслѣдованію о причинахъ раздѣленія церквей, хотя онъ далеко не исчерпалъ этого вопроса вполне. Мы говоримъ «не исчерпалъ вопроса», потому что для его рѣшенія недостаточно принять во вниманіе, при національныхъ особенностяхъ Востока и Запада, одно постепенное возвышеніе ново-римскаго патріаршества и вліяніе на него свѣтской власти, какъ это дѣлаетъ Гергенрёттеръ. Ужь если разсуждать о причинахъ того событія, которое извѣстно подъ именемъ раздѣленія церквей, такъ нужно прежде всего, кромѣ конечно національныхъ особенностей, о которыхъ сужденія Гергенрёттера по большей части не состоятельны (1), принять во вниманіе развитіе централизаціи церковной власти въ извѣстныхъ округахъ греко-римской имперіи и постепенное возрастаніе политическаго значенія патріаршихъ кафедръ - Рима, Александріи, Антиохіи, Константинополя и Іерусалима; затѣмъ нужно было бы прослѣдить постепенное развитіе той, противной духу христіанства, системы, которая извѣстна подъ именемъ папства. — исторически показать, какимъ образомъ Римъ христіанскій, наслѣдовавъ наклонности, недостатки и преимущества Рима языческаго, сталъ стремиться къ церковному преобладанію, какбы въ параллель стремленіямъ стараго Рима ко всемірному господству. Тогда, по нашему мнѣнію, вопросъ о причинахъ раздѣленія церквей былъ бы поставленъ правильно. Но все это

(1) Смотри Прав. Обзоръ за Май 1888 г. статью: «Новыя изслѣдованія о времени и личности патріарха Фотія» 75—82 стр.

не имѣеть прамата отношенія ни къ Фотію, ни къ обстоятельствамъ жизни его, и нисколько не помогаетъ ни разъясненію его дѣяній, ни опредѣленію его значенія, какъ историческаго лица. Правда, католическіе писатели считаютъ раздѣленіе церквей дѣломъ собственно Фотія, и Гергенрѣтеръ, выходя изъ такого ложнаго убѣжденія, пытается лишь объяснить, какимъ образомъ это могло случиться? И разумѣется, какъ католикъ, Гергенрѣтеръ не иначе могъ объяснить это, какъ только прибѣгнувъ къ тому предположенію, что Фотій потому сдѣлался виновникомъ раздѣленія церквей, что всѣ его предшественники, византійскіе епископы, имѣли такое стремленіе, и Фотій былъ въ этомъ отношеніи только наслѣдникомъ ихъ руководительныхъ правилъ, довершителемъ дѣла, давно ими начатаго. Вотъ почему исторія византійскихъ епископовъ и ихъ особенное положеніе—какъ разъ—на руку были нѣмецкому автору. Но вмѣсто того, чтобы руководствоваться упомянутымъ взглядомъ, Гергенрѣтеру, какъ взявшемуся писать безпристрастную исторію, слѣдовало бы прежде спросить себя: такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ приступать къ дѣлу съ предзанятою мыслию и стараться, во что бы то ни стало, пріурочивать факты къ тенденціозной, далеко не доказанной и не могущей быть доказанною, мысли? Автору слѣдовало бы принять во вниманіе, что связь между двумя церквями продолжалась слишкомъ полтора столѣтія послѣ Фотія, хотя дважды она была прерываема до него, чтобы убѣдиться въ нецѣлостности того взгляда на Фотія, который представляетъ его виновникомъ раздѣленія церквей. Если Фотій отличалъ нѣкоторыя заблужденія римской церкви, если

онъ нанесъ значительный ударъ папской гордости, то это еще не значитъ, чтобы онъ произвелъ расколъ въ церкви: противъ многихъ изъ заблужденій подобнаго рода была направлена дѣятельность цѣлыхъ соборовъ, и при томъ не въ одномъ Константинополѣ; римскіе папы не въ первый разъ слышали такіе назидательные уроки, какіе преподалъ имъ Фотій. На карѳагенскомъ соборѣ (419 г.), такъ рѣшительно отвергшемъ вмѣшательство папы Целестина въ дѣло пресвитера Анціарія, епископы ново-римскіе, въ которыхъ Гергенрѣтеръ видитъ исконную склонность къ отдѣленію отъ Рима, не участвовали. Пріеиъ лионскій, Поликратъ ефесскій, Кипріанъ карѳагенскій и Фирмиціанъ каппадокійскій жили цѣлыми столѣтіями раньше Фотія и, конечно, не принадлежали къ числу ново-римскихъ епископовъ, а между тѣмъ сопротивленіе ихъ незаконнымъ притязаніямъ папъ слишкомъ извѣстно. Наконецъ въ горькой жалобѣ великаго епископа Кесаріи каппадокійской на тщеславіе и гордость епископовъ римской церкви не константинопольскіе епископы виноваты.

Мы вовсе не думаемъ заниматься подробнымъ опроверженіемъ Гергенрѣтера: достаточно сказаннаго, чтобы видѣть, что раскрытіе имъ—съ папистической точки зрѣнія—причинъ раздѣленія церквей, съ цѣлю уясненія исторически малопонятныхъ доселѣ сторонъ жизни и дѣятельности Фотія, вовсе не объясняетъ дѣла. Не причины раздѣленія церкви должно имѣть въ виду, когда дѣло идетъ объ исторіи Фотія и его эпохи, а историческія коренныя основанія тѣхъ самыхъ знаменательныхъ событій и смутъ, около которыхъ, какъ мы выше замѣтили, вращается эта исто-

рія, тѣ особенности византійской исторіи, которыя лежатъ въ основѣ, современныхъ Фотію и связанныхъ съ его именемъ, событій. Смуты, такъ сильно возмущавшія въ то время церковь и государство, въ которыхъ Фотій игралъ весьма важную роль, вызваны были не случайными обстоятельствами, но и не тѣми, которыя указываетъ Гергенрёттеръ. Думаютъ обыкновенно, что эти смуты были слѣдствіемъ лишь незаконнаго низложенія патріарха Игнатія и возведенія на его мѣсто Фотія. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего повелѣхостиѣ такого пониманія; смуты начались гораздо раньше момента низложенія, которое ими обусловливалось. такъ что низложеніе Игнатія было не причиною, а слѣдствіемъ этихъ смуть. Борьба съ византійскимъ дворомъ, или точнѣе, съ царствовавшею въ Византіи династією, той константинопольской партіи, которая, послѣ низложенія Игнатія и возведенія на его мѣсто Фотія, стала извѣстна подъ именемъ Игнатіевской, эта борьба была вовсе не церковнаго характера: не церковныя кавія нибудь разногласія давали пищу этой борьбѣ. Если, какъ мы увидимъ, нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ этой борьбѣ лицъ громко кричали о ревности къ православію и благочестію; то это не значить еще, чтобы они на самомъ дѣлѣ имѣли въ виду интересы церковныя. Нельзя оболѣцаться такими возгласами и восклицаніями: не въ первый разъ личныя страсти и разнаго рода расчеты скрываются подъ личиною ревности о правой вѣрѣ или церковномъ благочестіи; не въ первый разъ неповѣданіе вѣры, такъ или иначе понятое, является скорѣе политическимъ знаменемъ, чѣмъ глубокимъ религіознымъ убѣжденіемъ. Это была въ сущ-

ности политическая борьба двухъ враждебныхъ и противоположныхъ партій, и притомъ борьба не новая, не съ низложенія Игнатія и возведенія Фотія получившая свое начало, а напротивъ борьба старая, которая началась за долго до Фотія и Игнатія и продолжалась долго послѣ нихъ. Строго говоря, на всѣ относящіяся къ Фотию и Игнатію событія нужно смотрѣть, какъ на эпизодъ изъ исторіи этой борьбы политическихъ и династическихъ партій, которая непрерывно продолжалась почти во все время существованія византійской имперіи. Стоитъ только прослѣдить, хотя въ краткихъ чертахъ, фазисы развитія этой борьбы и показать связующее звѣно между этими фазами и вышеупомянутыми событіями, и придется, мы надѣемся, убѣдиться въ вѣрности нашихъ словъ.

I. Политическія партіи время монофизитства и моноелитства.

Борьба партій составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей политической жизни въ Византіи. Эта борьба шла рука объ руку съ борьбою христіанства съ язычествомъ и православія съ ересью. Последнее обстоятельство очень важно: оно показываетъ намъ, что религіозные предметы для людей политики нерѣдко служатъ лишь средствомъ къ достиженію нерелигіозныхъ цѣлей. Какъ бы то ни было, слѣды этой борьбы видны во всемъ ходѣ византійской исторіи. Но въ различныя времена она принимала и различный характеръ. На первыхъ порахъ это есть борьба партій цирка; затѣмъ, съ появленіемъ

емъ иконоборства, она изъ цирка переносится, такъ сказать, въ жизнь. Императоръ и войско, синклитъ и духовенство, прежде принимавшіе такое или иное участіе въ борьбѣ партій цирка, теперь стали непосредственно бороться между собою, каждый отстаивая свои цѣли. Съ возстановленіемъ почитанія св. иконъ, борьба прбдоджается съ тою же силою, какъ и прежде, *но уже не сопровождается религіозными разногласіями*. Главное участіе въ ней принимаютъ— съ одной стороны монашество по преимуществу, а съ другой, такъ называемое, образованное общество. Такимъ образомъ являются двѣ партіи: клерикальная и прогрессивная. Нужно сказать, что эти партіи имѣли огромное вліяніе не только на политическую жизнь, но и на церковныя дѣла. Управление государствомъ всегда находилось въ рукахъ той или другой партіи, смотря по тому, какая изъ нихъ одерживала побѣду. А такъ какъ каждая партія имѣла и свое религіозное знамя, то понятно, она должна была вытѣснять знамя противоположной партіи. Болѣе благоразумные изъ византійскихъ императоровъ держали себя въ равновѣсіи между этими партіями и видимо старались примирить ихъ между собою, но никому изъ нихъ этого не удавалось. Обратимся однакожъ къ фактамъ и начнемъ съ того момента, когда политическія страсти и стремленія находили свое наглядное выраженіе въ партіяхъ цирка или ипподрома.

Извѣстно, что въ Константинополѣ, также какъ и въ Римѣ, народъ страстно любилъ зрѣлища въ циркѣ, особенно конскіе бѣги въ циркѣ. Но мы крайне ошиблись бы, если бы подумали, что эти конскіе бѣги были простыми зрѣлищами и совершались толь-

го для потѣхи зрителей, какъ это бывало въ Римѣ (1). Въ Константинополь съ теченіемъ времени они приняли совершенно иной характеръ, и бой борцовъ, привлекая участіе зрителей, дѣлвшихся на враждебныя политическія партіи, превратился въ политическую борьбу; ипподромъ такимъ образомъ сталъ мѣстомъ не потѣхи и удовольствія, а политическаго соперничества и борьбы страстей. Въ Римѣ этимъ партіямъ приписывалось значеніе только символическое. Онѣ какъ бы олицетворяли собою, такъ называемыя, четыре стихіи міра. Зеленый цвѣтъ означалъ землю, голубой—море (воду), красный—огонь и бѣлый—воздухъ (2). Въ Константинополь не то. Такъ называемая партія *зеленыхъ* не напоминаетъ уже собою Цереры—покровительницы земледѣлія; *голубые* не напоминаютъ собою голубаго царства Нептуна; *красные* не напоминаютъ собою огня и *бѣлые*—воздуха. Мифологическія напоминанія римскаго цирка здѣсь замѣняются историческою дѣйствительностью, символизациа четырехъ стихій замѣняется политическими демонстраціями, революціонными движеніями, возмущеніями противъ разныхъ почитателей царскаго престола, противъ еретичествующихъ, или неспособныхъ, или жестокихъ и несправедливыхъ императо-

(1) Константинопольскій циркъ есть учрежденіе, конечно, не чисто византійское, а римское. См. Chronicon paschale, изданное въ „Вопнае“ р. 208—209, гдѣ учрежденіе римскаго цирка приписывается самому Ромулу. Въ Византіи циркъ былъ устроенъ Септиміемъ Северомъ (тамъ же стр. 495), который впрочемъ не успѣлъ его окончить. Вополь законченное устройство циркъ получалъ уже при Константинѣ великомъ (тамъ же въ дополн. примѣч. стр. 342).

(2) Первоначально, конечно, и число и названіе этихъ партій зависѣло отъ числа и цвѣтовъ составляющихъ въ циркѣ колесницъ. Этихъ колесницъ было четыре и каждая отличалась особымъ цвѣтомъ.

ровъ, словомъ, замѣняется постоянною борьбою партій, отстаивавшихъ извѣстные, болѣе или менѣе созвѣстные принципы и воззрѣнiя. Политическая сила этихъ партій цирка доходила до того, что онѣ иногда низлагали императоровъ съ царскаго престола и поставляли другихъ. Многіе замѣчательные перевороты въ имперiи, многія богатые своими послѣдствіями событія обязаны своимъ происхожденіемъ и осуществленіемъ дѣйствіямъ этихъ партій цирка. История ихъ, къ сожалѣнію, не только доселѣ не разработана, но и не затронута почти, между тѣмъ она имѣетъ такую тѣсную связь со многими послѣдующими событіями византійской исторiи, что безъ нея эти событія едва ли могутъ быть правильно выяснены. Вотъ почему считаемъ необходимымъ, не входя въ подробности, остановиться на нѣкоторыхъ относящихся сюда событіяхъ и притомъ такихъ, въ которыхъ такъ или иначе выразилось вліяніе этихъ партій на общій ходъ византійской исторiи.

Изъ вышеупомянутыхъ партій цирка самыя замѣчательныя въ политическомъ отношенiи были зеленая и голубая (1). Какъ велико было ихъ значеніе— можно судить по слѣдующему отрывку изъ толкованiя Вальсамона на VI правило трульскаго собора. «Когда демосы (партіи цирка), говоритъ Вальсамонъ, властвовали въ цркѣ, распорядились по собственному произволу и, употребляя на него свои издержки (ибо они имѣли дома, коней, конюшни, даже доселѣ сохранившіеся, и доходы для содержанiя црковъ),

(1) Εἰς δὲ τὴν ὑπὸ ἡρωδίου ἐφεστῆς ἐκ τῶν βουζικῶν καταπέτασε πλῆθῃ (Synesat. p. 327). Οἱ δὲ τῶν ἐν πόλει ἐκείτῃ ἐστὶ Βουζίκου ἐκ παλαιῆς καὶ παλαιῆς ἀπέρογτο (Procop. de bello persico I p. 119).

властвовали такъ, что даже приглашенный туда царь не имѣлъ власти; тогда совершалось много возмущеній и неприличныхъ дѣлъ, такъ какъ одни принимали сторону голубыхъ, а другіе — сторону зеленыхъ. Иногда даже усобицы происходили между противоположными партіями и демосы изрекали неприличные слова противъ царскаго величества, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ хроникъ. Нѣчто подобное случалось при императорахъ Юстиніанѣ, Анастасіѣ, Фокѣ тиравѣ и при другихъ царяхъ» (1). Изъ этого видно, что упомянутыя партіи такъ твердо были организованы, что даже само царское величество для нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ ничего не значило. Изъ лѣтописей, на которыя повидимому ссылается Вальсамонъ, мы узнаемъ, что *зеленые* однажды безбоязненно называли Юстиніана въ лицо влятвопреступникомъ и осломъ (2), а Фокѣ — вьяницею и сумасшедшимъ (3); одинъ изъ нихъ даже бросилъ въ Анастасію камень, который едва не убилъ его (4). По объ ихъ отношеніяхъ къ императорамъ рѣчь будетъ впереди, а въ настоящемъ случаѣ важно знать, каково было

(1) Τότι τὸν ἄρμον καταξομαζόντων ἐν ταῖς ἀποδρομαῖς καὶ πλοῦτων ταύτας ὅτι καὶ ἕως ἔφρονον ἐν διακονίᾳσι οὐκ ἴστων. (ὡς καὶ ἐφύλασσον οὐκ ἴστων, ἀπὸντας, καὶ πύρρι καὶ οὐκ παρτοφρονέοντες καὶ προσέδωκε, γάρη τὸν ἀποδρομῶν), καὶ τὸν βασιλέως προσκλιμακόμενον καὶ οὐ εἰς τοῦτο ἐξουσιάζοντες, κατὰ στασιφῶν καὶ ἄτοπα συνήθησαν γίνεσθαι κατὰ τὸν τῆς ἀποδρομῆς κατὰ τὸν πρὸς προσκλιμακόμενον τὸν ἄρμον τὸν Βασιλέως, τὸν δὲ τὸν ἄρμον τὸν πρὸς τὸν. Εἰ κατὰ τὸν δὲ τῆς καὶ πύρρι συνκλιμακόμενον ἐφύλασσον τὸν ἀπὸντας οὐκ ἴστων, καὶ κατὰ τῆς βασιλείου παρτοφῆς ἀναδὲ φέρηται ἐπὶ ἄρμοντες ἔφρονοντες, καθὼς ἀπὸ διακονίᾳ γινόμενον τοῦτο κλημάται. οὐκ ἴστων οὐκ ἴστων ἐπὶ τὸν βασιλέως Ἰουστινιανῶν, ἐπὶ τὸν Αναστασίῳ, ἐπὶ τὸν Φοκῆ τὸν τὸν καὶ ἐπὶ τὸν βασιλέως.

(2) Chronicon paschale p. 624.

(3) Theophanis Chronographia p. 457.

(4) Chronicon paschale p. 608; Ioannis Malalae Chronographia d. XVI. p. 391.

отношеніе этихъ партій другъ къ другу. Изъ словъ Вальсамона можно видѣть, что оно было на столько враждебно, что между ними нерѣдко повторялись неприятныя столкновенія и даже возникали междоусобныя войны. Тоже самое мы узнаемъ изъ множества другихъ источниковъ: борьба была такъ сильна между партіями, что совершалось много кровопролитныхъ войнъ, при чемъ не уважались «ни родство, ни свойство, ни связи дружбы». Нерѣдко родные братья, приставъ каждый къ противной партіи, бывали въ раздорѣ между собою,—даже женщины принимали участіе въ этомъ. «Онѣ не только слѣдуютъ мнѣнію мужей своихъ, говоритъ Прокопій, но даже пристають иногда и къ противной партіи» (1). Спрашивается: что за причина такой вражды между партіями? чѣмъ она мотивировалась? Безъ сомнѣнія, не различіе въ цвѣтахъ было настоящею причиною вражды партій, а противоположность направленій и стремленій, для которыхъ зеленый и голубой цвѣтъ служилъ лишь символомъ—виѣщимъ выраженіемъ: разность

(1) Procopius de bello persico 1. p. 120. Еще нагляднѣе и подробнѣе Прокопій описываетъ эту вражду въ своихъ анекдотахъ (Historia aequalis cap. VII. p. 50—52). Св. Григорій Богословъ въ своемъ увѣщательномъ посланіи къ Секунду, написанномъ стихами ямбическими, слѣдующимъ образомъ описываетъ, или вѣрнѣе, оплакиваетъ такое враждебное отношеніе этихъ партій другъ къ другу:

Καὶ μὲν τὸ πολλοῖς μᾶλλον ἡμερώτερον.
 Δοκοῦν θέματα παλίων θεσπίτων.
 Καὶ τὸτο λοιπὸς ἐστὶ, καὶ ψυχῆς νόσος.
 Πόλις διαπῆ, δῆμον εἰστάτιον φέρει.
 Μάχας διδάσκει, λείβερον θῆγει στόμα.
 Τέμνει πολιτῶν φίλτρα, συγκρούει γένη
 Κατασύρει γέροντας, ἐκράϊνα νέους.
 Ἐυθρᾶς ἀνίπτε φίλων, πατῆρ νόμος.

И еще въ заключеніе: Πόσους μὲν οἰκίους ἀφρόως κατασπάσσε
 Πόσους προσκτεῖν πλουσίους ἤναγκασε.

цвѣтовъ всегда сопровождалась разностію и въ направленіи и въ возрѣніяхъ, даже религіозныхъ. Стремленіе къ господству въ имперіи той или другой партіи, съ тѣмъ или другимъ направленіемъ—вотъ причина вражды. Св. Григорій Назіанзинъ, а за нимъ Прокопій Кесарійскій, въ виду того, что эта борьба по эгоистическимъ побужденіямъ доходила иногда до ужасающихъ размѣровъ, имѣли полное право называть ее не иначе, какъ *болѣзнію души*. Въ чемъ же состояло отличіе одной партіи отъ другой? Къ чему стремилась одна и къ чему другая? Судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ изъ византійскихъ историковъ, мы можемъ почти положительно сказать, что, такъ называемые, голубые всегда стояли за господствующую религію и, видя въ ней болѣе политическое средство для достиженія своихъ цѣлей, старались защищать ее, а потому они, пріобрѣтши политическое значеніе, дѣйствовали почти всегда за одно съ православными императорами противъ язычниковъ и еретиковъ или, по крайней мѣрѣ, сочувствовали имъ. Между тѣмъ зеленые, наоборотъ, какъ видно, всегда отличались направленіемъ отрицательнымъ, а потому больше сочувствовали императорамъ еретическимъ, или образованнымъ, или отличавшимся особенною вѣротерпимостію. Первые примыкали къ тому классу византійскаго общества, который, подчиняясь благотворному вліянію церкви, по преимуществу отстаивалъ ея интересы, ея политическую независимость и даже ея господство, но который, по ограниченности своего умственного кругозора, не всегда правильно понималъ истинный смыслъ и значеніе церковнаго вѣроученія. Послѣдніе же примыкали къ тѣмъ, которые хотя и

были христианами, но еще не могли вполне отрешиться от языческих греко-восточных традицій, интересовъ и убъжденій. Въ главѣ этихъ послѣднихъ стояли, конечно, и сами еретичествовающіе императоры (1).

Впрочемъ эти особенности той и другой партіи не вдругъ обозначились. До появленія монофизитства мы видимъ, что и зеленые пользовались иногда осо-

(1) Кузнецовъ (Судьбы Италіи) не находитъ ничего опредѣленнаго въ стремленіяхъ царковыхъ партій. Зампеллі, современный намъ греческій византологъ, напротивъ того, зеленыхъ и голубыхъ въ Византіи сопоставляетъ съ Гвельфами и Гибеллинами въ Италіи. Различіе въ направленіи той и другой партіи въ византійскомъ государствѣ онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: Голубые, — это приверженцы римскаго монархизма, защитники императорской власти, льстецы государей и проч. Зеленые, — это враги всякой ксенократіи и слѣд. враги чуждой греческаго элемента монархіи, это истинные патриоты, поборники демократическихъ началъ и по преимуществу — православныя, вообще поборники національныхъ интересовъ. — Взгляды автора «Судьбы Италіи» конечно не вѣрны. Но и мнѣніе Зампеллі нельзя принять безъ ограниченія. Во первыхъ нигдѣ не видно, что бы зеленые козтавали противъ монархіи въ принципѣ. Нѣкоторыхъ государей они сами поддерживали, какъ напр. Зенова, а нѣкоторыхъ сами возвели на престолъ, какъ напр. Иракли. Во вторыхъ приверженность ихъ въ православію почти нигдѣ незаметна. Чаще всего они становятся приверженцами государей, вовсе не отличавшихся преданностію св. Церкви. Только въ борьбѣ св. Кирилла Александрійскаго съ Несторіемъ они по всей вѣроятности приняли сторону перваго противъ Несторія, (хотя прямыхъ указаній нѣтъ, но можно это предположить на основаніи того необыкновеннаго уваженія, которое зеленые питали къ памяти св. Кирилла, и той ненависти, которую они питали въ несторіанамъ въ послѣдствіи). Темъ не менѣе это мнѣніе не лишено основанія. Вѣрно, что зеленые отстаивали интересы влани-восточные; вѣрно и то, что они отличались свободомыслиемъ и либеральными стремленіями, хотя ихъ либерализмъ доходилъ до несогласія. Что же касается до партіи голубыхъ, то она дѣйствительно таготѣла къ темъ императорамъ, которые были провозглашены древне-римскими понятіями о власти. Либерализму своихъ соперниковъ голубые прогнѣвствовали строгіимъ консерватизмомъ, суровостью нравовъ и формализмомъ. Такимъ образомъ зеленыхъ можно назвать партіею *свободы*, иногда необузданной, а голубыхъ партіею *порядка*, иногда не выносившаго

бенною благосклонностью и въ которыхъ изъ православныхъ императоровъ, изъ чего можно видѣть, что они въ то время еще не успѣли выдаться своимъ направлениемъ; тѣмъ не менѣе они пользовались вниманіемъ такихъ православныхъ государей, которые при своемъ православіи отличались въ тоже время и свѣтскою образованностью, какъ напр. Θεодосій Младшій. Этотъ государь, развившій въ себѣ любовь къ благочестию, подъ вліяніемъ сестры своей благочестивой Пульхеріи (1), не чуждъ былъ и вліянія греко-восточнаго комфорта и тогдашней свѣтской образованности. Это былъ государь ученый (ἐλλευγρός) (2), достаточно знавшій астрономію, знакомый съ пластикою и многими другими искусствами, отлично умѣвшій вѣздить верхомъ и стрѣлять изъ лука, кроткій по характеру, до изысканности вѣжливый въ обращеніи, даже до известной степени любившій придворныхъ свужоузъ (3) и имѣвшій женою своею образованную дочь эллинскаго философа, известную Евдокію, которая, конечно, не могла не имѣть на него вліянія. Послѣ этого не удивительно, что Θεодосій былъ особенно расположенъ къ партіи зеленыхъ (4), тѣмъ болѣе, что она, въ качествѣ партіи цирка, не имѣла еще сильнаго политическаго значенія. Но послѣ того, какъ та же самая партія начала стоять за ересь монофизитства, и послѣ того, какъ константинопольскій епископъ св.

(1) Histor. Georg. Cedr. t. 1, p. 586.

(2) Ioann. Malal. t. XIV, p. 359.

(3) Histor. Georg. Cedr. t. 1, p. 587: Πάντες παιδείας μεταβολὴν καὶ ἀσκήσιν τῆς ἀστρονομίας, ἑπιπέσειν τε καὶ τοξόταν ἀσκήσεις, πέσαν τοῦ περὶν καὶ πολλὰς τῶν ἐν γαστρὶ τεχνῶν διέξοχας, φάσας ἀκικαῖχαινας, οἷον γραφικὴν καὶ πλαστικὴν καὶ ἄλλας πλείους, μαδίχως τὸν τρόπον καὶ ἀσάχην ἐπισκεύη... διαπερὶν τῆ πρός τινε ἐκδοχῆς κρατούσαντ ἀβολὴ καὶ.

(4) Ioann. Mal. XIV, p. 351: Ἐβουχίρα τῆ πρασίνοφ βέροι καὶ.

Флавіанъ былъ замученъ на разбойничьемъ соборѣ еретикомъ Діоскоромъ ⁽¹⁾, по проискамъ любимца Θεодосіева внуха Хрисафія, покровителя и патрона зеленыхъ, послѣ этого Θεодосій отсталъ отъ этой партіи, удаливъ своего любимца и вполне отдался православнои партіи своей сестры ⁽²⁾. Преемникъ Θεодосія, супругъ сестры его Пульхеріи, императоръ Маркіанъ, человекъ православный и строго благочестивой жизни, но, въ противоположность Θεодосію, чуждый всякой свѣтской образованности ⁽³⁾, крайне ненавидѣлъ зеленыхъ и вполне былъ преданъ партіи голубыхъ ⁽⁴⁾, а потому предалъ смерти ⁽⁵⁾ Хрисафія, покровителя и патрона зеленыхъ, и замѣнилъ разбойничій соборъ другимъ, истинно-православнымъ, халкидонскимъ соборомъ, на которомъ восторжествовало, какъ извѣстно, православное ученіе о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ. Съ этихъ поръ начинается долгая и упорная борьба православія— сначала съ монофизитствомъ, а потомъ съ моноелитствомъ, и, параллельно съ развитіемъ этой борьбы, усиливаются враждебныя столкновенія между двумя

(1) Ср. Θεοφανα χρονογράφα, стр. 150—157, съ Ιοαννίς Μαλαί. XIV, р. 368.

(2) Theophan. Synogr., р. 157—158. По проискамъ того же Хрисафія и Евдокии, благочестивая Пульхерія была удалена отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, но, послѣ исторіи съ св. Флавіаномъ, Θεодосій опять возвратилъ Пульхерію, а Евдокия отправилась въ Іерусалимъ и тамъ скончалась (ibid., 150—160).

(3) Ἦν δὲ Μαρκιανὸς ἀιδέσμενος τὸν τρόπον παρεμπιπτός... σοφῶν καὶ περὶ τὸ θεῖον εὐλαβῆς καὶ ὀρθοδόξος, περὶ τοὺς ἀμαρτάνοντας συμπιπτός, ἀπειρος δὲ παιδείας τῆς ἐξώθεν. (Histor. Georg. Cedr., р. 603).

(4) Ὁ δὲ αὐτὸς Μαρκιανὸς ἔχαιρε τῷ Βενέτῳ μέρεϊ κατα πόλιν. (Ιοαννίς Μαλ. XIV, р. 368).

(5) Ibid. Καὶ Χρυσάφιον ἀπεχεφάλωσε καὶ ἐθίμενο... καὶ ὡς προστάτην τῶν πρασίνων.

партіями. При еретичествующихъ императорахъ усиливается зеленая партія, а при православныхъ голубая; впрочемъ эта солидарность зеленыхъ съ монофизитами, а голубыхъ съ православными, является у византійскихъ историковъ очевидно лишь съ царствованія Юстина I. Пресмникъ Маркіана Левъ старшій (457 г.), государь также благочестивый, преслѣдовавшій еретиковъ и, подобно Маркіану, *καθεῖρας καὶ μαθημάτων ἐκτός* (1), слѣдовалъ во всемъ политикѣ своего предшественника. Прежде всего онъ заявилъ себя сторонникомъ халкидонскаго собора. Поэтому, когда монофизиты въ Александріи умертвили своего православнаго епископа Протерія, посадивъ на его мѣсто еретика Тимофея Элуря, тогда онъ, удостовѣрившись въ согласіи съ нимъ cadaго изъ подвластныхъ ему главныхъ епископовъ на признаніе IV вселенскаго собора, отправилъ Элуря въ ссылку, а на его мѣсто поставленъ былъ одинъ изъ православныхъ—Тимоеей Салофакіоль (2). Монофизиты, бессильные еще въ борьбѣ съ самими императорами, привлекли на свою сторону заты императора, Зенона, и, во время пребыванія послѣдняго въ Антиохіи въ качествѣ полководца всего востока, они успѣли изгнать Мартирія—православнаго епископа, и, съ помощью Зенона, возвели на антиохійскую кафедру Петра Гнафевса еоопасхита, хотя и не на долго. такъ какъ императоръ, узнавъ объ этомъ, немедленно приказалъ его удалить (3). При всемъ этомъ, въ царствованіе Льва старшаго, борьба между православными и монофизи-

(1) Georg. Cedr., p. 607.

(2) Ibid., p. 609. Theophan. Chronograph., p. 172—173.

(3) Georg. Cedr. histor., p. 611—612. Theophan. Chronograph., p. 175—176.

тами не была еще такъ сильна, какъ при его преемникахъ. Императоръ Зенонъ, захватившій власть послѣ Льва старшаго и внука его Льва младшаго, въ первое время своего царствованія, хотя и сочувствовалъ монофизитамъ, однакожь не объявлялъ себя за нихъ формально. Напротивъ того Василискъ, свергнувъ Зенона, тотчасъ по вступленіи на престолъ, прямо объявилъ себя сторонникомъ монофизитовъ. На александрійскомъ патріаршествѣ онъ возстановилъ изгнаннаго при Львѣ I лже-патріарха Тимоѳея Эдура, а на антиохійскомъ—Петра Гнафевса, и издалъ указъ (эникликіонъ), отвергающій халкидонскій соборъ. Православные, вооружившись противъ него за такой поступокъ, вынудили его къ изданію противоположнаго указа (антиэникликіона) (1). Не изданіе послѣдняго указа, естественно, вооружило противъ него партію монофизитовъ; между тѣмъ и православные все еще были недовольны имъ. Пользуясь этимъ неловкимъ положеніемъ Василиска, Зенонъ возвратился изъ бѣгства и, съ помощью своихъ приверженцевъ, вступилъ въ столицу, овладѣлъ престоломъ и уморилъ съ голоду Василиска съ семействомъ въ одной изъ крѣпостей (2). Императоръ Зенонъ, на первыхъ порахъ своего вторичнаго царствованія, дѣйствовалъ, повидимому, въ пользу православныхъ, уступалъ, повидимому, силѣ православной партіи, которой онъ былъ обязанъ отчасти своимъ возстановленіемъ; но на самомъ дѣлѣ онъ всегда былъ расположенъ къ партіи зеленыхъ, прощая ей нерѣдко самыя возмутительныя

(1) Theophan. Chronograph., p. 188.

2, Ioannis Malal. l. XV, p. 380.

поступки (1), а православныхъ никогда не любилъ (2). Впоследствии (въ 482 г.) онъ издалъ эдиктъ, въ которомъ излагалось православное ученіе, утвержденное на трехъ вселенскихъ соборахъ, халкидонскому же собору не придано значенія IV вселенскаго, хотя осужденнаго имъ Евтихія эдиктъ признавалъ еретикомъ наравнѣ съ Несторіемъ. Этотъ эдиктъ, извѣстный подъ именемъ *Эвтихія*, подписанный сперва константинопольскимъ патріархомъ Абакиемъ изъ православныхъ, александрійскимъ Петромъ Монгомъ изъ монофизитовъ и многими другими епископами, былъ изданъ, какъ говорятъ, по мысли Акакія (3), съ цѣлью соединить монофизитовъ съ православными и прекратить такимъ образомъ существовавшіе между обѣими сторонами раздоры. При этомъ нельзя не замѣтить, что императоръ Зенонъ, мало понимавшій въ религіозныхъ дѣлахъ, при изданіи своего эдикта, имѣлъ въ виду чисто политическіе расчеты. При такомъ

(1) Ibidem, I. XV, p. 379; 385.

(2) Известно, что въ его царствованіе монофизиты утомили православнаго антиохійскаго епископа въ р. Оронтѣ, и Зенонъ оставилъ это дѣло безъ слѣдствій.

(3) *Καὶ ἐπισημὰν ἐπιφάνη Ζηνοῦ καὶ πρὸς τὸν ἑσπέρηνον ἐπισκῶν* Акакія тоб Константинопольскаго епископа, *ὁσφαι πύλας*. Theophanis Chronograph. p. 202. "Ὁν τὸν Νεστορίον, сказано между прочимъ въ этомъ эдиктѣ, *ἔλα καὶ ἐβουλή τὰ μάλιστα τοῦ ἐκκλησιαστικοῦ προορισμοῦ, ἡμειψαρχίζουσαν*. Далѣе въ концѣ *πύλας* *ἐκ τῆς ἑτέρας τῆς προμήχανης, ἣ ἔστι ἡ πόσις, καὶ ἐκ τῆς Χαλκιδονίης, ἣ ἐκ τῆς ἑτέρας τῆς ἡμειψαρχίζουσαν*. Спрашивается, какое значеніе имѣетъ непризнание халкидонскаго собора вселенскимъ, когда осужденное имъ лицо (Евтихій) осуждается самымъ эдиктономъ? Дѣло въ томъ, что этотъ соборъ созданъ врагомъ зеленой партіи, казвившимъ ея патрона и зажившимъ ея послѣдователей политическихъ правъ, въ угоду партіи противной. Это было, такъ сказать, *ἐκ τῆς ἡμειψαρχίζουσαν*, и политическіе расчеты Зенона требовали его отстраненія. Въ угоду же православной партіи нужно было, съ другой стороны, предать анаемѣ и того человѣка, ученіе котораго взволновало весь православный міръ.

шаткомъ положеніи, въ какое вообще византийскіе императоры всегда были поставляемы, вслѣдствіе рѣшительнаго противодѣйствія ихъ той или другой партіи, политическая расчетливость требовала иногда, чтобы тотъ или другой императоръ старался держать себя, такъ сказать, въ равновѣсіи между двумя враждебными другъ другу партіями, старался угодить, сколько можно, и тѣмъ и другимъ, чтобы самому не лишиться власти и надъ тѣми и надъ другими. Такая расчетливость нужна была и Зенону. При сильномъ разгарѣ политическихъ страстей между современными ему партіями, положеніе его было слишкомъ непрочное. При всемъ его расположеніи къ партіи зеленыхъ, которая, со времени халкидонскаго собора, стала защищать монофизитство, онъ не могъ все таки открыто стоять за нее, такъ какъ противоположная партія была болѣе сильна. Быть же сторонникомъ православныхъ было не въ его духъ, тѣмъ болѣе, что это въ политическомъ отношеніи было не совсѣмъ безопасно. Очевидно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, нужно было для упроченія за собою престола какъ илбудъ поладить съ тѣми и съ другими, придумать что илбудъ такое, чѣмъ могли бы быть довольны обѣ стороны и что могло бы объединить ихъ. И вотъ вышеупомянутый *эвтихиъ* представляется Зенону мѣрою, способствующею къ достиженію такой цѣли, такъ какъ съ одной стороны изложенное въ немъ ученіе одинаково приято какъ православными, такъ и монофизитами, а съ другой—пункты разногласія между обѣими сторонами (вопросъ объ отношеніи двухъ естествъ во Христѣ) совершенно обойдены. Судьба этого знаменитаго эвтихона извѣстна. Право-

славная церковь впоследствии отвергла его, потому что онъ не выражалъ собою полноты и точности православнаго ученія и представлялъ изъ себя болѣе сдѣлку, которая никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить выраженіемъ догматической истины. Но и въ политическомъ отношеніи онъ не привелъ къ желаемой цѣли, потому что антагонизмъ партій не прекратился, и Зенонъ принужденъ былъ бороться со многими затрудненіями и искушеніями по поводу указа до своей кончины (1).

Преемникомъ Зенона былъ назначенъ, по желанію Ариадны, вдовы умершаго императора, и съ согласія сената и войска, Анастасій, извѣстный и прежде своею холодностію къ православію (2). Но, при своемъ вступленіи на царскій престолъ, онъ долженъ былъ, по настоянію патріарха Евѳимія, дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ признаетъ халкидонскій соборъ (3). На первыхъ порахъ своего царствованія, онъ велъ себя въ отношеніи къ православнымъ, повидимому, въ должныхъ границахъ. Но вскорѣ затѣмъ, безъ сомнѣнія — по причинѣ недовольства имъ партіи монофизитовъ, онъ вытребовалъ назадъ у патріарха свое письменное обѣщаніе (4) и такимъ образомъ отношенія его къ православнымъ нѣсколько измѣнились. Между тѣмъ партія зеленыхъ, обнадеженная, быть можетъ, этимъ переделомъ въ политикѣ

(1) См. Theoph. Chronogr. p. 208 и 209, гдѣ говорится о многихъ неответвахъ Зенона, вызванныхъ вслѣдствіе недовольства имъ православныхъ вельможъ.

(2) Ibid. p. 208. Патріархъ Евѳимій тогда преслѣдовалъ его, какъ еретика, и грозилъ ему, *ὅτι ἐὰν πάλαιτο, ἀποκείρα τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ.*

(3) Ibid. p. 210. 4; Ibid. p. 215.

Анастасія, произвела страшныя сцены не только въ Константинополѣ, но и въ провинціяхъ. Однажды, во время цирковыхъ игръ, зеленые, внезапно-негаданно, напали на голубыхъ съ копьями и камнями (которые были скрываются у нихъ въ корзинкахъ, наполненныхъ ягодами и сохранившихся въ ипподромѣ) и убили изъ нихъ до трехъ тысячъ человекъ. Этыхъ убитыхъ въ ипподромѣ голубыхъ Бароній почему-то причислилъ къ сонмищу мучениковъ православія (1). Въ виду этого страшнаго злодѣянія эпархъ города арестовалъ зачинщиковъ, но зеленые силою ихъ освободили и добились у Анастасія того, что эпархъ былъ замѣненъ ихъ патрономъ Платономъ (см. ниже). Почти такія же неслухства зеленые совершали и въ Антиохіи (2). Анастасій волей неволей имъ уступалъ и по отношенію къ православнымъ онъ сталъ руководствоваться политикою своего предшественника, то есть, началъ требовать отъ подвластныхъ ему епископовъ признанія Зенонова энотикона. Удаливъ, посредствомъ собора, преданныхъ ему епископовъ, патриарха Евѳимія, онъ поставилъ на его мѣсто ексѳофилакса Македонія; послѣдній оказался твердымъ въ православіи. Хотя онъ и согласился признать энотиконъ (3), однако, спустя нѣсколько времени, на мѣстномъ соборѣ епископовъ, онъ объявилъ халкидонскій соборъ истинно-вселенскимъ и этимъ расположилъ къ себѣ всѣхъ православныхъ. Анастасій, повидимому, и теперь ничего не предпринималъ противнаго православнымъ. Но вотъ, спу-

(1) Барон. Annal. 501. (2) Юван. Malal. XVI, p. 398. (3) Theoph. Synocograph. p. 217.

стя нѣсколько времени, онъ начинаетъ склонять патріарха къ монофизитству (1). Найдя его непреклоннымъ, онъ началъ заботиться о его низверженіи: онъ долго ничего не могъ сдѣлать противъ патріарха, потому что народъ готовъ былъ возстать противъ него изъ-за патріарха (2). Только въ 511 году удалось императору, съ помощію преданныхъ ему клириковъ, лишить его патріаршаго престола — съ обвиненіемъ его въ ереси (несторіанской) и въ безнравственности (3)—и поставить на его мѣсто новаго, совершенно преданнаго ему патріарха Тимофея.

Съ этого времени Анастасій открыто уже началъ дѣйствовать противъ православныхъ и съ этого же времени начались противъ него демонстраціи народныя и открытыя возстанія со стороны православныхъ. Однажды, по случаю прибавленія монофизитскаго выраженія «распныйся за ны» въ церковной пѣсни «Святый Боже», народъ возмутился, убилъ одного монофизитскаго монаха, любимаго императоромъ, сжегъ другую монофизитку и въ цркви потребовалъ сверженія Анастасія и назначенія на его мѣсто другаго императора. Патронъ зеленой партіи, энархъ Платонъ, скрылся отъ ярости народной. Анастасій готовъ былъ отказаться отъ престола и публично снялъ съ себя царскую діадему. Смигченный этимъ народъ оставилъ его на престолѣ, получивъ отъ него обѣщаніе не посягать на неприкосновенность православія (4). Но когда Анастасій не сдержалъ своего обѣщанія и началъ

1, Ibid. p. 219. (2) Ibid. p. 230. (3) Ibid. p. 239.

(4) Ibid. 217; Georg. Cedr. histor. p. 631; Ioann. Mal. l. XVI. p. 407—408.

преслѣдовать православныхъ, тогда полководецъ Виталианъ, родомъ скиѣ, возсталъ противъ него съ войскомъ, составленнымъ изъ гуиновъ и болгаръ, разбилъ войско императора, завладѣлъ многими областями и угрожалъ взятіемъ самой столицы. Анастасій просилъ мира и согласился на всѣ требованія Виталиана—возвратить сосланныхъ православныхъ епископовъ и созвать соборъ. Но въроломный императоръ опять не сдержалъ своихъ обѣщаній; тогда Виталианъ опять вооружился противъ него и на этотъ разъ былъ побѣжденъ. Анастасій вскорѣ затѣмъ скончался. Такимъ образомъ, показавъ себя въ началѣ своего царствованія какбы расположеннымъ къ православнымъ, этотъ императоръ затѣмъ уже окончательно перешелъ на сторону монофизитовъ. Но мы не сказали, какъ онъ относился къ послѣднимъ въ то время, когда онъ былъ, повидимому, на сторонѣ православныхъ, и какъ тогда тѣ относились къ нему. На этотъ вопросъ мы не находимъ прямого отвѣта ни у Теофана, ни у Кедрина; но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ пасхальной хроники и Іоанна антиохійскаго, мы можемъ утверждать, что императоръ и ихъ преслѣдовалъ и они были не довольны имъ. Когда зеленые въ циркѣ бросали въ Анастасія камнями и едва не убили его за то, что онъ не уважилъ ихъ просьбы — освободить изъ темницы заключенныхъ епархомъ *преступниковъ*, когда онъ для ихъ усмиренія принужденъ былъ смѣнить епарха и на его мѣсто назначить патрона зеленыхъ Платона ⁽¹⁾ (того самаго, который потомъ, при демонстраціи православной толпы, долженъ былъ, какъ мы видѣли, укрыться отъ ея ярости),—

⁽¹⁾ Іоанн Мал. т. XVI, р. 394; Chronic. paschate р. 603.

въ это время кто могъ быть настоящими дѣятелями, какъ не крайніе монофизиты? Далѣе извѣстно, что монофизиты, не только при немъ, но еще и при Зенонѣ, гнали и преслѣдовали православныхъ особенно въ Александріи и Антиохіи, гдѣ они были по преимуществу сильны и многочисленны; между тѣмъ Іоаннъ антиохійскій, не употребляя слова «монофизиты», неоднократно говоритъ, что зеленые чинили безпорядки и что Анастасій, посредствомъ своихъ полководцевъ, употребляетъ энергическія и даже крупныя мѣры къ ихъ усмиренію (1). Изъ этого слѣдуетъ, что, такъ называемыя, монофизитскія междоусобія были въ существѣ дѣла междоусобіями политическихъ партій зеленыхъ и голубыхъ. Стало быть, если Іоаннъ антиохійскій говоритъ, что Анастасій не благоволитъ ни къ зеленымъ, ни къ голубымъ (2), то это, по нашему мнѣнію, значить, что онъ, на первыхъ порахъ не сочувствовалъ самоуправству и самочинію монофизитовъ въ отношеніи къ православнымъ, а впоследствии не сочувствовалъ противодѣйствію православныхъ своей политикѣ.

Совсѣмъ иначе шли дѣла при преемникѣ Анастасія Юстинѣ. Юстинъ—государь, по отзыву Кедрина, мудрый и отличавшійся мужественнымъ характеромъ и красотой, хотя и необразованный, по свидѣтельству Іоанна антиохійскаго и Прокопія кесарійскаго,

(1) Іоанн Мал. т. XVI, р. 396—398.

(2) Τὸς πράξιμας καὶ Βασίλειος πᾶσαι τῆς ἐπιβουλῆς (Іоанн. Мал. XVI, р. 393). Тутъ же авторъ говоритъ: Ἐφ' ἧς δὲ ὁ ἄλλος βασιλεὺς τὸ Ρωμαίων πέρος Κωνσταντινουπόλεως. Мы не знаемъ, какого направленія люди составляли эту партію; но мы не можемъ не сопоставлять этого мѣста съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ Θεοφάνη хронографа: Μανουχίος δὲ καὶ Ἀρσίνος ἔρχονται ἐπὶ Ἀναστασίῳ (р. 210).

даже безграмотный (1)—былъ всецѣло преданъ православію, а потому, лишь только взошелъ на престолъ, прежде всего возстановилъ права православныхъ, поправивъ ногами со стороны двухъ предшествовавшихъ династій, замѣщеніемъ монофизитскихъ епископовъ православными епископами (2). И вотъ параллельно съ этимъ обстоятельствомъ мы видимъ, что и голубая партія, доселѣ угнетенная партією зеленыхъ, восторжествовала. Теперь голубые съ такою яростію стали нападать на зеленыхъ, что они въ теченіе болѣе пяти лѣтъ во всѣхъ городахъ имперіи, начиная съ Антиохіи, совершали надъ ними убійства и грабежи: убивали ихъ не только на площадяхъ и улицахъ, но и въ домахъ; никто изъ начальствовавшихъ лицъ не могъ ихъ сдержать, пока самъ императоръ, на шестомъ году своего царствованія, не приказалъ употребить энергическія мѣры къ приостановленію зла (3). Іоаннъ антиохійскій передаетъ намъ еще другой фактъ, который также показываетъ солидарность Юстина съ этою партією, а именно: когда одинъ изъ главныхъ вождей голубой партіи въ Константинополѣ, по имени Θεодосій, по распоряженію тамошняго епарха (губернатора) Θεодота, былъ преданъ казни, тогда императоръ, не смотря на то, что самъ требовалъ усмиренія голубыхъ, разгнѣвался на епарха за казнь упомя-

(1) *Ἐν πολέμοις κολωμένος, φειδύμενος, παροξύνεται δὲ* (Ioann. Mal. XVII, p. 110). *Procop. histor. armen. p. 44: Καὶ τὸ δὲ παροξύνον ἀναπέθετο* etc.

(2) *Theoph. Chron. p. 255 Georg. Cedr. histor. p. 637.*

(3) *Ἐδύμοχρηταίον τὸ Βένετον μέρος ἐν πόλει ταῖς πόλεσι... καὶ ἔσφαζον τοὺς ἕτεροι τοὺς ἀπαυθύντας καὶ τὰς κατ'οἶκον κλοπὰς ἐπιπέμποντες δὲ ἐφ'ὧν ἐπὶ τῷ πατριάρχῳ τῶν ἀρχιεπίσκοπων ἐκδικεῖται τῶν φόνων ποίησαι. Ταῦτα δὲ ἐπέταξε, ὥς ἐστιν ἔκτῳ Ἰουστινῶος τοῦ δευτέρου. Theoph. Chronogr. p. 256.*

нутаго вожда, — казнь, какъ совершившуюся безъ его вѣдома, и отправилъ его въ ссылку (1).

Такое же отношеніе къ этимъ партіямъ — враждебное къ зеленымъ и благосклонное къ голубымъ — имѣлъ и преемникъ Юстинна, его племянникъ Юстиніанъ (2), который былъ, какъ извѣстно, столько же ревностнымъ православнымъ, сколько и усерднымъ гонителемъ эллиновъ (язычниковъ) и еретиковъ (3). При этомъ государь голубые занимали, по свидѣтельству Прокопія, всѣ высшія должности (4), тогда какъ зеленые постоянно подвергались преслѣдованіямъ (5). Эти отношенія Юстиніана къ названнымъ партіямъ были всею извѣстны: ихъ зналъ даже и ими пользовался современный Юстиніану персидскій царь Хозрой, который велъ съ нимъ жестокую и продолжительную войну (6). Сама Θεодора его супруга, по происхожденію своему принадлежавшая къ партіи зе-

(1) Ioann. Malal. XVII, p. 416.

(2) Ioann. Mal. XVIII: Ἐρχομα δὲ τὸ Βενέτον μέγα. Προσὸρ. Hist. p. 47: Τὸ δὲ ἄξιον ἐκ παλαιῶν ἡμεῶν διὰ διατηρήσεως... ἀπὸ αὐτοῦ (то есть Юстиніана, τῆς Βενέτων ἀπαρτισμένου, ἢ οἱ καὶ τὸ προτέρον κίττωποδαστρέων ἐπέχοντες, ἐπὶ ἡμεῶν καὶ συνεταράχθη ἀπαντα ἔχοντες. Καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐς γόνον ἔβηθη Ρόφικια τῆς πολιτείας παποῦσκον.)

(3) Theoph. Chron. p. 276: Ἐπιόχραμα ὁ βασιλεὺς Ἰουστινιανὸς διωχρὸν μέγα κατὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ πάσης ἀρεῆσεως καὶ τὰς τούτων νομίας ἐδύμεσαν.

(4) Ἄρρη γὰρ (то есть Юстиніанъ и его супруга Θεодора) μέγα τῆς Βενέτων ἐκ παλαιῶν ὄντες ἐν πολλῇ εἰρήσει τούτο δὲ τοῖς στασιώταις τὰ ἐς τῆς πολιτείας ἔβητο πράγματα. Hist. Arcan. p. 61.

(5) Преслѣдованіе зеленыхъ началось раньше, чѣмъ преслѣдованіе язычниковъ и мучикъ еретиковъ. Ὅσα ἐς πάντα μέγα το κακὸν κατ' ἀρχαίς ἤμετο ἀλλ' ἄρα ἢ πρότερον εἶνα: ἢ μεγάλα περιβαλλήσανα χυμῶτα ἐδοξάν ἢ ἄλλοι προσεκομῶτες ἐπέχοντες (Histor. Arcan. p. 76).

(6) Ἐπει δὲ ἰσχυρῶς πολλῶ πρότερον (Хозрой) Ἰουστινιανὸν βασιλέα χυμῶτα τοῦ Βενέτου (ὁ δὲ κακῶτερον ἔστω) ἐκτόπως ἐρῆ ἀπεναντίας αὐτῷ κινεῖσθα ἔβη: βολόμενος ἔβησε τῷ πράσινῳ τῆς νίκης ἀρῶσαι: (De bello Persico, II, p. 203).

ленныхъ (¹); перешла на сторону голубыхъ и удостоивала эту партію особеннаго своего вниманія (²).

До какой степени Юстиніанъ увлекся ненавистію къ противной ему партіи зеленыхъ, можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, приводимымъ Теофаномъ хронографомъ и Проконіемъ кесарійскимъ. Однажды, въ октябрь мѣсяцъ 6054 года отъ сотворенія міра, завязалась въ циркѣ между двумя партіями жестокая кровопролитная схватка, въ виду самого царя. Царь посылаетъ двухъ сановниковъ разогнать борющихся, — но они ничего не могли сдѣлать. Наконецъ царь приказалъ (войскамъ) забрать зеленыхъ и тогда схватка кончилась. Толпа борющихся бѣжала: одни — голубые бѣжали во храмъ Божіей Матери, что во Влахернѣ, другіе — зеленые — во храмъ св. Евѣмїи въ Халкидонѣ. Но первые, прибѣгши во храмъ, спаслись отъ преслѣдованія, а послѣдніе — нѣтъ: они были выведены изъ храма и многіе изъ нихъ были наказаны и арестованы. Жены и матери ихъ приходили въ церковь, говоритъ Теофанъ, и испрашивали помилованія имъ у царя, но онѣ были изгоняемы палками, — царь же не прощалъ ихъ до наступленія праздника Рождества Христова (³). Такія схватки часто повторялись въ царствованіе Юстиніана и всегда кончались злополучнымъ исходомъ для зеленыхъ. Однакожъ справедливость требуетъ замѣтить, что и голубые не всегда и не все наслаждались полнымъ спокойствіемъ подѣ

(¹) Теодора была дочь какого-то Проконіа, принадлежавшаго къ партіи зеленыхъ (Histor. aecan. p. 58). Въ молодости она была актрисою и во время ея бѣдности зеленые отделили ее съ презрѣніемъ, между тѣмъ какъ голубые приняла въ ней участие (Histor. aecan. p. 59).

(²) Ibidem. p. 70.

(³) Theoph. Chron. p. 361—365.

эгидою царя Юстиніана: среди нихъ бывали люди, остававшіеся недовольными образомъ его дѣйствій, а потому и они не избавились отъ его тяжелой руки (1). Но такой образъ дѣйствій Юстиніана въ отношеніи къ его подданнымъ не могъ не вызвать противъ него серьезной оппозиціи: дѣйствительно, однажды, во время игры въ циркѣ (на пятомъ году царствованія Юстиніана), произошла схватка между двумя партіями въ виду самого царя. Зеленые, раздраженные преслѣдованіемъ правительства, удалились изъ цирка, предали огню многія присутственныя мѣста, въ томъ числѣ и зданіе сената, и произвели сильный мятежъ на улицахъ города. Напрасно Юстиніанъ явился въ циркѣ, чрезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія, и упрашивалъ мятежниковъ успокоиться, давая имъ клятвенное обѣщаніе въ выполненіи всѣхъ требованій ихъ. Зеленые отвѣчали ему: *Ἐπιστολῆς, ἐγχεῖσαι* (2). Въ это время они успѣли привлечь на свою сторону и многихъ изъ голубыхъ, недовольныхъ императоромъ, и провозгласили императоромъ Ипатія — одного изъ родственниковъ императора Анастасія. Войска колебались. Юстиніанъ же хотѣлъ сѣсть на корабль и удалиться изъ столицы, но Феодора возстала противъ такого намѣренія мужа и убѣждала его лучше умереть съ достоинствомъ, чѣмъ предаваться позорному бѣгству. Благодаря ей,

1) Procop. histog. aecap. p. 47.

(2) Феоданъ подробно передаетъ содержаніе этого интереснаго разговора между Юстиніаномъ и зелеными. Въ этомъ разговорѣ, дошедшемъ до Феодана, вѣроятно, въ протоколахъ, нѣтъ выраженія *Ἐπιστολῆς, ἐγχεῖσαι*. Тамъ не менѣе въ уста зеленыхъ влгается довольно дерзкихъ фразъ. Такъ они говорятъ императору: О, если бы Савватій (отецъ Юстиніана, не родился, тогда бы онъ не имѣлъ сына-убійцы (p. 281).

приняты были рѣшительныя мѣры. Велисарій, съ помощію вѣрныхъ ему ветерановъ, внезапно ударилъ на циркъ, гдѣ былъ новый императоръ съ мятежниками. Тутъ произошло внезапное избіеніе зеленыхъ; мятежь былъ подавленъ. Тридцать тысячъ человекъ пало жертвою этого мятежа, начатаго зелеными. Ипатій векоръ затѣмъ былъ убитъ; тѣло же его было брошено въ море. Злополучный исходъ мятежа для зеленыхъ, конечно, обезсилилъ ихъ (1). Само собою разумѣется, что ненависть ихъ къ Юстиніану и къ покровительствуемой имъ партіи все болѣе и болѣе должна была возрасти. Дѣйствительно, мы и видимъ, что въ царствованіе Юстиніана враждебныя столкновенія и кровопролитныя схватки между двумя партіями повторялись особенно часто (2) какбы въ соотвѣтствіе множеству религіозныхъ столкновеній и богословскихъ споровъ и состязаній между православными и монофизитами, ознаменовавшихъ собою это царствованіе (3).

(1) Theophan. chronog. p. 286. Procopii de bello persico, p. 129.

(2) Theoph. Chron. p. 352, 363, 366, 370. См. р. Іоанн. Мал. XVIIII.

(3) Нельзя, конечно, сказать, чтобы Юстиніанъ безцѣльно преслѣдовалъ зеленыхъ; объединеніе всѣхъ существовавшихъ тогда партій подъ однимъ знаменемъ—вотъ его цѣль. Это видно изъ дѣятельности его въ области церковной—изъ его попытокъ соединить монофизитовъ съ православными. Эдиктъ его о, такъ называемыхъ, трехъ главахъ (Θеодоритъ, Ива едесскій и Θεодоръ мопсуетскій—составляли для монофизитовъ предметъ глубокаго отвращенія), направленный противъ несторіанства, былъ изданъ именно съ этою цѣлю. Ту же самую цѣль Юстиніанъ имѣлъ и тогда, когда заставилъ римскаго папу Вигилія невольничать издать свой знаменитый *indicatum* и когда потребовалъ отъ созваннаго имъ V вселенскаго собора анафематствованія трехъ упомянутыхъ главъ. Стремленіемъ къ соединенію монофизитовъ съ православными путемъ различныхъ уступокъ послѣднимъ безъ ущерба первымъ Юстиніанъ увлекся до того, что наконецъ и самъ былъ близокъ къ ереси; но только скоро наступившая за тѣмъ смерть его избавила православныхъ отъ его еретическихъ помысловъ. Намъ кажется, что

Въ болѣе миролюбивыя отношенія къ зеленымъ поставилъ себя преемникъ Юстиніана Юстинъ II, его племянникъ *βασιλεύς πάυς* (¹). Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по слѣдующему обстоятельству. Однажды начались въ цркѣ сильные споры между двумя партіями и обѣ готовы уже были вступитъ въ кровопролитный бой между собою. Но въ это время Юстинъ II послалъ сказать голубымъ, что Юстиніанъ для нихъ уже не существуетъ, а зеленымъ было сказано, что Юстиніанъ еще живъ (²). Это значить, что онъ далъ знать первымъ, что онъ не будетъ поддерживать ихъ подобно Юстиніану, а послѣднимъ, что онъ готовъ идти противъ нихъ, если стануть волноваться и производить мятежи. Благодаря этому, обѣ партіи усмирились и долго уже не спорили между собою, по свидѣтельству Теофана, такъ что не только при Юстиніанѣ II, но и при его преемникѣ Тиверіѣ II не было никакихъ столкновеній между ними. За то при Маврикіѣ, государѣ благочестивомъ, они возобновились съ новою силою. Партія зеленыхъ, раздраженная отказомъ Маврикія выкупить у персовъ греческихъ плѣнныхъ, присоединилась къ недовольному императоромъ войску, возстала противъ него, свергла съ престола и провозгласила сотника Фоку императоромъ. «*Μη συχῆν δέσσειν ἡ φίλων σέ, Μανρίμω Μαρκιστῆ*» (³), говорили зеленые Маврикію, осывая какъ его, такъ и патріарха Киріака, ругательствами (⁴).

Юстиніанъ, действуя такимъ образомъ въ отношеніи къ монофизитамъ, являлъ въ виду главнымъ образомъ смягчить чрезвѣрно раздраженныхъ противъ него зеленыхъ, которые, при всѣхъ преслѣдованіяхъ съ его стороны гражданскимъ путемъ, могли быть для него весьма опасными противниками.

(¹) Theoph. Chron. p. 373. (²) Ibidem p. 375. (³) Ibidem p. 145
(⁴) Theophylact. Simocat. p. 331.

Германъ зять умершаго Тиверія, назначенный послѣднимъ кесаремъ, то есть, наследникомъ престола послѣ Маврикія, просилъ въ это время зеленыхъ о томъ, чтобы они провозгласили его императоромъ, какъ законнаго наследника престола, обѣщая имъ при этомъ содѣйствіе въ ихъ пользу (1). Но зеленые отвергли это предложеніе, говоря: «не можетъ быть, чтобы Германъ могъ когда нибудь разойтись съ голубыми» (2), и такимъ образомъ остановились на Фока, хотя патріархъ Кириакъ не иначе короновалъ его, какъ взявъ съ него исповѣданіе православной вѣры (3). На первыхъ порахъ Фока, повидному, являлся болѣе сторонникомъ зеленыхъ: это видно изъ того, что они, на пятый день послѣ провозглашенія Фоки императоромъ, начали оспаривать у голубыхъ въ циркѣ первенство, которое послѣдніе имѣли при предшествовавшихъ православныхъ императорахъ (4), (причемъ посланный Фокою чиновникъ для рѣшенія спора ударилъ димарха голубыхъ рукою (5)). Но такое, повидному, благопріятное отношеніе Фоки къ зеленымъ было весьма непродолжительно. Онъ, при всей своей жестокости, жертвою коей палъ Маврикій со всѣмъ своимъ семействомъ, сдержалъ свое обѣщаніе, не измѣняя православію. Мало этого, онъ ласкалъ особенно римскаго епископа и пользовался на западѣ несравненно большею благосклонностью, чѣмъ на востокѣ: въ Римѣ ему воздвигнута была колонна. Конечно, такой образъ дѣйствій Фоки не могъ нравиться зеленымъ, и вотъ провозгласившіе его императо-

(1) Theoph. Chronogr. p. 447. (2) Ibidem. p. 446. (3) Ibidem. p. 447. (4) Ibidem. (5) Theophil. Simocat. p. 335.

ромъ начали опять заботиться о его сверженіи. Раздраженіе зеленыхъ противъ него было такъ сильно, что они однажды въ циркѣ ругали его пьяницею и даже сумасшедшимъ (1), и послѣ казни, совершенной надъ многими изъ нихъ, по волѣ Фоки, они сожгли многія присутственныя мѣста и тюрьмы, давъ возможность заключеннымъ бѣжать изъ послѣднихъ. Между тѣмъ чрезъ нѣсколько времени прибылъ изъ Африки полководецъ Ираклій съ вооруженными силами противъ Фоки и вступилъ въ столицу; зеленые же схватили, убили и сожгли тѣло императора Фоки, — вмѣстѣ съ этимъ предано было сожженію и знамя голубыхъ (2). Ираклій такимъ образомъ былъ провозглашенъ императоромъ (въ 610 году).

Въ царствованіе Ираклія вражда партій какъ бы утихаетъ; но крайней мѣрѣ, византійскіе историки не упоминаютъ ни о какомъ кровопролитномъ столкновеніи между ними. Самъ Ираклій, какъ видно, не склонялся ни на ту, ни на другую сторону, хотя по происхожденію своему онъ принадлежалъ, по всей вѣроятности, къ партіи зеленыхъ. Своимъ проницательнымъ взоромъ онъ видѣлъ, какое страшное зло угрожало имперіи влѣдствіе внутреннихъ умножавшихся въ ней раздоровъ; онъ сознавалъ, что если варвары (персы, авары, болгары и др.) угрожали серьезно имперіи своими нападеніями и успѣли бѣе ма значительно въ своихъ завоеваніяхъ, то причина этого заключалась главнымъ образомъ въ этой внутренней борьбѣ партій, отвлекавшей всѣхъ отъ серьез-

(1) Theoph. Chron. p. 457: Πάλιν εἰς τὸν καθικὸν ἐπίεις, πάλιν τὸν νεὸν ἀπέλεχεε (ἀπόλεσεε).

(2) Chronicon paschale, изд. „Bonnac“ p. 701.

ной обороны противъ общихъ вѣнскихъ враговъ. Вотъ почему онъ, почти при самомъ вступленіи на престолъ, отвлекая византійцевъ отъ внутреннихъ несогласій, обратилъ ихъ вниманіе на то печальное состояніе, въ которомъ находилась тогда имперія. Онъ самъ первый подалъ примѣръ мужественной готовности къ защитѣ имперіи, выступивъ во главѣ ободреннаго и воодушевленнаго имъ войска на борьбу противъ самыхъ страшныхъ враговъ имперіи — персовъ, завоевавшихъ почти весь востокъ. Шесть лѣтъ онъ борется съ врагомъ и выходитъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Благодаря доблестямъ, Ираклій расположилъ къ себѣ всѣхъ. Разсчитывая, можетъ быть, на расположенность къ нему двухъ партій, Ираклій и задумалъ объединить ихъ, посредствомъ извѣстной формулы вѣроученія, носящей названіе *ἐκθεσις* и одобренной римскимъ папою Гоноріемъ, константинопольскимъ патріархомъ Сергіемъ и александрійскимъ Киромъ. Но эта попытка оказалась безуспѣшною какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи, чего и слѣдовало ожидать. Отцы и учителя церкви тѣхъ временъ, въ видахъ чисто религіозныхъ, возстали противъ содержащагося въ экѳезисѣ моноелитскаго ученія, какъ несогласнаго съ Словомъ Божиимъ и преданіемъ церкви, между тѣмъ какъ изъ монофизитовъ выродилась еще новая секта, извѣстная подъ именемъ моноелитовъ. Правда, Ираклій сумѣлъ сдержать антагонизмъ партій при жизни своей въ политическомъ отношеніи; но это было лишь на время. По смерти его этотъ антагонизмъ принялъ еще болѣе широкіе размѣры, что и побудило внука Ираклія, Констанса прибѣгнуть къ новой сдѣлкѣ

для достиженія мира какъ церковнаго, такъ и гражданскаго. Этотъ государь (642—668) издалъ эдиктъ подъ названіемъ *Уѣдес*, въ которомъ запрещалось толковать какъ о двухъ или одномъ способѣ дѣйствій во Христѣ, такъ и о двухъ или одной волѣ. Но и эта сдѣлка не могла уже привести къ успокоенію. Голубые сираведливо вооружились противъ типоса, какъ удобнаго средства провести моноелитскую ересь незамѣтнымъ путемъ. Императоръ, вмѣстѣ съ покровительствуемою имъ зеленою партіею, началъ открыто преслѣдовать православныхъ, т. е. голубыхъ. Само собою разумѣется, что и православные, т. е. собственно голубые начали заботиться о низверженіи гонителя. Жертвою жестокихъ преслѣдованій со стороны Констанса пали въ это время между прочимъ св. Максимъ исповѣдникъ, которому отрубили языкъ и правую руку за защиту православнаго ученія противъ моноелитета, и папа Мартинъ, который былъ сосланъ въ Херсонесъ также за отверженіе типоса. Впрочемъ послѣдній былъ обвиненъ въ заговорѣ противъ императора (1). Констансъ убилъ также своего брата Θεодосія, по всей вѣроятности, за то, что онъ примыкалъ къ православной, или вѣрнѣе, голубой партіи. За все это пришлось и самому Констансу поплатиться жизнью: онъ былъ убитъ въ Сициліи (2). Сынъ Констанса—Константинъ Погонать въ противоположность своему отцу открыто стоялъ за пра-

(1) Смолр. *Acta et scripta VIII. p. 24.*

(2) *Theophl. Chron. p. 537: Ἐδόλοφονήθη ὁ βασιλεὺς Κωνσταντὸς εἰς Σικελίαν... ἣν δε ἡ αἰτία αὐτῆς μετὰ τὴν ἀναίρεσιν Θεοδοσίου τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ ἐμαρτήθη ὑπὸ τῶν Βουλαντίων, καὶ μάλιστα ὅτι τὸν Μαρτίνον τὸν ἀγιώτατον πάπαν Ρώμης... ἐξόρισεν εἰς τὰ τῆς Χερσονήσου κλίματα καὶ Μίξιμον τὸν σοφώτατον ὁμολογητὴν ἐλωσσοκόπησεν καὶ ἐχειρικόπησεν καὶ πολλοὺς τῶν ὀρθοδόξων ἀδικίαις καὶ ἐξορίαις καὶ θηρασίαις κατέδικασεν и проч.*

вославіе и далъ ему полное торжество, созвавъ VI вселенскій соборъ въ 680 году, который окончательно осудилъ моноелитство. Чѣмъ же объясняется такая противоположность между сыномъ и отцемъ? Конечно, весьма вѣроятно, что Погопатъ былъ истинный православный по убѣжденію. Такъ какъ съ другой стороны православіе и неправославіе служили выраженіемъ не только религіозныхъ убѣжденій, но въ то же время и политическими знаменами извѣстныхъ партій, то могло статься и то, что православная партія успѣла расположить его въ пользу партіи голубыхъ. Константинъ, конечно, не могъ не думать, что первый изъ православныхъ епископовъ, подданныхъ его отца, римскій первосвященникъ, участвовалъ въ заговорѣ противъ его отца, что послѣдній ненавидимъ былъ византійцами за преслѣдованіе сильной въ Византіи православной партіи и что онъ за это лишился жизни. Слѣдовательно Константинъ Погопатъ не могъ не предвидѣть отношенія къ нему византійцевъ въ томъ случаѣ, еслибы онъ слѣдовалъ политикѣ своего отца. Византійскій престолъ долженъ быть православнымъ, вотъ что нужно было принять во вниманіе Константину Погопату. Константинъ понялъ это и не замедлилъ заявить себя за православныхъ. Что же сдѣлала другая партія, которая въ то время особенно сильна была не въ Византіи, а на востокъ? Заручившись расположеніемъ къ себѣ двухъ братьевъ Константина, она чрезъ восточные военные корпуса отправляетъ пословъ съ порученіемъ сказать ему, чтобы онъ допустилъ вѣнчаться съ собою на царство и двумъ братьямъ своимъ (1). Такое

(1) Theoph. Chron. p. 539: Ὁ δὲ τὸ θάρσος τῶν ἀνατολικῶν ἔλλογον Ἐπισκόποις λέγοντες, εἰς τὴν τριάδα πρεσβόρον, τὸς τρεῖς στέφοντες.

требованіе, разумѣется, не могло бытъ уважено. Послы отправлены назадъ съ посарамленіемъ, а братья императора были удалены, по его приказанію, съ отрубленіемъ имъ носа (1). Такимъ образомъ православное знамя крѣпко воцарилось въ Византіи и голубая партія одержала полную побѣду. Сынъ Погоната Юстиніанъ II (въ 686 г.) продолжалъ политику своего отца. Онъ былъ православнымъ государемъ, а потому и покровительствовалъ голубымъ. Расположеніе его къ этой партіи до такой степени было сильно, что онъ, выпросивъ у патріарха Каллиника храмъ Божіей Матери, превратилъ его въ цирковую галерею съ подмостками зрителямъ (*βιβρα*) для голубыхъ (2). Можно судить по этому факту, что такое значило православіе для нѣкоторыхъ политическихъ мужей, заявлявшихъ себя въ пользу оного. Цикогда храмъ пресвятой Богородицы не разрушался для подобной цѣли! Такой возмутительный поступокъ долженъ былъ навлечь на Юстиніана сильное негодованіе какъ со стороны патріарха, такъ и со стороны народа, и безъ того раздраженнаго за кровожадную жестокость его любимца константинопольскаго епарха Стефана. Желая раздѣлаться съ патріархомъ, котораго онъ подозрѣвалъ въ заговорѣ съ народомъ противъ него, Юстиніанъ самъ былъ побѣжденъ: его лишили царскаго достоинства, ослѣдили въ циркѣ, отрубали ему носъ, урубали языкъ и сослали въ Херсонесъ (3). Императоромъ былъ провозглашенъ Леонтій Патрикій среди громкихъ рукоплесканій голубыхъ (4). Но и Леонтій чрезъ

(1) Ibid. p. 540. (2) Ibid. p. 563. (3) Ibid. p. 565—566.

(4) Смолр. *Zur Kenntnis Byzantiner Geschichte* сел. 195. изд. въ Афинахъ 1865 г.

три года (698 г.) былъ низложенъ и на его мѣсто былъ поставленъ Атимаръ или Тиверій II. Между тѣмъ, спустя шесть лѣтъ, Юстиніанъ II успѣлъ собраться съ силами и, съ помощію болгаръ и аваровъ, опять возвратился на престолъ, предавшись полному и неудержимому неистовству. Двухъ соперниковъ своихъ, послѣ публичнаго поруганія надъ ними, обезглавилъ, патріарха Каланика ослабилъ, сослалъ въ Римъ, и многихъ государственныхъ мужей предаль жестокой казни (1).

Спустя пять лѣтъ послѣ своего возстановленія. Юстиніанъ былъ умерщвленъ Филиппикомъ, который и провозгласилъ себя императоромъ. Сторонникъ зеленой партіи; Филиппикъ, естественно, заявилъ себя противъ православія, сочувствуя моноелитству. По вступленіи на престолъ, первымъ дѣломъ его было отмѣненіе VI вселенскаго собора. Для этого онъ низложилъ православнаго патріарха Кира и возвелъ на его мѣсто Іоанна. Вновь созванный имъ соборъ отмѣнилъ опредѣленія и вѣроученіе VI вселенскаго собора (2). Казалось, зеленая партія опять побѣдила; но вотъ въ то самое время, когда Филиппикъ праздновалъ побѣду зеленыхъ надъ голубыми въ цркъ великолѣпнымъ пиршествомъ, въ это самое время онъ былъ ославленъ въ преторіѣ покровительствуемой имъ партіи (3), а императорскій скипетръ переданъ былъ

(1) Theoph. Chronogr. p. 574. Левтій и Тиверій, связанные въ дѣпакъ, были приведены въ ипподромъ и положены къ ногамъ Юстиніана. Юстиніанъ ступилъ ногами на ихъ спины, и девось (партія црква, конечно голубая, ибо зеленая въ послѣдствіи извергла его, восклицала: *Ἐκεί ἀσπίδα τῶν ἰσθίων καὶ ἐπίτομα τῶν ὀφθαλμῶν καὶ ἀρροχολία* — на спина и василска наступить еса и поправъ еси зра и дракова!

(2) Theoph. Chronogr. p. 586.

(3) Ibid. p. 587.

въ руки перваго государственнаго секретаря Артемія, извѣстнаго подъ именемъ Анастасія II. человекъ крѣпкаго въ православіи. Этотъ государь въ свою очередь собралъ соборъ чрезъ патріарха Германа (вызваннаго имъ изъ Кизики послѣ смерти раскаявшагося въ измѣнѣ православію Іоанна), соборъ, на которомъ моноелитство еще разъ было предано анаѳемѣ. Но вскорѣ послѣ этого вспыхнуло возстаніе и Анастасій II былъ низложенъ и постриженъ въ монашество, а новымъ императоромъ поставленъ былъ, вопреки своей волѣ, нѣкто Θεодосій (1), который впрочемъ скоро уступилъ престолъ полководцу Льву Исаврянину (716). Съ царствованія Льва Исаврянина начинается шумная и знаменательная эпоха иконоборства.

Такимъ образомъ мы видѣли, что съ самыхъ первыхъ временъ основанія восточной имперіи до этого времени шла упорная борьба между двумя политическими партіями, иногда принимавшими довольно яркій религіозный оттѣнокъ; мы замѣчали, что борьба выражалась главнымъ образомъ въ такъ называемыхъ зеленой и голубой партіяхъ цирка, служившихъ проводниками двухъ противоположныхъ направленій. Никакая крѣпкая и могущественная рука не могла совершенно уничтожить эту борьбу. Но по мѣрѣ развитія этой борьбы могущество имперіи все болѣе и болѣе упадало, такъ что къ концу этого періода (2)

(1) Ibid. p. 391.

(2) Съ Юстиніана II до Льва Исаврянина, т. е. въ теченіе 31 года (685—716), насильственно смѣнено было 6 династій православныхъ и неправославныхъ. Объяснять это необычайное явленіе престо интригами честолюбцевъ, какъ обыкновенно объясняютъ, было бы очевидно странно. Если принять во вниманіе, что нѣкоторые изъ царствовав-

она очутилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Внутри ея уничтожены были связи порядка и разшатаны основы политическаго благоустройства и благосостоянія: не было прочной власти, не было права на престолъ, жизнь императора всегда находилась въ неминуемой опасности; внѣ имперіи иноземные и шовѣрные враги напали на нее, опустошали ея области и наконецъ угрожали стѣнамъ столицы ко времени Льва Исаврянина. Нуженъ былъ какой либо выходъ изъ этого положенія. Съ воцареніемъ династіи Исаврянъ наступаетъ новый порядокъ вещей: политическія дѣла имперіи значительно улучшаются, жизнь, повидимому, принимаетъ нѣсколько иной оборотъ, вслѣдствіе чего зеленые и голубые, въ качествѣ партій цирка, окончательно теряютъ свое политическое значеніе, но борьба разнородныхъ политическихъ партій все-таки не уничтожается. Она только видоизмѣняется. Политическимъ знаменемъ является иконоборство, противъ котораго должны были бороться защитники иконопочитанія, подъ именемъ иконопочитателей. Такимъ образомъ прежнія партіи только переменили свои знамена. Интересы, подобные тѣмъ, за которые стояла партія зеленыхъ, защищались теперь иконоборцами, съ весьма значительными впрочемъ видоизмѣненіями, а лица, стоявшія за начала охранительныя, являются также уже не въ качествѣ церковной партіи голубыхъ, но въ качествѣ защитниковъ древняго православія или иконопочитателей.

Иеромонахъ Герасимъ.

(Продолженіе будетъ .

шихъ въ это время лишь возведены были на престолъ совершенно возрекши къ волѣ, какъ наур. Феодосій III, то становится очевиднымъ что тутъ дѣйствовали не частныя лица, а коллективныя партіи.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 4. С. 710-750.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІѢ, ПАТІАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ, ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ ПОЛІТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Продолженіе)

II. Иконопочитатели и иконоборцы.

Сознаніе крайне бѣдственнаго положенія, до котораго доведена была византійская имперія внутренними раздорами и вѣшними нападеніями, должно было пробудить въ нѣкоторыхъ относительно лучшихъ членахъ общества желаніе выдти изъ такого положенія. Но такъ какъ причина зла лежала главнымъ образомъ въ самомъ строеѣ тогдашней византійской жизни и въ тѣхъ вѣковыхъ неурядицахъ и неурядицахъ, которыми страдала эта жизнь; то, понятно, невозможно было достигнуть желанной цѣли, не прибѣгнувъ напередъ къ особеннымъ радикальнымъ мѣрамъ противъ современныхъ общественныхъ недуговъ и недостатковъ. Для спасенія постоянно угрожаемаго отечества и для благосостоянія общества нужно было съ одной стороны объединить разрозненные и враждебныя другъ другу силы имперіи, направить ихъ противъ вѣшнихъ враговъ, а съ другой — организо-

вать новый государственный порядокъ вещей, болѣе прочный и болѣе соответствующій интересамъ какъ государства, такъ и общества. Необходимость такого переворота давно чувствовалась; но только въ началѣ VIII вѣка это чувство сказалось съ особенною силою и превратилось почти въ полное сознаніе. И вотъ выступаетъ на сцену довольно значительная партія съ такими задачами и стремленіями. Эта партія, во главѣ которой стоялъ Левъ Исаврянинъ, вытѣснила прежнія партіи, захвативъ власть въ свои руки и начавъ круто вводить свой планъ въ дѣйствіе безъ всякой пощады: она стремилась ввести разныя преобразованія, относящіяся не только къ общественно-государственной, но и къ церковно-религіозной жизни. Отсюда-то между прочимъ и происходитъ начало того великаго въ византійской исторіи движенія, которое извѣстно подъ именемъ иконоборства, а равно тѣхъ смуть, которыя были необходимымъ слѣдствіемъ этого движенія. Это движеніе и эти смуты нельзя относить къ области чисто-церковной. Въ основѣ ихъ лежали также мотивы вовсе не религіознаго и не церковнаго свойства. Правда, иногда иконоборческія смуты являлись какъ будто въ церковной одеждѣ, принимая видъ религіознаго движенія; но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать объ ихъ исключительно религіозномъ происхожденіи. Насколько можно судить по тѣмъ отрывочнымъ и неполнымъ даннымъ, которыя дошли до насъ, иконоборцы касались не одного только вопроса объ иконахъ: они налагали смѣлую руку и на многія другія стороны и условія тогдашней византійской жизни. Кромѣ сверженія св. иконъ и ограниченія употребленія св. мощей, они требовали между про-

чимъ еще ограниченія числа монастырей, отнятія у иночества нѣкоторыхъ привиллегій, которыми оно прежде пользовалось, взысканія налоговъ съ монастырскихъ и церковныхъ имуществъ и удаленія клира отъ главнаго участія въ народномъ обученіи. Кромѣ того, судя по законодательнымъ памятникамъ того времени (1), они требовали уничтоженія крѣпостной зависимости и ограниченія рабства и простирали свои реформаторскія попытки на бракъ, дозволяя такъ называемые смѣшанные браки (2), и на семейныя отношенія, ограничивая случаи развода (3) и увеличивая значеніе женщины въ семействѣ (4), — не говоря уже объ улучшеніи организаціи войска и флота. Цѣль этихъ и подобныхъ попытокъ видна сама собою. Имѣлось въ виду такимъ образомъ установить новыя отношенія между различными классами общества, новыя начала и порядки, болѣе содѣйствующіе общественному благосостоянію и благоустройству. Названіе этого реформаціоннаго движенія «иконоборче-

(1) Таковыя памятники суть: *Ἐκλογὴ τῶν νόμων* и, по мнѣнію извѣстнаго юриста Эдуарда Захарія, *Νόμος γερμανικός*.

(2) См. *Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini*, изданіе Эдуарда Захарія. Lipsiae. 1852. Титло II, ст. α, р. 15.

(3) *Ibid.* Титло II, ст. ζ и η, р. 20—21. Частые случаи расторженія брака были, между прочимъ, слѣдствіемъ допущенія наложничества. Окончательно запрещая последнее, законодательство Льва Исаврянина допускаетъ разводъ только въ случаяхъ: 1) супружеской нечестности, 2) неспособности мужа, 3) злоумышленія кого либо изъ супруговъ противъ жизни другаго, и 4) наконецъ, въ томъ случаѣ, если кто либо изъ супруговъ одержимъ проказою (*λεῖψος* — собственно говоря, изувѣченный, но византійцы употребляли *λεῖψος* въ смыслѣ *λεπρός*).

(4) Уже изгнаніе наложничества должно поднять значеніе женщины въ семействѣ, но кромѣ этого *Ἐκλογὴ* уравниваетъ права матери съ правами отца, что можно видѣть почти во всѣхъ постановленіяхъ, относящихся въ семейному быту.

ствомъ» далеко не обнимаетъ собою всѣхъ его сторонъ. Иконоборческимъ оно названо только потому, какъ справедливо замѣтилъ одинъ современный писатель (1), что, затрогивая почитаніе иконъ, оно затрогивало интересы наибольшаго числа отдѣльныхъ лицъ, такъ что другіе вопросы передъ этимъ какбы ступшевывались. Что касается собственно вопроса объ иконахъ, то и въ рѣшеніи этого чисто церковнаго вопроса играли немаловажную роль расчеты чисто государственные. Уже тѣ самыя сказанія, которыя византійскіе лѣтописцы приводятъ въ объясненіе того, какимъ образомъ Левъ Исаврянинъ поднялъ оружіе противъ иконъ, наводятъ на эту мысль, хотя не вполне уясняютъ дѣло (2), и намъ кажется весьма правдоподобнымъ соображеніе, высказанное однимъ изъ современныхъ греческихъ писателей Зампеліемъ, что Левъ Исаврянинъ, преслѣдовавшій одни государственные интересы, считалъ необходимымъ—въ виду тогдашняго положенія имперія—вообще искоренить все то,

(1) Παπαδόπουλος *Ἱστορία τῶν Ἑλλήνων ἐθνικῶν* τ. III. Αἰώνι 1869 γ.

(2) Рассказываютъ, будтобы волхвы-иудеи говорили Льву Исаврянину, когда онъ былъ еще частнымъ человѣкомъ, что если онъ дастъ клятвенное обѣщаніе истребить иконы, то сдѣлается царемъ, и что, сдѣлавшись царемъ, онъ будтобы захотѣлъ исполнить свое обѣщаніе (Leop. Grammatici *Historia*, p. 174—175). Говорятъ также, что какой-то патрицій Беширъ, родомъ изъ Сиріи, жившій долго между арабами, совѣтовалъ Льву истребить иконы (*Theophanis synographia*, p. 618, 622), вѣроятно, въ видахъ обращенія магометанъ къ христіанству. Но нельзя придавать этимъ рассказамъ большаго значенія, хотя, быть можетъ, въ основѣ ихъ лежитъ нѣчто правдоподобное. Если Левъ Исаврянинъ, при вступленіи своемъ на престолъ, принялъ на себя какія нибудь обязательства относительно иконъ, то, конечно, отъ партіи, возведшей его на престолъ, но никакъ не отъ евреевъ, или магометанъ. Впрочемъ эти рассказы показываютъ, по крайней мѣрѣ, что вопросъ объ иконахъ вращался въ политическихъ сферахъ еще ранѣе вступленія Льва на престолъ.

что, по его взгляду, могло отвлекать подданныхъ отъ исполненія ихъ гражданскихъ обязанностей: а такъ какъ суевѣрїе распространено было въ народѣ до такой степени, что иные обоготворяли св. иконы и, ожидая отъ нихъ вѣрнаго спасенія отъ враговъ, нисколько не думали о необходимости виѣшней защиты; то Левъ Исаврянинъ и вооружился противъ св. иконъ, воображая, что онѣ-то и составляютъ причину такого суевѣрнаго настроенія въ народѣ (1). По тѣмъ же побужденіямъ Левъ Исаврянинъ вооружился не только противъ усилившагося тогда монашескаго влїянія, но даже противъ тогдашней образованности, казавшейся ему бесполезною въ государственномъ отношеніи. Словомъ, императоръ вмѣстѣ съ окружавшею его партією дѣйствовалъ во всемъ примѣнительно къ государственнымъ потребностямъ (правильно ли онъ понималъ эти потребности, другой вопросъ). Его понятія о государственныхъ потребностяхъ шли въ разрѣзъ на этотъ счетъ не только съ понятіями партіи голубыхъ, но и зеленыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, зеленые примыкали къ тѣмъ, которые, какъ мы видѣли, не хотѣли вполнѣ отрѣшиться отъ своихъ старинныхъ эллино-восточныхъ преданій и интересовъ и потому мечтали воскресить въ имперіи давно умершей древней классицизмъ; голубые напротивъ дѣйствовали въ интересахъ тѣхъ, которые, враждебно относясь ко всему эллино-восточному, старались внести и вносили въ чисто государственныя дѣла элементы церковнаго, или вѣрнѣе, виѣшне-церковнаго, иначе—клерикальнаго свойства;

(1) До какихъ размѣровъ доходило народное суевѣрїе въ ту пору, можно судить, напримѣръ, по ужасному факту, сообщаемому Теофаномъ хронографомъ (*Theophanis chronographia* p. 590). Такого рода люди не могли, конечно, имѣть надлежащаго понятія объ иконахъ.

иконоборцы же въ противоположность тѣмъ и другимъ ратуютъ за неотложныя современныя потребности государства, — за его внѣшнее обезпеченіе, и во имя этого не щадятъ ни классицизма, ни набожности. Зеленые хотѣли видѣть въ Византіи людей эллински образованныхъ, хотя бы поверхностно; голубые хотѣли видѣть святыхъ, хотя эта святость мыслилась по большей части какъ механическое исполненіе извѣстныхъ обрядовъ и постановленій: иконоборцы въ противоположность тѣмъ и другимъ желали не больше какъ исправныхъ подданныхъ и людей, способныхъ къ охранѣ цѣлости и независимости имперіи. Съ этой стороны на иконоборство (особенно въ періодъ отъ Льва Исаврянина до Михаила II) можно смотрѣть какъ на движеніе, по преимуществу политическое (1). Въ политическомъ отношеніи заслуги иконоборческой династіи Исаврянъ были весьма немаловажны. Она на долго отстояла цѣлость и независимость имперіи, отразивъ внѣшнихъ враговъ и доставивъ ей даже нѣкоторый внѣшній блескъ и величіе. Но преобразованія, введенныя иконоборствующимъ государемъ, могли бы еще болѣе имѣть свое благотворное дѣйствіе, если бы государь не переступилъ надлежащихъ границъ въ вопросѣ объ иконахъ и не уклонился отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса. Что суевѣріе сильно распространено было въ народѣ и что было много злоупотребленій въ отношеніи св. иконъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но для устраненія суевѣрія и злоупотребленій слѣдовало бы заботиться о распространеніи здравыхъ понятій объ

(1) Замѣчательно, что иконоборцами были по преимуществу высшіе государственныя сановники и военное сословіе.

иконахъ, какъ это сдѣлано было VII вселенскимъ соборомъ; слѣдовало бы позаботиться о народномъ просвѣщеніи, чтобы суевѣрные могли понять надлежащее значеніе иконъ, чего и домогались лучшіе изъ православныхъ при Михаилѣ III.

Къ сожалѣнію, поддаваясь вліянію окружавшей его радикальной партіи (1), Левъ Исаврянинъ пришелъ къ мысли о необходимости свергнуть иконы, не смотря ни на какія замѣшательства, могущія произойти отъ того. Не довольствуясь этимъ, онъ закрылъ едва ли не все учебныя заведенія, особенно тѣ, въ которыхъ преподавались философія Аристотеля и богословіе (2). Посягнувъ на то, что для многихъ составляло предметъ глубокаго уваженія и самыхъ живыхъ интересовъ, онъ тѣмъ самымъ не могъ не вызвать противъ себя множества противниковъ. Итакъ противъ иконоборствующей партіи поднялась многочисленная партія, которая въ своихъ интересахъ отстаивала прежній порядокъ вещей и дѣйствовала за одно съ оскорбленнымъ народнымъ чувствомъ. Это — партія охранительная, партія иконопочитателей. Въ борьбѣ этихъ партій ожесточенность достигала крайнихъ размѣровъ. Реформаторская партія клеймила охранительную названіями иконолатровъ, древолатровъ, идололатровъ, а послѣдніе называли первыхъ иконокластами, иконосожигателями, нечестивцами, христообвинителями, сарациномудрствующими (*σαρακηνόφρονες*), богоборцами и

(1) Въ составъ этой партіи входили и лица, принадлежавшія къ высшему клиру. Таковы: Θεομ. επ. κλαυδιούπολης, Κωνσταντίν. επ. φριγίης и Θεοδοσίη αρχιεπίσκοπος εφέσσης.

(2) Theoph. chronogr. p. 623: ὅτι καὶ τὰ παιδαγωγικὰ ἀβελήθηκα καὶ τὴν εὐσεβῆ παιδείαν ἀπὸ τοῦ ἐν ἀγίοις Κωνσταντίνου τοῦ Μεγάλου καὶ μέγρο ὄν χρητίζασαν, ἧς... καθ' ἑστέρας ὁ σαρακηνόφρων οὗτος Ἀλέων γέγονε.

другими именами въ этомъ родѣ. Тѣ, для кого религіозная истина была исключительно дорога, кто былъ искренне и всецѣло преданъ православію, преслѣдовали въ этой борьбѣ одни религіозные интересы и не простирали своихъ дѣйствій далѣе богословскихъ разсужденій и диспутовъ, или отеческихъ и братскихъ увѣщаній. Такъ дѣйствовалъ въ это время св. Іоаннъ Дамаскинъ; такъ поступалъ и св. Германъ, патріархъ константинопольскій. Но само собою разумѣется, что не все были одушевлены исключительно такими священными стремленіями: личные, сословные и политическіе интересы у многихъ были въ дѣйствительности на первомъ планѣ, хотя и скрывались подъ личиною православія. Преслѣдуемая ими цѣль въ этой борьбѣ также мало касалась собственно религіи, какъ и главная цѣль, преслѣдуемая самими иконоборцами. Тутъ шла также борьба за господство, которую мы видѣли въ предшествующемъ періодѣ, — съ тѣмъ только различіемъ, что теперь боровшіяся партіи не прикрывались уже цвѣтами цирка, а сталкивались лицомъ къ лицу на полѣ битвы. Подъ тяжелою рукою иконоборческой династіи црквь почти совершенно потерялъ то политическое значеніе, которое имѣлъ въ V, VI и VII столѣтіяхъ, хотя тенденціи, которымъ онъ служилъ поприщемъ, не исчезли. Новая реформа, возставая противъ старины, бросила и ветошь цирковыхъ преданій, вслѣдствіе чего названія партій: зеленая и голубая, теперь теряютъ уже свое прежнее государственное значеніе, и каждая изъ нихъ начинаетъ дѣйствовать за или противъ иконоборцевъ, смотря потому какъ новая реформа подѣйствовала на интересы той или другой. Впрочемъ зеленые, или поборники восточно-залинскихъ

преданій, долго тѣснимые голубыми, примкнули по большей части къ новой реформаторской партіи и въ качествѣ уже не цирковой партіи зеленыхъ, а иконоборцевъ (1), стали за одно противъ голубыхъ, которые противодѣйствовали также въ связи съ нѣкоторыми приверженцами старыхъ преданій изъ самыхъ зеленыхъ не въ качествѣ партіи цирка, или партіи голубыхъ, а въ качествѣ защитниковъ древняго преданія или иконопочитателей (2). Посмотримъ, однакожь,

(1) Что большинство зеленыхъ примкнуло къ реформаторской партіи, это видно изъ того, что иконоборство особенно процвѣтало тамъ, гдѣ ранѣе этого сильна была зеленая партія, то есть на востокъ,—и это очень естественно, потому что принципы, съ которыми иконоборцы выступили, какъ бы они ни расходились, повидимому, съ принципами зеленыхъ, при всемъ томъ имѣли много общаго съ послѣдними. И тѣ и другіе имѣли характеръ, такъ сказать, свѣтскій, и въ основѣ тѣхъ и другихъ лежала идея государственности по преимуществу. Едва ли мы ошибемся, если даже предположимъ, что иконоборческое движеніе задумано было, по большей части, людьми, стоявшими во главѣ зеленой партіи. По крайней мѣрѣ извѣстно, что еще императоръ Филиппикъ, сторонникъ моноелитской и слѣдовательно зеленой партіи, намеревался издать указъ противъ употребленія св. иконъ (Theoph. сбгон. р. 670). Впрочемъ нельзя съ другой стороны не замѣтить и того, что зеленые, чувствуя иконоборству, не разставались съ своими живѣтными стремленіями къ древнимъ восточно-эллинскимъ преданіямъ. (Отъ этого взаимодѣйствія началъ зеленыхъ съ иконоборческими вышло то, что зеленые свою мечтательную склонность къ древнему классицизму стали умѣрять болѣе практическими стремленіями иконоборства, а послѣднее, съ теченіемъ времени, потеряло свой сурово-воинственный характеръ и свое непріязненное отношеніе къ наукамъ и искусствамъ (что составляло его отличительную черту на первыхъ порахъ) и, наконецъ, подчинилось вліянію свѣтскаго образованія, что выразилось, отчасти, при Львѣ Армянскѣ и особенно при Михаилѣ II.

(2) Тѣ изъ зеленыхъ, которые были согласны съ голубыми во взглядѣ на иконы, естественно, должны были дѣйствовать за одно съ голубыми противъ реформы, составляя съ ними одну охранительную партію. Но и здѣсь они сохранили свою особенность, отчего мы видимъ, что послѣ возстановленія иконъ являются двоякаго рода иконопочитатели, изъ которыхъ одни, оставаясь вѣрными православію, радовали за начала свѣтскія, а другіе—за начала клерикальнныя.

какъ шла эта борьба иконопочитателей съ иконоборцами — не съ религиозной, а съ политической стороны.

Уже скоро послѣ эдикта 726 года касательно сверженія св. иконъ и закрытія такъ называемаго вселенскаго училища, въ которомъ преподавались богословіе и философія Аристотеля (1), вспыхнуло возстаніе въ Элладѣ и на Кикладскихъ островахъ. Жители этихъ мѣстностей провозгласили царемъ одного незначительнаго челоуѣка, по имени Козьму, и выставили противъ Константинополя морское и пѣхотное войско подъ предводительствомъ Агалліана и Стефана, въ сопровожденіи самого Козьмы. Но это возстаніе кончилось полною неудачею: выставленные ряды были окончательно побѣждены, благодаря новоизобрѣтенному греческому огню. Агалліанъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, бросился въ море, остальные же сдались. Козьма и Стефанъ были обезглавлены въ Константинополь (2). Ободряемый побѣдами надъ противниками. Левъ издалъ (въ 728 г.) новый указъ, которымъ запрещалось всякое изображеніе не только въ церквахъ, но и въ домахъ. Спустя нѣсколько времени императоръ собралъ silentiй, то есть, экстренный совѣтъ, куда пригласилъ патріарха Германа и потребовалъ отъ него письменнаго согласія на сверженіе иконъ. Германъ отказывался, говоря, что безъ вселенскаго собора онъ не можетъ согласиться на требованіе царя, а такъ какъ царь продолжалъ на-

(1) *Cent. histor.* t. I, p. 795. Кедричъ прибавляетъ, что Левъ Исаиричъ передалъ огню и библіотеку, находившуюся при этомъ училищѣ. Но большинство новейшихъ историковъ отвергаетъ это извѣстіе на томъ основаніи, что ближайшіе во Льву, по времени, летописцы и особенно Теофанъ и Никифоръ, ничего объ этомъ не говорятъ.

(2) *Theoph. chron.* p. 623—624.

стаивать, то Германъ отказался отъ патріаршества. Преемникомъ его сдѣлался Анастасій, который и исполнилъ желаніе императора (1).

Въ Константинополѣ трудно было бороться православнымъ съ иконоборствующимъ императоромъ. За то была страна, гдѣ императоръ не могъ дѣйствовать такъ произвольно, какъ въ Константинополѣ, и гдѣ православные могли смѣлѣе противодѣйствовать ему. Это—Италія, которая составляла въ ту пору византійскій экзархатъ, но въ которой власть византійскихъ императоровъ никогда не была прочна. На Италію, на Римъ, православные и въ особенности константинопольское монашество обращали свои взоры и оттуда ожидали помощи, хотя бы нравственной. Въ самомъ дѣлѣ со стороны Рима императоръ и новый патріархъ встрѣтили самое упорное сопротивленіе. Папа Григорій II въ отвѣтъ на посланіе къ нему императора писалъ ему, чтобы онъ не вмѣшивался въ дѣла церковныя. Докматы св. церкви, писалъ онъ къ послѣднему, дѣло не царей, а архіереевъ. Какъ епископы, сообразно своему назначенію, удаляются отъ вмѣшательства въ мірскія дѣла, такъ равно и цари должны удаляться отъ дѣлъ церковныхъ, соблюдая то, что имъ ввѣрено. Разгнѣванный императоръ угрожалъ разрушить изображеніе св. Петра въ Римѣ и сдѣлать съ папою то, что сдѣлалъ некогда Констансъ съ папою Мартиномъ. Григорій писалъ на это: «да удостоитъ насъ Господь идти по пути Мартина, но ради пользы многихъ мы хотимъ жить и жить долго, потому что весь западъ взираетъ на наше смиреніе, хотя не по достоинству нашему; западные имѣютъ великую

(1) Ibid. p. 629—630

вѣру въ насъ и въ изображеніе св. Петра; ты угрожаешь ему низверженіемъ и уничтоженіемъ, а все западныя государства считаютъ его земнымъ богомъ. Если ты дерзнешь это сдѣлать, нишетъ ему далѣе папа, то она отомстятъ тебѣ за это и за восточныхъ, которыхъ ты обидѣлъ». Въ заключеніе папа далъ знать императору, что если послѣдній захочетъ сдѣлать нападеніе на Римъ, то папа отправится въ близъ лежащую отъ Рима Кампанію (не подлежащую уже власти Византіи); тогда, говорить онъ императору, ищи вѣтра въ подѣ (1)! Папа не ограничился этимъ. Опираясь на сочувствіе себѣ кляра и народа въ Италиі, онъ вооружилъ противъ византійскаго императора подвластныя ему здѣсь области (2). Поводомъ къ открытому возстанію папы противъ императора было слѣдующее обстоятельство: Левъ III потребовалъ особеннаго налога отъ жителей Апуліи, Калабріи, Сициліи и нѣкоторыхъ другихъ итальянскихъ провинцій, для построенія въ южной Италиі крѣпостей, которыя могли бы служить оградой отъ нападений съ одной стороны лангобардовъ, а съ другой сарациновъ. Пользуясь этимъ, Григорій II выставилъ этотъ налогъ какбы увизительнымъ для чести Италиі и внушилъ жителямъ упомянутыхъ провинцій отказать отъ уплаты этого налога. Въ тоже самое время онъ предалъ анаѳемѣ патріарха Анастасія и императорскаго экарха (3). Изъ этого видно, что рим-

(1) Harduin. Acta conciliorum t. IV, p. 12.

(2) Theoph. chron. p. 628—629: Ἐν δὲ τῇ προαβότηρῃ ρώμῃ Γρηγόριος ὁ πᾶντορος καὶ ἀποστολικὸς ἀνὴρ καὶ Πέτρος τῆ κοροφαίου συνθρόνος... ἀπέστρεψε Ρώμῃ τε καὶ Ἰταλίαν καὶ πάντα τὰ ἐσπέρια τῆς τῶ πολιτικῆς καὶ ἐκκλησιαστικῆς ὁμοιοῦς Λέοντος καὶ τῆς ἐπὶ αὐτοῦ βασιλείας.

(3) Ζηριπέδης Βαζιχτικῆ καὶ πολιτικῆς ἱστ. 265—266. Синогр. также Theoph. chron. p. 631, -который прибавляетъ, что императоръ приказалъ, какъ

скій епископъ, хотя и просилъ византійскаго государя не вмѣшиваться въ церковныя дѣла, самъ однакожъ не удержался отъ вмѣшательства въ дѣла политическія.

Пока Левъ собирался отметить папѣ, послѣдній скончался; преемникомъ его сдѣлался Григорій III. Этотъ еще рѣшительнѣе дѣйствовалъ противъ императора: онъ тотчасъ по вступленіи на папскій престолъ собралъ соборъ и предалъ императора и всѣхъ иконоборцевъ анаѳемѣ. Между тѣмъ Левъ III отправилъ флотъ въ Римъ; но флотъ потерпѣлъ крушеніе отъ бури на Адриатическомъ морѣ; походъ такимъ образомъ не удался. Императоръ ограничился конфискованіемъ такъ называемыхъ патримоній св. Петра въ Калабріи и Сициліи ⁽¹⁾, отнятіемъ отъ папскаго вѣдомства иллирійскихъ провинцій (то есть, всего церковнаго управленія папы на Балканскомъ полуостровѣ) и присоединеніемъ ихъ къ константинопольскому патріархату ⁽²⁾. Съ этого времени официаль-

фаювъ, произвестъ перепись новорожденныхъ младенцевъ въ восточныхъ странахъ, чего не дѣлали и сами арабы—учители императора (*οὐ βιάσκαλον ἄτομον*) съ восточными христіанами.

(1) Theoph. chronogr. p. 631.

(2) Такъ утверждаютъ западные писатели и такъ разуметь большинство восточныхъ (новѣйшихъ). Но противъ этого Экономосъ приводитъ нѣкоторыя соображенія и аргументы, изъ которыхъ мы считаемъ не лишнимъ извлечь слѣдующее. Во первыхъ, Иллирія еще при Граціанѣ (370 г.) была присоединена къ восточной имперіи (смол. Theoph. chron. p. 103), а потому въ церковномъ отношеніи она должна была принадлежать константинопольскому патріарху, такъ какъ церковное распределение епархій находилось въ зависимости отъ гражданскаго. Во вторыхъ, Θεодосій старшій (379 г.) издалъ указъ, прямо повелѣвавшій, чтобы Иллирія подчинялась Константинополю (Cod. Theodos. de episcop. L. XVI. t. II, 45). Правда, говорятъ, что, по просьбѣ Гонорія, Θεодосій Младшій издалъ указъ, по которому Иллирии должна была подчиниться Риму; но такой указъ (если дѣйствительно онъ былъ изданъ), по всей вѣроятности, не имѣлъ силы, потому что его нѣтъ въ

ныя сношенія между Римомъ и Константинополемъ были прекращены; но за то усилились сношенія Рима съ православными, особенно иноками, вследствие чего Римъ сдѣлался какбы центральнымъ пунктомъ для тайнаго или явнаго противодѣйствія византійскимъ государямъ со стороны иконопочитателей.

Сынъ и преемникъ Льва, Константинъ V (741 г.) оставался вполне вѣрнымъ началамъ отца своего и проводилъ ихъ съ неизмѣнною безпощадностію. Иконопочитатели, во главѣ которыхъ стоялъ зять Константина Артабаздъ (изъ армянъ), возстали противъ него, заставивъ его бѣжать на востокъ (742 г.). Но онъ, оправившись вскорѣ силами, овладѣлъ вновь Константинополемъ (743 г.) и приказалъ ослѣпить Артабазда съ двумя его сыновьями въ ипподромѣ (1). Послѣ того онъ сталъ еще болѣе рѣшительнымъ врагомъ иконъ. Такъ какъ волненіе не прекращалось и, не смотря на всѣ преслѣдованія правительства, иконы все-таки существовали во многихъ монастыряхъ, домахъ и даже церквахъ, то онъ рѣшился дать своей политикѣ и церковную санкцію. Для этой цѣли онъ

кодексъ Юстиніана. Наконецъ, что Иллирія еще раньше Льва Исаврянина находилась подъ управленіемъ константинопольскаго патріарха, это видно изъ слѣдующаго вѣска Юстиніана къ константинопольскому патріарху Епифанію: *Ἐ: δὲ τις τοῦ λοιποῦ τοῦτο τε πρακτικῶν φρασίῃ... ἢ κατὰ τῆς ἐπαρχίας τοῦ ἐπὶ αὐτῆν τεταγμένου θεοφιλοτάτου μητροπολίτου καὶ τοῦ λοιποῦ ἐπισκόπου, ἐν τῆς χειροτονίας ἡ τῆς εἰς μακαριότατος ποιήτου Ἰβρίου... παραφράσεις δὲ τούτου καὶ οἱ ἐνδοξόταται τῶν ἱερῶν ἡμῶν πρακτικῶν ἑπαρχῶν, φανέν δὲ τοῦτ' εἶναι ἐπὶ τοῖς ἐπισταγμένοις τῇ αὐτῶν δικαιοσύνῃ, οἱ τε τῆς Ἰλλυρίας, κτ. пр. (Cod. Just. lib. XVI, tit. 8., 34 SS. сѣл. 66—67). Имя словъ Николая I и Адриана II, которые вмѣстѣ съ возвращеніемъ патримонія св. Петра, дѣйствительно отнятыхъ отъ папы Львомъ III, требовали уступить имъ иллирійскія провинція, еще не слѣдуетъ, что и эти провинція были отняты у папы упомянутымъ императоромъ. (Анфимолъ. сѣл. кз. Аѳинъ, 1858 г.)*

(1) Theoph. ехрон. р. 639—648.

собралъ въ Константинополѣ соборъ (въ 754 г.), который состоялъ изъ 348 епископовъ подъ предсѣдательствомъ ефесскаго архіепископа Θεодосія. Соборъ осудилъ всѣ виды иконопочитанія; его постановленія приводились въ исполненіе съ безпощадною жестокостію. Прежде всего подверглось преслѣдованію монашество; потому что оно особенно выдвигало изъ себя неустрашимыхъ обличителей нечестія.

Иконопочитатели еще разъ попытались свергнуть Константина съ престола, составивъ противъ него тайный заговоръ; но опять неудачно. Заговоръ былъ открытъ: нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ, уличенныхъ въ заговорѣ, были обезглавлены, другіе ослѣплены (1). Однако Константинъ не могъ не видѣть, что противодѣйствіе его политикѣ исходило изъ монастырей, — и вотъ онъ рѣшается, если не уничтожить монашество, то по крайней мѣрѣ ограничить число иноковъ. Онъ закрываетъ нѣкоторые монастыри и особенно тѣ изъ нихъ, которые въ ту пору представлялись ему слишкомъ опасными для его политики. Это — монастыри знаменитые и вліятельные, которые и были превращены имъ въ казармы (2). Одни изъ иноковъ перемѣнили иноческую жизнь на семейную, другіе шли въ солдаты или же стали заниматься другими общественными

(1) Ibid. p. 676. Правда, Θεοφανъ говоритъ, что эти 19 мужей были несправедливо обвинены въ заговорѣ противъ императора, но что будтобы императоръ иславидѣлъ ихъ за то, что они были красивы по наружности, обладали тѣлесною силою (φειλάχθαι) и были любимы всѣми. Но самъ же Θεοφανъ прибавляетъ, что нѣкоторые были наказаны за благочестіе (εὐλαβεία) и за то, что посягали монаха Стефана (бывшаго тогда въ тюрьмѣ, а потомъ принявшаго мученическую смерть).

(2) Ibid. p. 684—685. Таковъ, напр., Далматскій монастырь — первая клівия въ Византіи.

или частными дѣлами (¹). Тѣ, которые не поддавались видамъ правительства, или подвергались различнымъ наказаніямъ и оскорбленіямъ (²) или же бѣжали изъ столицы. Последніе находили самый радушный пріемъ въ Римѣ. Покровительство, оказываемое папами въ это время бѣглецамъ изъ иноковъ (³), естественно, при одинаковости воззрѣній съ ними, должно было поднять значеніе папъ въ глазахъ константинопольскаго монашества и располагать его къ папамъ даже тогда, когда они являлись нарушителями правъ восточной церкви. Дѣйствительно, это къ сожалѣнію такъ и было при столкновеніяхъ Рима съ востокомъ, уже не иконоборческимъ, а православнымъ.

Могущественнѣйшій изъ иконоборческихъ императоровъ скончался, и гонимая партія начала свободно дышать. Сынъ и преемникъ его Левъ Хазаръ (775 г.), хотя раздѣлялъ образъ мыслей своего отца, однако не имѣлъ твердости и рѣшительности характера на столько, чтобы быть въ состояніи отстоять его политику. Противная партія начала уже свободно дѣйствовать и успѣла привлечь къ себѣ супругу новаго императора Ирину, съ помощію которой прежде всего добилаась того, что императоръ сталъ позволять инокамъ занимать епископскія катедры (⁴). Далѣе, такъ

(¹) Θεοφανъ упоминаетъ, но Никифоръ прямо говорить объ этомъ.

(²) Theoph. chron. p. 685.

(³) Еще при монофелитъ Констанѣ восточные монахи находили себѣ приближище въ Римъ и уже въ то время говорили Мартину: «Generalis habitantium in hac antiqua alma urbe Roma, Graecorum abbatum et monachorum servorum vestrae sanctitatis docemus, ut subter...» (Harduin, t. IV p. 719). Во время иконоборческихъ смутъ, Григорій III и Павелъ I давали имъ особые монастыри для жительства и для отправления богослуженія на греческомъ языкѣ (Baron. Ann. 761).

(⁴) Theoph. chron. p. 695: Καὶ ἀνατολίτας ἐκ τῶν ἀββῶνων προβαλετο, τοῦ ἐστὶν, Λεῶν.

какъ императоръ былъ слабъ здоровьемъ, то противники иконоборства, при содѣйствіи народа и нѣкоторыхъ сановниковъ, убѣдили царя короновать однолѣтняго сына его на царство (1). Цѣлью ихъ было то, чтобы въ случаѣ смерти императора царствовать именно его малолѣтній сынъ подъ опекунствомъ матери, а не кто либо изъ пяти его братьевъ—истыхъ иконоборцевъ. Наконецъ имъ удалось поставить на патриаршій престолъ человека ими любимаго, Павла Кипрянина, *«λόγος κκι πράξις διατάκτορα»*, по свидѣтельству Θεοφана (2), который однакоже долженъ былъ, по требованію царя, волею или неволею осудить торжественно иконопочитаніе. Между тѣмъ иконопочитаніе стало наблюдаться многими сановниками даже открыто; царь къ своему удивленію узналъ, что даже супруга его почитаетъ иконы и держитъ ихъ при себѣ. Тогда онъ прибѣгъ къ насильственнымъ мѣрамъ; впрочемъ, по удаленіи отъ себя жены своей, онъ вскорѣ умеръ. Ирина вступила теперь на престолъ въ качествѣ опекуниши своего малолѣтняго сына Константина VI, коронованнаго уже при отцѣ и тотчасъ же озаботилась возстановленіемъ иконопочитанія. Патриархъ Павелъ, повидимому неожиданно, но на самомъ дѣлѣ по желанію Ирины, въ 784 году, отказался отъ каѳедры, отрекшись въ то же время, какъ говорятъ, и отъ иконоборства (3). На его мѣсто былъ избранъ изъ

(1) Theoph. chron. p. 695—697.

(2) Ibid. p. 701.

(3) Ibid. p. 708—709. Θεοφάνης представляеѣтъ дѣла такъ, что Павелъ отказался неожиданно, безъ вѣдома даже Ирины, не считая себя достойнымъ управлять престоломъ послѣ того, какъ онъ обсквернилъ себя иконоборствомъ. Но ходъ дѣла показывается, даже, какъ онъ изложилъ у самого Θεοφана, что отказъ патриарха послѣдовалъ по строго разсчитанному плану дѣйствія со стороны Ирины и ея партіи.

мірянъ государственный секретарь Тарасій, человекъ умный, образованный и въ тоже время высоко нравственной жизни. Тарасій еще до поставленія своего потребовалъ созванія вселенскаго собора для умиротворенія волновавшейся столь долго церкви. По принятіи патріаршества, онъ тотчасъ же возстановилъ союзъ константинопольской церкви съ римскою, а Ирина просила папу Адріана I выслать уполномоченныхъ для присутствія на соборѣ (1).

Въ 786 году соборъ былъ созванъ въ Константинополь, въ храмъ св. апостоловъ, но иконоборческая партія возмущила солдатъ. Ворвавшись въ храмъ, послѣдніе произвели смятеніе между епископами, вслѣдствіе чего засѣданіе было прекращено; соборъ не состоялся (2). Для осуществленія собора Ирина, распустивъ гвардію (3), въ слѣдующемъ 787 году вновь созвала соборъ, но не въ Константинополь, гдѣ иконоборство пустило глубокіе корни, а въ Никей. Этотъ соборъ, названный подъ именемъ VII-го вселенскаго собора, отмѣнилъ постановленія иконоборческаго собора 754 года, возстановивъ иконопочитаніе. Впрочемъ нужно замѣтить, что VII вселенскій соборъ, хотя осудилъ иконоборство, какъ церковное заблужденіе, тѣмъ не менѣе вопросъ о значеніи иконъ онъ рѣшилъ въ смыслѣ далеко не сходномъ съ понятіями суевѣрной массы. Соборъ разграничилъ строго между *εὐσεβῆς προσκύσεως*, то есть, почтительнымъ поклоненіемъ иконамъ, которое впрочемъ исключительно должно быть относимо къ первообразу, и между *λατρεία* —

(1) Ibid. p. 713.

(2) Ibid. p. 715.

(3) Ibid. p. 716.

служеніемъ въ собственномъ смыслѣ, приличнымъ одному Богу (¹). Такимъ образомъ иконопочитаніе было утверждено не въ духъ суетнаго невѣжества, но въ духъ церковнаго преданія.

Окончивъ обзоръ перваго періода иконоборческихъ смутъ, мы должны указать на слѣдующее обстоятельство, характеризующее собою партіи того времени. Изъ свѣдѣній, которыя оставили намъ лѣтописцы—иконпочитатели, мы узнаемъ, что иконоборческіе государи Левъ III и Константинъ V, помимо вопроса объ иконахъ, оказали византійскому государству такія услуги, за которыя нельзя было имъ не сочувствовать людямъ сколько нибудь безпристрастнымъ. Такъ Левъ III не только прогналъ арабовъ изъ подь стѣнъ столицы, но и разбилъ ихъ въ Малой Азіи, отнявъ у нихъ цѣлыя прежде завоеванныя ими области. Кромѣ того онъ возстановилъ строгій порядокъ послѣ тридцатипятилетней анархіи, упрочилъ законную власть и ввелъ такія гражданскія реформы, которыя содѣйствовали внутреннему благосостоянію страны, издалъ такія узаконенія, которыя только теперь оцѣниваются должнымъ образомъ. И однако все это не избавило его отъ самыхъ рѣзкихъ выходокъ и нападеній со стороны тѣхъ же самыхъ лѣтописцевъ. Его личность до такой степени унижена ими, что не будь этихъ фактовъ, которые они сами простодушно передаютъ, и не будь другихъ памятниконъ, которые говорятъ совершенно противное, довѣрчивый читатель такъ и подумалъ бы, что этотъ Левъ Исаврянинъ былъ, дѣйствительно, величайшій изъ злодѣевъ, кроваваый звѣрь, сарацининъ, богоборецъ (*ἑσθητός*);

(¹) Harduin. t. IV. p.

словомъ — фараонъ, заклятый врагъ всего добраго и святаго. Само небо и вся природа приходитъ въ ужасъ отъ его нечестія и злодѣйства. Страшныя землетрясенія, наводненія, изверженія вулкановъ, холодъ, голодъ, народные мятежи — все это представляется наказаніемъ Божиимъ за нечестіе иконоборствующаго императора. Точно таковъ и Константинъ. Онъ трижды разбилъ арабовъ и отнялъ у нихъ много провинцій, четырежды воевалъ съ болгарами и, умирая въ борьбѣ съ ними, простиралъ руки свои къ столицѣ, говоря слѣдующія характеризующія его дѣятельность и направление слова: «спасайся, великій храмъ премудрости Божія Слова! Спасайся, градъ и синклитъ» (1)!. Не смотря на это, онъ все таки въ глазахъ противной партіи — Копронимъ, осквернившій святыню еще въ младенчествѣ (извѣстна легенда, по которой дано было ему это прозвище), негоднѣйшій сынъ негоднаго отца, развратникъ безпримѣрный, такой же кровожадный звѣрь, какъ и отецъ его, и, что всего забавнѣе, большой трусъ (2). И нельзя сказать, чтобы одно оскверненіе иконъ было причиною этихъ и подобныхъ отзывовъ. Такимъ нападкама, какъ увидимъ, подвергались и цари православныя, когда они поступали не въ угоду или противъ клерикальной партіи.

III. Партія Ирины и партія Константина VI.

Благотворное вліяніе вселенскаго собора вырази-

(1) Georg. Cedr. historia t. II, p.

(2) Такъ отзываются объ немъ Феофанъ хронографъ, р. 691, Кедричъ и друг. Одинъ патріархъ Никсеортъ не принадлежитъ къ этой категоріи лѣтописцевъ. Этотъ безпристрастный и истинно благочестивый человекъ, хотя и указываетъ на погрѣшности иконоборствующихъ государей, не скрываетъ, однакожъ, и ихъ достоинствъ. По его хроникѣ видно, что они, при своемъ благочестіи, сочувствовали тѣмъ реформамъ, которыя иконоборцы ввели въ области чисто гражданской.

лось, между прочимъ, въ томъ, что многіе изъ иконоборцевъ, на основаніи вышеозначеннаго соборнаго опредѣленія, оставляли свои крайне-отрицательныя воззрѣнія касательно иконъ и присоединялись къ церкви, не отступая, однакожь, отъ тѣхъ государственныхъ принциповъ и интересовъ, за которые они ратовали и которые собственно не касались дѣлъ церковныхъ. Не смотря на это, смуты, къ сожалѣнію, не прекратились. Оказалось, что между православными была партія, до такой степени ригористичная, что не довольствовалась возстановленіемъ св. иконъ по опредѣленію VII вселенскаго собора, но желала еще окончательнаго удаленія отъ должностей всѣхъ тѣхъ, которые раньше сочувствовали иконоборству, кто бы они ни были—епископы ли, или государственные сановники. Душею этой партіи съ одной стороны было монашество, съ другой—любимцы Ирины и въ особенности Ставракій Логоѣтъ. Иноки стали упрекать Тарасія между прочимъ въ томъ, что онъ оказался снисходительнымъ къ отрекшимся отъ иконоборства епископамъ, оставивъ ихъ на ихъ каѳедрахъ. Тарасій ссылался на авторитетъ вселенскаго собора, принявшаго раскаявшихся епископовъ. Но они колебались и на счетъ собора, ожидая, что скажетъ папа въ Римѣ. Между тѣмъ, любимецъ Ирины, Ставракій Логоѣтъ лишился участія въ управленіи всѣхъ тѣхъ изъ сановниковъ, которые или принадлежали къ иконоборческой партіи или, будучи православными, отличались болѣе либеральными воззрѣніями, не желая испроженія всѣхъ реформъ, введенныхъ иконоборцами въ церковной области. Императору Константину VI стало уже 20 лѣтъ отъ роду, а между тѣмъ управлялъ го-

сударственнымъ дѣлами не онъ, а Ирина съ Ставракіемъ. Правда, въ указахъ и законеніяхъ его имя являлось первымъ, но это была одна вѣщность; на дѣлѣ императоромъ былъ Ставракій. Этотъ послѣдній, съ своими приверженцами, увѣрялъ Ирину, что, *по про-
рицанію, сообщенному имъ Самимъ Богомъ*, не суждено управлять сыну ея, но что правленіе дано ей одной. Ирина, говоритъ Теофанъ, какъ женщина, притомъ еще властолюбивая, обманулась, повѣривъ тому, какъ дѣйствительности: она не догадывалась, что они (то есть Ставракій и его приверженцы) говорили это съ цѣлію самимъ управлять дѣлами (1). Такимъ образомъ императоръ совершенно отстраненъ былъ отъ правленія; но, какъ человекъ крѣпкій тѣломъ и духомъ, *συνάλαος καὶ ἰσχυρός*; по свидѣтельству того же хронографа (2), онъ не могъ долго выносить того унижительнаго положенія, на которое обрекла его мать, не могъ не скорбѣть, видя, что Ставракій управляетъ всѣмъ и что къ нему, настоящему императору, никто не смѣлъ являться (3). И вотъ, съ согласія немногихъ преданныхъ ему придворныхъ лицъ, онъ задумалъ удалить посредствомъ заговора мать свою отъ правленія и сослать ее въ Сицилію. Но попытка не удалась; Ставракій открылъ заговорщиковъ: одни изъ нихъ были казнены, другіе сосланы, а нѣкоторые подверглись домашнему аресту. Ирина на этотъ разъ вели-

(1) "Ἐπεισαν γὰρ αὐτὴν ὡς ἐκ προφητικῶν πληροφορηθέντες, ὅτι οὐκ ἔστιν ὀριζόμενον παρὰ τῷ Θεῷ κρατῆσαι τῷ οὐκ αὐτῇ τὴν βασιλείαν, εἰ μὴ σὴ ἔστιν ἐκ Θεοῦ δεδομένη σοι. αὐτὴ δὲ ὡς γυνὴ ἐξαπατηθεῖσα, ἔχουσα δὲ καὶ τὸ φιλαρχον, ἐπληροφορήθη ὁμοίως εἶναι, καὶ οὐκ ἐλογίσαστο, ὅτι αὐτοὶ διοικεῖν θέλοντες τοῦτο προσέτασαντο (Theoph. chron. p. 719).

(2) Ibid.

(3) Ibid.

кодушно обошлась съ своимъ сыномъ: она только высѣкла его и арестовала на нѣкоторое время во дворцѣ (1). но, чтобы окончательно уврочить за собою престолъ, она потребовала отъ войска присяги въ вѣрности до смерти ея именно ей, а не сыну. Тогда она убѣдилась въ нерасположеніи къ ней большинства столичныхъ жителей и въ особенности войска; завязалась борьба между приверженцами сына и приверженцами матери. изъ которыхъ первые, не касаясь религіи, во всемъ остальномъ хотѣли быть вѣрными иконоборческимъ или свѣтскимъ началамъ, послѣдніе же, напротивъ, хотѣли изгладить и слѣды этихъ началъ, дѣйствуя въ интересахъ клерикальной партіи. Такая борьба кончилась на этотъ разъ не въ пользу Ирины. Восточныя и малоазійскія войска вмѣстѣ съ бывшими военачальниками, отстраненными Ставракіемъ, стояли по преимуществу за Константина, вслѣдствіе чего онъ былъ провозглашенъ императоромъ. Ирина должна была уступить престолъ сыну, которому теперь всѣ присягнули въ вѣрноподданствѣ (въ 790 г.). Константинъ поселилъ свою мать во дворцѣ (выстроенномъ ею близъ гавани св. Елевѳерія въ Константинополѣ), въ которомъ хранились и ея деньги; патриціи же Ставракій и Аэцій, протоспаѳарій и евнухъ императрицы, вмѣстѣ съ остальными придворными евнухами, были наказаны имъ и сосланы (2). Впрочемъ Иринѣ удалось впоследствии возвратитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно Ставракія.

Въ этой борьбѣ сына съ матерью мы не видимъ прямого и непосредственнаго участія церковно-иконо-

(1) Ibid. 720.

(2) Theoph. chron. p. 723.

борческой партіи. Она только примыкала къ приверженцамъ царя, отчасти изъ уваженія къ имени его предковъ, отчасти по другимъ причинамъ. Изъ хода дѣла, какъ оно изложено въ византійскихъ лѣтописяхъ, видно, что приверженцы Константина, составившіеся изъ людей болѣе или менѣе образованныхъ, питали тѣ же симпатіи, какія питали и сами иконоборцы въ дѣлахъ чисто гражданскихъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ вопросамъ церковнымъ. Нельзя сказать этого о партіи Ирины, состоявшей, по большей части, изъ придворныхъ льстецовъ и иноковъ и опиравшейся на массу народа. Партіи императрицы не было дѣла до государственныхъ интересвъ, лишь бы было соблюдено церковное благочестіе (по крайней мѣрѣ, по вѣщности); тогда какъ партія императора, понимая значеніе благочестія шире, глубже, а потому и сообразнѣе съ опредѣленіями VII вселенскаго собора, въ то же время не опускала изъ виду и политическихъ интересовъ. Однакожь, послѣ дѣйствительнаго воцаренія Константина, иконоборцы отдѣлились отъ него и попытались свергнуть его съ престола, чтобы захватить власть опять въ свои руки. Константинъ не оправдалъ надежды ни иконоборцевъ, ни даже своихъ приверженцевъ-умѣренныхъ православныхъ: онъ оказался необытнымъ въ государственныхъ дѣлахъ и къ тому же вполне поддавался вліянію своей матери, дѣлая все по ея совѣтамъ, такъ что не онъ управлялъ государствомъ, а она. Это и вооружило противъ него иконоборческую партію. Въ 792 году, послѣ неудачнаго похода на болгарь, упомянутая партія составила противъ него заговоръ — съ цѣлію возвестъ на его мѣсто одного изъ сыновей Константина V, Никифора

Но заговоръ былъ открытъ: Никифоръ былъ ослѣпленъ, а четверемъ его братьямъ — Христофору, Никитѣ, Анѳиму и Евдокиму — урѣзали языкъ (1).

Спусти нѣсколько времени, императоръ Константинъ позволилъ себѣ соблазнительный поступокъ, не только вызвавшій, по справедливости, негодование многихъ, но и послужившій поводомъ къ расколу въ константинопольской церкви. Вдругъ онъ вздумалъ развестись съ супругою своею Марією, на которой впрочемъ женился вопреки волѣ, по настоянію матери (2), и рѣшился вступить въ бракъ съ одною изъ фрейлинь своей матери, по имени Θεοδοτού. Θεοφανъ хронографъ, современникъ Константина и Ирины, прямо говоритъ, что сама Ирина побудила его на этотъ поступокъ: она стремилась опозорить его въ глазахъ народа, чтобы самой сдѣлаться снова властительницею (3). Какъ бы то ни было, Тарасій патріархъ сначала не хотѣлъ дозволить рѣшительно ни развода, ни новаго брака. Но потомъ, когда императоръ началъ грозить возстановленіемъ иконоборства (4), патріархъ замолчалъ, не давая своего согласія, но въ тоже время и не протестуя. Очевидно, св. Тарасій, поступаая такимъ образомъ, желалъ предупредить большее зло. Но противъ самовольнаго нарушенія закона вооружились настоятель саккудіонскаго монастыря старецъ Платонъ и его племянникъ препод. Θεοδότης: первый произнесъ отлученіе надъ царемъ,

(1) Theoph. chron. p. 725.

(2) Ibid. p. 718.

(3) Ibid. 727. Μισήσας ὁ βασιλεὺς τὴν ἐπιστοῦ γυναῖκα Μαρῖαν ὑποβολῇ τῆς ἐπιστοῦ μητρός, ἐπιεμένως τῆς ἀρχῆς, πρὸς τὸ καταγνώσθηναι αὐτὸν ἐκ πᾶντων и проч.

(4) Таковъ, вѣроятно, смыслъ его словъ, переданныхъ не совсемъ вѣрно Кедринимъ. Ἐν μὲν τοῦτο γέννηται, τοὺς ναοὺς τῶν εἰδώλων ἀνοίγω.

назвавъ его новымъ Иродомъ. Не довольствуясь этимъ, старецъ Платонъ и Θεодоръ Студитъ отдѣлились отъ общенія съ патриархомъ Тарасіемъ за допущеніе съ его стороны пресвитеру Іосифу вѣнчать царя незаконнымъ бракомъ ⁽¹⁾ и стали выставять на видъ патриарху, выбранному прямо изъ мірянъ, антивагоничность его хиротоніи ⁽²⁾. Напрасно императоръ старался успокоить ихъ ласками: они беспощадно напали на него, называя его Иродомъ, а бракъ его прелюбодѣніемъ ⁽³⁾. Наконецъ императоръ рѣшился арестовать въ Константинополѣ старца Платона, а Θεодора и другихъ сослать въ Θεσσαλονικι (4). Возстаніе иноковъ противъ императора, повидимому, помогло ему, потому что оно болѣе сблизило съ нимъ противную имъ партію; это же не мало должно было огорчить Ирину. И вотъ она начинаетъ задумывать новые планы для его сверженія. Въ 796 году она вмѣстѣ съ сыномъ отправилась въ Пруссу на теплыя ванны; но послѣдній узнавъ здѣсь, что жена его Θεодота родила сына въ Константинополѣ, а потому и поспѣшилъ туда. Пользуясь его отсутствіемъ, Ирина стала заманивать къ себѣ военачальниковъ подарками и разными обѣщаніями, чтобы они помогли ей низвергнуть его и воцариться ей самой. Такимъ образомъ она вмѣстѣ съ преданными ей лицами привлекла къ себѣ многихъ ⁽⁵⁾, но дѣйствовать начала не вдругъ,

(1) Theoph. chron. p. 729.

(2) Παπαριγονιουλ—Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους. Τ. III.

(3) Ibid.

(4) Theoph. chron. p. 729.

(5) Ἐυροῦσα δὲ διόρισεν ἢ τοῦτο μνηστὴρ προσελάλησεν καὶ ὁπέσθωσαν θυρεαῖς καὶ ὁπεσθῆσαι τοὺς τῶν ταγματῶν ἀρχοντας πρὸς τὸ καθελεῖν τὸν υἱὸν αὐτῆς καὶ μονοκρατορῆσαι αὐτήν... Theoph. chron. p. 730.

выжидая удобнаго къ тому случая. Въ слѣдующемъ 797 году арабы напали на нѣкоторыя малоазійскія области: Константинъ предпринялъ походъ противъ нихъ. Что же дѣлаетъ Ирина или, лучше, партія Ирины? Она побуждаетъ слишкомъ довѣрчиваго къ ней сына взять съ собою Ставракія, а послѣднему наказываетъ, чтобы онъ всячески разстроивалъ походъ, такъ какъ отъ удачи или неудачи похода должна была, по мысли Ирины, зависѣть и ея судьба. То есть, если царь возвратится изъ похода побѣдителемъ. — то ея заговоръ не только не осуществится, но послужитъ во вредъ ей самой; а если возвратится побѣжденнымъ, то народъ и войско останутся недовольными имъ, и тогда заговоръ осуществится. Ставракій и приближенные его, дѣйствительно, повели дѣло такъ, что походъ царя не могъ быть удачнымъ: подкупивъ начальниковъ авангарда, они заставили ихъ ложно доносить царю, будтобы непріятель возвратился въ свою сторону. — вслѣдствіе чего царь со скорбію возвратился въ Константинополь (1). Между тѣмъ планъ Ирины и ея партіи созрѣлъ: въ іюнь того же года, во время присутствія Константина въ циркѣ, пришли заговорщики, чтобы схватить его. Узнавъ объ этомъ, царь бросился въ свой корабль (*χελωνίδα*) и отсюда отправился въ Тритонъ (около Пропонтиды, куда поспѣшила къ нему и жена его), имѣя въ виду оттуда бѣжать къ восточной гвардіи, всегда отличавшейся преданностію къ нему и ненавистію къ его матери. Это обстоятельство встревожило Ирину. Но такъ какъ съ царемъ были люди, вполне ей преданные, то она написала имъ, что если они не справятся съ сыномъ

(1) Theoph. chron. p. 730—731.

ея, придется самимъ имъ расплачиваться (1) Послед-
 ние, дѣйствительно, схватили императора въ то самое
 время, когда онъ молился, и привезли его въ Констан-
 тинополь. Здѣсь онъ былъ заключенъ въ той самой
 комнатѣ, въ которой имѣлъ несчастье родиться отъ
 немилосердой матери; чрезъ нѣсколько часовъ злые
 люди, съ согласія матери и ея совѣтниковъ, ослѣпи-
 ли его такъ жестоко, что онъ едва не умеръ. Ирина
 опять воцарилась (2) Первымъ ея дѣломъ было от-

(1) Ibid. p. 731—732.

(2) Καὶ ἀπέλασαν αὐτὸν (τον βασιλέα) ἐν τῇ πορφύρῃ, ἐν ἣ ἀγεννήθη,
 καὶ περὶ ὄρατι ἐνάτην ἑκτοφλοῖαν βασίως καὶ τινατὸς πρὸς τὸ ἀποθνήσκειν αὐτὸν
 ὑφ' ἑρῆ τῆς μητρὸς αὐτοῦ καὶ τῶν συμβούλων αὐτῆς.... Καὶ ὅτω κρατὶ ἡ
 Ἡερίκη. Солнце, продолжаетъ Θεοфанъ, затмилось на 17 дней и не дава-
 ло своихъ лучей, такъ что корабли блуждали; все были убѣждены, что
 это было наказаніемъ за ослѣпленіе царя (Theoph. simon. p. 732.—733).
 Гергенретеръ почему-то хочетъ доказать, что Ирина не виновата въ
 такомъ позорномъ дѣлѣ, не смотри на то, что все лѣтописцы и истори-
 ки согласно приписываютъ ей главное участіе въ немъ. Въ подтвер-
 жденіе своей мысли онъ приводитъ два доказательства: во первыхъ то,
 что въ одной изъ рукописей Георгія Амартола говорится слѣдующее:
 Τῆς μητρὸς αὐτοῦ καὶ πατρὸς καὶ μητρὸς ἡρωσκόου τὴν βουλήν, — во вторыхъ
 то, что Феодоръ Студитъ, восхвалявшій Ирину, не сдѣлалъ бы этого,
 если бы онъ зналъ, что она такъ поступила съ своимъ сыномъ. Посе-
 му Гергенретеръ заключаетъ, что заговорщики сдѣлали съ Константи-
 номъ болѣе, чѣмъ она приказала имъ. Но, во первыхъ, самъ Гер-
 генретеръ сознается, что въ другихъ рукописяхъ того же самаго Амар-
 тола нѣтъ въ указанномъ отрывкѣ слова „βουλήν“ и трехъ слѣдующихъ
 за тѣмъ буквъ (ср. слова „ἡρωσκόου“) (Μαυραγιοπούλα — Ἱστορία τοῦ
 Ἑλλητικῆς Ἰστορίας. III τὸμ. 585), — почему дополненіе, сдѣланное въ
 одной рукописи, не даетъ намъ права заключать, что оно дѣйствитель-
 но принадлежитъ Георгію Амартолу. Во вторыхъ, что касается пох-
 валъ Феодора Студита Ирину, то онъ ровно ничего не доказываетъ.
 Преподобный Феодоръ хвалитъ Ирину за то, что по его взгляду дѣй-
 ствительно похвально. Дѣла съ Константиномъ онъ вовсе не имѣлъ въ
 виду. Подъ вліяніемъ того отвращенія, которое онъ питалъ къ Кон-
 стантину, называемому имъ Продомъ, по поводу его незаконнаго бра-
 ка, и подъ вліяніемъ того уваженія, которое онъ питалъ къ восстано-
 вительницѣ св. иконъ и покровительницѣ монастырей и иноковъ, онъ
 могъ и игнорировать этотъ поступокъ. Но доказательства Гергенретера

дѣлаться совѣмъ отъ изувѣченныхъ ею, но еще оставшихся въ живыхъ, сыновей Константина V. Она сослала ихъ на свою родину, въ Аѳины (1). Но здѣсь родственники Ирины извѣстили ее, будто въ Эладѣ нѣкоторые намѣрены провозгласить одного изъ нихъ царемъ. Тогда она отправила туда своего спаѳарія Теофилакта, который выкололъ имъ глаза и отправилъ ихъ оттуда въ Панорму во Фракіи (2).

Съ другой стороны, Ирина тотчасъ освободила старца Платона изъ темницы, возвратила изъ ссылки препод. Θεοδωρα, къ которому торжественно сама вышла на встрѣчу, и поселила его, съ многими другими иноками, въ знаменитомъ студійскомъ монастырѣ, въ Константинополѣ; затѣмъ вынудила патріарха Тарасія предать отлученію (3) извѣстнаго намъ пресвитера Іосифа (благословившаго бракъ Константина съ Θεοδοτοю). Покровительствуя инокамъ, она, для упроченія своего положенія, въ тоже время, старалась опираться на массѣ народа. Для этого она уменьшила государственныя подати и повинности, а нѣкоторыя совершенно отмѣнила (4). Между тѣмъ, къ ея несчастію, обстоятельства шли совершенно вопреки ея ожиданіямъ. Съ одной стороны, магометане, безпощадно грабя малоазійскія провинціи, дошли до

совершенно безсильны передъ дѣйствительнымъ вышеприведеннымъ нами свидѣтельствомъ Θεοφάνη, котораго нельзя заподозрить въ нерасположеніи къ Ирине. Онъ неоднократно называетъ ее «εὐσεβῆς, εὐσεβή-στατή, μακρὰ, θεοφιλὴς» и проч. Но, какъ честный и прямодушный дѣтописецъ, онъ не умалчиваетъ о тѣхъ фактахъ, которые сами собою вызываютъ осужденіе ея со стороны читателя.

(1) Theoph. chron. p. 735.

(2) Ibid. p. 734.

(3) Παππαρηγόπουλος—Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους, издан. 1868 г. стр. 595.

(4) Theoph. chron. p. 737.

Каппадокіи и Галатіи, и не было силъ отразить нападенія ихъ. Напрасно Ирина послала къ калифу Абу-Мелеку хризопольскаго игумена Дороея и хартофилакса соборной церкви Константина съ предложеніемъ мирныхъ условій. Абу-Мелекъ отвергъ ея предложеніе и, продолжая свои набѣги, дошелъ до самаго Босфора, ограбилъ окрестныхъ жителей и на обратномъ пути опустошалъ другія области (¹). Съ другой стороны, между любимцами Ирины — Авціемъ и Ставракіемъ — произошла ссора, причинившая ей самой величайшее огорченіе и кончившаяся только со смертію послѣдняго (²). Заботиться о государственныхъ дѣлахъ было не кому. Велѣдствіе всего этого, многіе константинопольскіе патриціи, военачальники и высшіе государственные сановники, — лица, составлявшія партію умѣренныхъ преобразователей (т. е. тѣхъ, которые, оставаясь вѣрными православію, сходились во всемъ остальномъ съ иконоборцами), приняли самыя рѣшительныя мѣры къ окончательному низверженію императрицы Ирины. 31 октября 802 года она была низвергнута. Никифоръ Логоветъ, коронованный на царствѣ св. патриархомъ Тарасіемъ, лишилъ ее всѣхъ имуществъ и сослалъ на островъ Лесбосъ (³). Здѣсь

(¹) Theoph. chron. p. 734 Около Босфора были конюшни Ставракія и Ирины. Абу-Мелекъ увелъ, кстати, съ собою и коней.

(²) Ἐπιστολαί. Ibid. 733, 736.

(³) Theoph. chron. p. 738 — 743. Θεοφανῶν, котораго изложеніе Ирины, какъ видно, сильно опечалило, говоритъ, будто весь народъ былъ пораженъ этимъ событіемъ. Одни, говоритъ онъ, удивлялись, какъ Богъ допустилъ, чтобы исповѣдница вѣры подвела такому горю; другіе какъ будто не вѣрили своимъ глазамъ и думали, что они видятъ это во снѣ; третьи, наконецъ, плакали, вспоминая ея благодѣнія къ нимъ, и всѣ вмѣстѣ проклинали какъ новаго императора, такъ и короновавшаго его, то есть патриарха Тарасія. Нечего и говорить, что Θεοφανῶν подъ словомъ „всѣ“ разумѣетъ исключительно партію

она вела жизнь истинно-христіанскую, проводя время въ постѣ и молитвѣ. 9 августа 803 года она скончалась и тѣло ея было погребено на Принцевыхъ островахъ, въ обители, которую она сама построила. Значеніе ея для церкви православной, конечно, состоитъ не въ образѣ управленія ею византійскою имперіею, а въ содѣйствіи ея возстановленію св. иконъ, въ избраніи на патріаршій престолъ св. Тарасія, достойнѣйшаго изъ всѣхъ православныхъ того времени, умиротворившаго христіанскую церковь своимъ благоразуміемъ и христіанскою мудростію. За это, а равно и за истинно-христіанскій образъ покаянія, которое она принесла послѣ своего паденія, она удостоилась того сіянія святости, которымъ облекла ее православная церковь.

Мы намѣренно остановились на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой ожесточенной, ознаменованной гнусными интригами и злодѣяніями, борьбы двухъ враждебныхъ партій. Во первыхъ она имѣетъ самую близкую аналогію съ не менѣе ожесточенною борьбою такъ называемыхъ игнатіанъ и фотіанъ, борьбою, въ основѣ Ирины, къ которой принадлежалъ онъ самъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на одну особенность, которая характеризуетъ направление какъ Θεοφана, такъ и прочихъ лѣтописцевъ — ксерикаловъ означенной эпохи. Изъ свидѣтельствъ этихъ же самыхъ лѣтописцевъ мы узнаемъ, что Ирина распустила самое лучшее войско, удалила достойнѣйшихъ полководцевъ отъ ихъ должностей, передала управленіе государственными дѣлами въ руки людей неспособныхъ и окружила себя призорными льстецами и ничтожнѣйшими евнухами, къ то время, какъ арабы опустошали Малую Азію, а болгары — Фракію. Однако все это ни мало не смущаетъ лѣтописцевъ, и они, не ограничиваясь впаднѣ законною похвалою ея усердію къ церкви и возстановленію св. иконъ, превозносятъ ея административную дѣятельность въ качествѣ свѣтской правительницы и не находятъ словъ, чтобы выразить всю свою желчьность противъ низложившихъ ее. Такъ мало понимали они интересы государства!

которой лежала таже противоположность клерикальных началъ началамъ просвѣщенно-либеральнымъ; во вторыхъ, вышеприведенные факты отчасти показываютъ умственный складъ понятій и нравственную физиономію большинства лицъ, принадлежавшихъ къ той или другой партіи. Умный, дѣятельный, глубоко-одушевленный ревностію ко благу церкви и отечества патріархъ Тарасій подвергается со стороны приверженцевъ Ирины осужденію за оказанное имъ снисхожденіе къ немощи, благоразуміе и предусмотрительность въ пользу церкви и общества. Не смотря на свои высоко-нравственныя качества и на труды, направленные къ умиротворенію церкви, онъ подвергается нападеніямъ за то, что былъ возведенъ на патріаршій престолъ изъ мірянъ, будтобы вопреки церковнымъ правиламъ. и при томъ, что особенно замѣчательно, подвергается этимъ нападеніямъ не во время своего избранія и посвященія, а спустя долгое время даже послѣ вселенскаго собора, когда его миролюбивое направленіе слишкомъ рѣзко бросилось въ глаза. Сама Ирина, избравшая его, убѣдившись въ томъ, что онъ вовсе не способенъ жертвовать своею совѣстію выгодамъ той или другой партіи, негодуешь на него и вынуждаетъ его уступить инокамъ, покровительствуемымъ ею. Группировавшіеся около нея люди обольщаютъ ее, прибѣгая къ суевѣрнымъ прорицаніямъ и гаданіямъ; склоняютъ ее на свою сторону, чтобы захватить власть въ свои руки. Она вполне вѣритъ этимъ прорицаніямъ и гаданіямъ и отдается въ руки льстецамъ. Сочувствовавшая Константину партія, въ виду равнодушія къ государственнымъ интересамъ противной ей стороны, въ виду того систематиче-

скаго преслѣдованія, которому подвергались лучшіе изъ государственныхъ людей и сановниковъ, возста-
етъ, требуя воцаренія законнаго императора во имя блага и законовъ страны, но не пятнаетъ себя такими интригами, какими запятнали себя мно-
гіе изъ противниковъ ея. Достигнувъ своей цѣли, она не прибѣгаетъ къ жестокимъ преслѣдованіямъ, но обходится съ своими противниками довольно крот-
ко, стараясь по возможности ужиться съ ними. По-
слѣдніе, напротивъ, недовольные ни кѣмъ и ни чѣмъ, вслѣдствіе стараются ниспровергнуть ее, достигая сво-
ей цѣли всѣми средствами. Одержавъ побѣду, они опять приступаютъ къ ниспроверженію всего того, что не гармонировало съ ихъ воззрѣніями и понятіями. Мы увидимъ, что лица, позорившія имя патріарха Фотія, вышли изъ этой же самой среды.

Феофанъ хронографъ нерасположенный къ импера-
тору Никифору, называетъ его «*προσπεποιθμενος εικονομα-
χου*» (1), то есть, тайнымъ иконоборцемъ; но нисколько не видно, чтобы Никифоръ былъ склоненъ къ ико-
ноборству. На самомъ дѣлѣ онъ былъ вполне право-
славнымъ государемъ, только не такого направленія и не такихъ нравственныхъ воззрѣній, какія имѣли Ирина и большинство ея приверженцевъ. Правда, въ борьбѣ съ противною ему партією онъ дошелъ до крайности и сталъ преслѣдовать иноковъ, подвергая ихъ ссылкамъ и арестамъ; но это еще не значитъ, что онъ былъ «*προσπεποιθμενος εικονομα-
χου*». Иноковъ онъ преслѣдовалъ не за православіе, а по причинамъ по-
литическаго свойства. Еще менѣе говоритъ противъ православія его то, что онъ не преслѣдовалъ ни ико-

(1) Ibid.

ноборцевъ, ни павликіанъ, въ то время усиливавшихся. Гоненіе еретиковъ вполне противно духу православія, и потому православный и истинно-просвѣщенный государь отнюдь не обязанъ гнать своихъ инославныхъ подданныхъ. Говорить, подобно Гергенретеру, будто Никифоръ былъ того убѣжденія, что царь выше церковныхъ правилъ и что потому онъ самовольно могъ распоряжаться въ дѣлахъ церкви, несправедливо, потому что мы не видимъ никакихъ самовольныхъ распоряженій въ церкви съ его стороны. Онъ самовольно распоряжался не въ дѣлахъ церкви, а въ нѣкоторыхъ административныхъ дѣлахъ, относящихся къ извѣстному сословію въ церкви, слѣдуя принципамъ свѣтской партіи, возведшей его на престолъ. Въ этого рода дѣлахъ подобнымъ же образомъ распоряжались и такіе государи, въ благочестіи которыхъ не сомнѣваются ни Θεοφανъ, ни Гергенретеръ ⁽¹⁾; разница только въ томъ, что распоряженія послѣднихъ были въ пользу означеннаго сословія, а распоряженія Никифора — не въ пользу. Всѣ эти и подобныя имъ обвиненія исходили изъ среды той партіи, во главѣ которой недавно стояла Ирина и съ которой онъ долженъ былъ бороться въ продолженіе всего своего царствованія. Но лучше обратимся къ фактической сторонѣ дѣла и посмотримъ, какъ шла эта борьба съ обѣихъ сторонъ. Первымъ радикальнымъ противодѣйствіемъ Никифору со стороны бывшихъ сторонниковъ Ирины было возстаніе противъ него полководца Варданія, по прозванію Турка, — человѣка прямаго и добраго, притомъ отличавшагося военными доблестями. Этотъ полководецъ, провозглашенный нѣкоторыми полками во-

(1) Photius Patriarch von Konstantinopol. t. I, p. 264—265.

преки его волѣ, шель изъ Малой Азіи противъ Никифора. Но когда Никифоръ выступилъ противъ него, то большая часть войска, оставивъ Варданія, перешла на сторону Никифора. Варданій, и безъ того нерасположенный къ возстанію, сдавшись безъ бою, просилъ только царя о томъ, чтобы онъ письменно далъ ему прощеніе, что и было исполнено (1). Впрочемъ прощеніе не помогло несчастному, хотя оно было подписано императоромъ, синклитомъ и самимъ патріархомъ Тарасіемъ. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ ослѣпленъ ликаонскими солдатами въ построенномъ имъ монастырѣ на островѣ Проти, куда поступилъ, принявъ монашескую мантію подъ именемъ Саввы (2). Спустя нѣсколько времени, произошло новое обстоятельство, приведшее объ партіи во взаимное столкновеніе и вызвавшее со стороны Никифора не мало усилій для преодоленія противной ему партіи. Въ 806 году (25 февраля) скончался патріархъ Тарасій, такъ мудро управлявшій константинопольскою церковію въ теченіе 21 года. Въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ, не такъ легко было найти достойнаго ему преемника. Императоръ Никифоръ не могъ, конечно, пожелать избранія новаго патріарха изъ среды иноковъ, потому что онъ считалъ ихъ противниками и себѣ и своей партіи, а также и изъ среды архіереевъ, потому что они склонялись на сторону то одной, то другой партіи. Какъ

(1) Theoph. cbron. p. 743—741.

(2) Ibid p. 745. Θεοφανῆς говорить, будто бы эти солдаты были посланы самимъ Никифоромъ. Напротивъ Генезій говорить, что солдаты сдѣлали это εἴτε ἀπαρδαδιζόμενοι, εἴτε βασιλεῖω συμβουδοκῆσαι, εἴτε καὶ αὐτῶ τῷ βασιλεῖ Νικηφόρῳ ἀρέσσι βουλόμενοι (Genes. regim lib. I, p. 10). Далѣе Θεοφανῆς говорить, будто Никифоръ отнялъ у Варданія имущество, а продолжатель его, Θεοφάνης, напротивъ, говорить, что Варданій самъ роздалъ его бѣднымъ.

ему, такъ и лучшимъ людямъ того времени, хотѣлось видѣть на патриаршемъ престолѣ человѣка умнаго и въ тоже время чуждаго интересамъ клерикаловъ. Такой человѣкъ и найденъ былъ изъ мірянъ, въ лицѣ патриція Никифора, бывшаго при Иринѣ на государственной службѣ (извѣстно, что онъ былъ однимъ изъ ея представителей на VII вселенскомъ соборѣ), а теперь жившаго въ отставкѣ. Патрицій Никифоръ былъ человѣкомъ столько же благочестивымъ, сколько умнымъ и всесторонне образованнымъ, а потому, по предложенію императора, онъ былъ единогласно избранъ соборомъ епископовъ и народомъ и рукоположенъ 2 апрѣля 806 года (1). Выборъ состоялся вполне удачно. Но противъ этого избранія и рукоположенія возстаютъ иноки студійскаго монастыря, во главѣ которыхъ были старецъ Платонъ и Θεодоръ, и задумываютъ отдѣлиться отъ общенія съ новымъ патриархомъ, на томъ основаніи, что онъ избранъ былъ изъ мірянъ. «Не подобаетъ, говорили они, вдругъ (2) сдѣлаться мірянину епископомъ». Разсерженный этимъ поступкомъ, императоръ хотѣлъ от-

(1), Theoph. chton. p. 747. Ἐγγύφω πάντες τὸν λαὸν καὶ τῶν ἱερέων, πρὸς δε καὶ τῶν βασιλέων.

(2), Theoph. chton. p. 747. Ὁὐ αἰτίαν ὄντων ἐβλόγην ἔχοντας (Платонъ и Θεодоръ)... τὸ μὲν δὲν ἀπὸ λαϊκῶν ἀνθρώπων εἰς ἐπίσκοπὸν ἀνατρέχαι. Θεοφανὴς справедливо замѣчаетъ противъ этой мнимой причины, по которой они не хотѣли признать новаго патриарха, что выборъ изъ мірянъ въ епископы не былъ чуждъ церковной практики и что многіе изъ мірянъ достойно проходили епископское служеніе: οὐκ ἔν τὸ πρῶτον ζήνον τῆς ἐκκλησίας καὶ προσφάτως ἐπίσκοπον, ἀλλὰ καὶ πολλοὶ ἄλλοι ἀπὸ λαϊκῶν ἐπισκόπων ἄξιον... Самъ старецъ Платонъ въ особенной бесѣдѣ съ царемъ одобрялъ выборъ Никифора и писалъ одному изъ своихъ родственниковъ во дворцѣ, чтобы онъ содѣйствовалъ избранію св. Никифора (смотри Палларіоула — Ἱστορίαι τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους. Т. III, p. 610). Поэтому-то непризнание имъ впоследствии патриарха крайне огорчило императора.

править ихъ въ ссылку и уничтожить студійскую обитель. Но когда замѣтили императору, что такая строгая мѣра противъ такого знаменитаго монастыря, какимъ былъ тогда монастырь студійскій (въ немъ было иноковъ больше 700), навлечетъ на новаго патріарха сильныя нареканія, тогда онъ отказался отъ своего намѣренія (1). Неудовольствіе студійскихъ иноковъ противъ св. Никифора еще болѣе возрасло по слѣдующему случаю. Мы уже видѣли, что патріархъ Тарасій, по настоянію Прины, сдѣлалъ инокамъ уступку, наложивъ на извѣстнаго намъ пресвитера Іосифа отлученіе. Патріархъ Никифоръ счелъ возможнымъ, по требованію царя, вновь принять Іосифа въ общеніе и разрѣшилъ ему совершать богослуженіе (въ 806 году). Разрѣшеніе запрещенному священнику богослуженія въ то время борьбы партій было государственнымъ дѣломъ. Это опять возмутило противъ патріарха иноковъ. Платонъ и Θεодоръ указывали патріарху на несообразность его поступка съ церковными правилами и грозили ему совершеннымъ отпаденіемъ стъ общенія съ нимъ. Патріархъ, не желая дѣйствовать произвольно, созвалъ соборъ (помѣстный), на которомъ присутствовалъ и самъ Θεодоръ. На соборѣ патріархъ согласился съ Θεодоромъ, что поступокъ Іосифа былъ не законенъ, но замѣтилъ собору, что онъ считаетъ недостаточнымъ наказаніемъ для него восьмилѣтнее его пребываніе подъ запрещеніемъ, соединенное съ покаяніемъ. Соборъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ патріарха, рѣшивъ дѣло въ пользу пресвитера Іосифа. На другой день авва Θεодоръ пишетъ патріарху посланіе, въ кото-

(1) Ibid.

ромъ протестуетъ противъ опредѣленія собора и настоятельно требуетъ, чтобы упомянутый пресвитеръ не былъ освобожденъ отъ церковнаго наказанія. Послѣ этого онъ потребовалъ аудіенціи у государя, но государь не принялъ его (1). Тогда ееодоръ и братъ его Іосифъ, архіепископъ Ѳессалоникійскій, вмѣстѣ съ старцемъ Платономъ, совершенно отдѣлились отъ общенія съ патріархомъ Никифоромъ (2). Раздѣленіе продолжалось болѣе двухъ лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени составилъ заговоръ противъ императора. Нѣкоторые провозгласили царемъ патриціи Арсавира, человѣка благочестиваго и образованнаго. Но заговоръ былъ открытъ: Арсавиръ былъ сосланъ въ монастырь въ Виенію, а другіе были подвергнуты различнымъ наказаніямъ. Въ этомъ заговорѣ (по словамъ Ѳеофана) уличены были и нѣкоторые изъ епископовъ и иноковъ (3). Между тѣмъ расколъ все продолжался. Для прекращенія соблазна, императоръ созвалъ соборъ, на которомъ присутствовали не только епископы, но и многіе вельможи. Соборъ осудилъ какъ архіепископа Іосифа, такъ и Ѳеодора съ Платономъ; императоръ отпраздновалъ ихъ въ ссылку (4).

(1) Смол. Паппаригонула-Ιστορία τῶν Ἑλλήνων τῆς ἑσχ. 612 - 613.

(2) Ibid.

(3) Theoph. chron. p. 750--751.

(4) Ibid. p. 752. Св. Ѳеодоръ Студитъ, называя этотъ соборъ „сборищемъ презлюбоудевъ“, приписываетъ ему опредѣленія, по истинѣ изумительныя. По его словамъ, онъ, будтобы, опредѣлялъ, что божественные законы не имѣютъ силы надъ царями ἐπί τῶν βασιλέων τοῦ θεοῦ νόμος μὴ κρατεῖν διορίζεται), что епископы имѣютъ власть обращаться съ церковными правилами такъ, какъ имъ угодно. Жаль, что акты этого собора до насъ не дошли; но, во всякомъ случаѣ, едва ли можно вѣрить тому, что соборъ могъ освятить такіе опредѣленія. Съ другой стороны нельзя, конечно, предполагать намѣренной лжи со стороны Ѳеодора Студита относительно этого предмета. По всей вероятности

Но самая радикальная мѣра со стороны Никифора противъ духовенства и иночества была слѣдующая. Это—взысканіе налоговъ и податей съ монастырскихъ и церковныхъ имуществъ (¹). Хорошо ли онъ поступилъ въ этомъ отношеніи, или нѣтъ— не намъ судить. Замѣтимъ только, что новѣйшіе защитники Никифора находятъ ему оправданіе въ томъ, что онъ засталъ государственную казну послѣ Ирины въ крайнемъ разстройствѣ. Для поправленія финансовыхъ дѣлъ онъ, дѣйствительно, не только возобновилъ тѣ подати и повинности, которыя безразсечно отмѣнены были Ириною, но даже увеличилъ ихъ, прибавивъ къ нимъ еще новые налоги. Если послушать лѣтописцевъ, то страсть къ обогащенію казны и себя достигала у него самыхъ крайнихъ размѣровъ,— онъ преслѣдовалъ богатыхъ, подвергая ихъ незаконнымъ штрафамъ, а нѣкоторыхъ просто грабя (²); онъ неблагосклонно смотрѣлъ и на пожертвованія вѣрующихъ въ пользу монастырей и церквей (³). Византійскіе историки называютъ поэтому императора Никифора то новымъ фараономъ, то Ахаавомъ и т. п. (⁴). Понятно, что клерикалы горячо желали ему смерти. Од-

сти, когда шелъ споръ на соборѣ о бракѣ Константина VI съ Теоодою и о благоуазумномъ при этомъ поступкѣ патріарха Тарасія,— высказывались сужденія, болѣе или менѣе преувеличивавшія права царя и епископа. А такъ какъ соборъ допустилъ возможность такихъ случаевъ, когда нужно бываетъ, ради высшихъ интересовъ, игнорировать или умалчивать о нарушеніи того или другаго церковнаго правила или церковной практики, но не догмата (то, что называется *oikonomia*),—то Теодоръ Студитъ сдѣлалъ изъ этого вышеприведенные выводы и навязалъ ихъ собору, какъ настоящія опредѣленія.

(¹) Theoph. chron. p. 756.

(²) Ibid. p. 757.

(³) Ibid. p. 760.

(⁴) Ibid. p. 761.

нажды (въ 810 г.) какой-то человекъ въ монашескомъ одѣяніи подошелъ съ мечемъ къ мѣсту, гдѣ стоялъ царь, намѣреваясь убить его. Но онъ былъ схваченъ, успѣвъ ранить двухъ его приближенныхъ. Черноризецъ притворился помѣшаннымъ и никогда не выдалъ, — говоритъ лѣтописецъ. Замѣчательно, что Никифоръ не казнилъ ни этого преступника, ни тѣхъ, которые ранѣе того были уличены въ заговоръ противъ его жизни, а ограничился тѣмъ, что черноризца посадилъ въ домъ умалишенныхъ, а другихъ заговорщиковъ частію арестовалъ, частію отправилъ въ ссылку. Послѣ того можно ли вѣрить всему тому, что лѣтописцы-клерикалы говорятъ противъ него? Но каковъ бы онъ ни былъ по своему личному характеру, все-таки нельзя считать его ни иконоборцемъ, ни противникомъ православія. Въ продолженіе своего десятилѣтняго царствованія онъ не сдѣлалъ ничего такого, что могло бы бросить тѣнь подозрѣнія на него въ неправославіи; напротивъ, онъ думалъ быть православнымъ во всемъ. И прежде всего мы видимъ, что онъ держитъ себя въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ св. Тарасію, отдавая полное уваженіе его христіанскимъ добродѣтелямъ и благоразумію; мы видимъ, что, по смерти Тарасія, онъ содѣйствуетъ избранію на престолъ св. Никифора, защищаетъ его и помогаетъ ему. Если же онъ вооружается противъ иноковъ, то дѣлаетъ это, благодаря началамъ чисто политическимъ. Иночество, покровительствуемое предшественницею и противницею его Приною, и имѣвшее при ней весьма важное политическое значеніе, — естественно, не должно было рассчитывать на благосклонность къ себѣ со стороны Никифора. Но такимъ

же точно политическимъ побужденіямъ государственной необходимости онъ налагаетъ на монастырскія и церковныя имущества особенныя повинности, не думая нисколько стѣснить этимъ ни иночества, ни правъ церкви и церковной власти. Наконецъ, если онъ подвергалъ нѣкоторыхъ епископовъ и иноковъ ссылкамъ и различнымъ наказаніямъ, то опять онъ дѣлалъ это въ силу административныхъ началъ свѣтскаго правительства, наказывая не за православіе, а за политическія преступленія, въ которыхъ послѣдніе были уличены. Что же касается враждебнаго отношенія Никифора къ старцу Платону и Θεодору Студиту, повидимому, не вмѣшивавшихся въ политическія дѣла, то оно объясняется естественнымъ образомъ изъ тѣхъ близкихъ отношеній, въ какихъ Платонъ и Θεодоръ находились съ Ириною и съ политическими противниками Никифора. Противникъ Ирины и ея политическихъ принциповъ могъ ли иначе относиться къ нимъ? Итакъ партія, во главѣ которой стоялъ Никифоръ, была также православная, какъ и та, во главѣ которой находились нѣкоторые вельможи и иноки, борющіеся съ нею, хотя и неудачно. Разница между ними та, что первая, вполнѣ уважая опредѣленія VII вселенскаго собора, отстаивала господство въ гражданскомъ отношеніи свѣтскихъ болѣе практическихъ началъ, а послѣдняя напротивъ хотѣла полнаго ихъ устраненія. Слѣдовательно *по принципамъ* это были тѣ же зеленые и голубые, только нѣсколько измѣнившіеся и дѣйствовавшіе подъ другими знаменами, и борьба между ними шла изъ интересовъ политическихъ.

Горомонахъ Горасимъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 6. С. 273-299.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІѢ, ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ЕГО СОВРЕМЕННОКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРІЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Продолженіе)

IV. Новые иконоборцы въ борьбѣ съ иконопочитателями.

Преемникомъ Никифора, погибшаго во время войны съ болгарами въ 811 году, былъ сынъ его Ставракій. Новый императоръ, не щадившій жизни своей, былъ тяжело раненъ въ упомянутой войнѣ. Поэтому онъ хотѣлъ предоставить царство своей женѣ Теофаніи. Но патриархъ и нѣкоторые вельможи сочли опаснымъ вручить царство женщинѣ и провозгласили, вопреки волѣ Ставракія, мужа его сестры Михаила Куропалата, по происхожденію принадлежавшаго къ нѣкогда иконоборствовавшей свѣтской партіи: отецъ его Теофилактъ былъ однимъ изъ тѣхъ вельможъ, которые въ 780 году составили заговоръ противъ Ирины и хотѣли возвестъ на царскій престолъ (иконоборца) Никифора, сына Константина V. Впрочемъ самъ Михаилъ не только ненавидѣлъ иконоборство, но даже не одобрялъ политики своего тестя Никифора. Оттого и политика его представляла собою полнѣйшій контрастъ политикѣ его предшественника. Сдѣлавшись

императоромъ (послѣ принятія Ставракіемъ монашескаго сана и удаленія какъ его, такъ и супруги его Θεοφανίи), онъ вполнѣ подчинился вліянію духовенства и иночества. Если Никифоръ требовалъ особенныхъ податей съ монастырей и церковей; то Михаилъ не только снялъ эти подати, но роздалъ въ пользу иноковъ и духовенства огромныя суммы денегъ. Если тотъ удалялъ иноковъ отъ участія въ политическихъ дѣлахъ; то этотъ, напротивъ, ни на что не рѣшался безъ ихъ совѣта и согласія (1). Наконецъ если Никифоръ не преслѣдовалъ еретиковъ, то Михаилъ, совершенно подчиняясь вліянію неразумныхъ ревнителей благочестія, выдалъ указъ, по которому павликіане и нѣкоторые другіе еретики подвергались смертной казни (2). Къ счастью, впрочемъ, этотъ указъ

(1) Theoph. chron., p. 769—771. Для возвращенія инокамъ того политическаго значенія, которымъ они пользовались при Иринѣ, нужно было прежде всего помирить ихъ съ патріархомъ Никифоромъ. Отличаясь миролюбивымъ характеромъ, патріархъ тѣмъ не менѣе не могъ, конечно, сочувствовать строгимъ мѣрамъ императора Никифора относительно духовенства и иночества. Поэтому онъ совѣтовалъ его сыну Ставракію держать себя въ болѣе кроткихъ отношеніяхъ ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ Никифоръ преслѣдовалъ. Патріархъ не могъ не скорбѣть душою, видя, что такіе высокочтимые люди, какъ св. Θεοδότης Студійскій и старецъ Πλατώνης, такой знаменитый монахъ, какимъ былъ тогда Студійскій, находится въ общеніи съ нимъ изъ-за вопросовъ, не имѣющихъ большой важности. Поэтому онъ счелъ нужнымъ для общаго блага церкви, сблизиться съ ними и сдѣлать имъ уступки. И дѣйствительно патріархъ Никифоръ, опасаясь, чтобы еще большее зло не произошло отъ такой розни, вновь низложилъ священника Ιωσήφ, отменилъ свои опредѣленія противъ иноковъ и старался объяснить свой поступокъ тѣмъ, что онъ и прежній царь какбы боялись излишней строгости. Св. Θεοδότης съ братомъ своимъ и старецъ Πλατώνης, возвращенные на свои прежнія должности, предали все забвенію.

(2) По словамъ Θεοφάνη, этотъ указъ былъ изданъ по внушенію будтобы святѣйшаго патріарха Никифора и другихъ благочестивыхъ лицъ, τὰς Νικηφόρου τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου καὶ ἄλλων εὐσεβῶν εἰρηγύγων. Но это невѣроятно. Преслѣдованіе еретиковъ не гармонировало ни

былъ скоро отмѣненъ; онъ вызвалъ неудовольствіе во многихъ истинно-вѣрующихъ христіанахъ, которые замѣтили императору и его совѣтникамъ, что ни государство, ни церковь, не имѣютъ права насиловать совѣсти людей. Императоръ дѣйствительно отмѣнилъ свое распоряженіе (1). Тѣмъ не менѣе излишняя преданность его клиру вызвала негодованіе противъ него со стороны лицъ, ему не сочувствовавшихъ, и многіе вельможи выжидали только удобнаго случая, чтобы положить конецъ ненавистной имъ политикѣ. Съ другой стороны, неудачи въ сраженіяхъ съ болгарами, опустошавшими еще при Никифорѣ Фракію и Македонію, возбуждали неудовольствіе въ войскѣ. «Истые иконоборцы», ослабленные доселѣ, возстали теперь съ новою силою и начали, по словамъ Теофана, вопить противъ св. иконъ и иночества, ублажая богоненавистнаго и трюкаяннаго Константина, нѣкогда побѣждавшаго болгаръ (2). Не довольствуясь этимъ, они собирались отправить въ Панорму пословъ, чтобы увезти оттуда сосланныхъ сыновей Константина V и сдѣлать ихъ начальниками войска (3). Тогда правительство Михаила приняло строгія мѣры противъ иконоборцевъ и перевезло сыновей Константина изъ Пасъ просвѣщеннымъ и яснымъ умомъ, ни съ мягкимъ и миролюбивымъ характеромъ ученаго патриарха. Впрочемъ предположить, что патриархъ Никифоръ, можетъ быть, только на время уступилъ вліянію большинства τῶν ἁλλῶν — неразумныхъ ревнителей благочестія по вопросу о еретикахъ; но вскорѣ затѣмъ убѣдилъ царя отмѣнить означенное распоряженіе.

(1) Сочувствуя казни еретиковъ, Теофанъ называетъ тѣхъ, которые отговѣвали казнь, *καχοτρόπος τριβόλος*, и примѣромъ Ананіи и Садеиры доказываетъ необходимость казнить еретиковъ. Theop. chrop. p. 771.

(2) Ibid. 773.

(3) Ibid.

нормы на островъ Аѳусію—близъ Пропонтиды (1); но это не помогало. Надъ гробомъ Константина V стали раздаваться теперь открытыя воззванія къ возстанію противъ императора. Однажды въ храмъ св. апостоловъ, гдѣ находился гробъ иконоборствовавшего государя, иконоборцы, по окончаніи богослуженія, открыли съ шумомъ гробницу своего патрона и стали припадать къ ней съ криками: «встань и помоги погибающему государству» (2). Теофанъ говоритъ, будтобы многіе изъ этихъ людей были христіанами только по наружности, на самомъ же дѣлѣ были павликіанами (3). Вѣрно только то, что всѣ они были противниками клерикальной партіи, въ чемъ сознается и самъ Теофанъ, говоря, что эти люди приписывали тогдашнія бѣдствія не своимъ грѣхамъ, а православной, переданной отцами, вѣрѣ и священному лику монашествующихъ (4), то есть, проще говоря, не довольны были господствомъ иноковъ, которые неспособны были управлять дѣлами государства. Такимъ образомъ опять столкнулись между собою тѣ же партіи, какія боролись во время династіи Исаврянъ. Еще разъ иконоборству суждено было сдѣлаться политическимъ знаменемъ и еще разъ этому знамени суждено было получить побѣду.

Въ 813 г., послѣ неудачнаго похода противъ болгаръ, недовольная партія и войско провозгласили императоромъ полководца Льва Армянина, а императоръ Михаилъ, его супруга и дѣти, были пострижены въ мо-

(1) Ibid. 774

(2) Ibid. 781.

(3) Ibid. 782.

(4) Ibid.

нашество и отосланы въ монастырь (1). Два сына низложеннаго императора Теофилактъ и Никита были, по словамъ некоторыхъ, оскотлены (2).

Новый императоръ слѣдовалъ по всемъ политикѣ иконоборческихъ государей Льва III и Константина V: между прочимъ онъ удалилъ духовенство отъ участія въ политическихъ дѣлахъ, взялся за постройку крѣпостей, улучшение финансовъ, разстроенныхъ его предшественниками (3), и ввелъ въ войскѣ строгую дисциплину. Все это, конечно, способствовало успѣху его въ отраженіи болгаръ, такъ долго опустошавшихъ византійскія области. Какъ воинъ, самъ императоръ склонялся на сторону иконоборства, то есть, свѣтской партіи, но, какъ благоразумный администраторъ, онъ не могъ возстать прямо и вдругъ противъ иконъ. Между тѣмъ иконоборческая партія, какъ видно, настоятельно требовала рѣшительныхъ дѣйствій съ его стороны (4). Въ силу этого въ 814 году Левъ Армянинъ призвалъ патріарха Никифора къ себѣ и требовалъ отъ него согласія на низверженіе иконъ, сказавши: «народъ (λαός) соблазняется иконами и думаетъ, что мы худо дѣлаемъ, поклоняясь имъ, и что поэтому иноземцы одолѣваютъ насъ. Снизойди же и уступи народу: уберемъ, что снизу. Ты не согласишься на это; такъ объясни намъ, ради какихъ причинъ вы кла-

(1) Ibid. p. 784.

(2) Nicetas, vita Ignatii. Harduin, t. V, p. 945.

(3) Theoph. chron., p. 785.

(4) Въ особенности двое склоняли его къ свертывшему низверженію иконъ. Это — начальникъ императорской стражи Теодотъ Кассетера, племянникъ императора Константина V, и придворный іеромонахъ Іоаннъ Грамматикъ, человекъ весьма ученый. Последний, съ помощію славянскаго епископа Антонія, представилъ царю, по его желанію, сочиненіе, направленное противъ иконопочитанія.

няетесь имъ, когда о нихъ нѣтъ ничего яснаго въ писаніи» (1). Зная бесплодность споровъ съ государемъ который считалъ себя представителемъ военнаго сословія и былъ дѣйствительно таковымъ, св. патріархъ сказалъ: «что мы издревле приняли отъ апостоловъ и отцевъ, того мы не можемъ ни поколебать, ни измѣнить» (2). На другой день императоръ созвалъ соборъ у себя изъ единомысленныхъ себѣ епископовъ, а также пригласилъ патріарха Пикифора и нѣкоторыхъ иноковъ, между которыми отличался особенною смѣлостью и прямою слова преподобный Феодоръ Студитъ. На соборѣ императоръ видимо склонялся на сторону иконоборцевъ, и препод. Феодоръ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Не колебли, государь, церковнаго порядка вещей; тебѣ ввѣрено управлять государствомъ и военными дѣлами, — о нихъ и заботься, а церкви не касайся» (3). Царь, разумѣется, не уважилъ этого разумнаго взгляда на предѣлы царской власти и не могъ согласиться съ мнѣніями препод. Феодора, потому что былъ орудіемъ партіи, съ желаніями которой долженъ былъ волей неволей сообра-

(1) Ὁ λαός (византийцы употребляла нерѣдко это слово въ значеніи войска, согласно съ древнѣйшими его значеніемъ) σκανδαλίζεταί διὰ τὰς εἰκόνας, λέγοντες, ὅτι κακῶς αὐτὰς προσκυνούμεν, καὶ ὅτι διὰ τοῦτο τὰ εἶδη κριτέουσιν ἡμῶν. Συγκρατᾶται τι μικρὰν καὶ ποίησαν οἰκονομίαν εἰς τὸν λαόν, καὶ τὰ χαμηλὰ περιέλωμεν. Ἐι δὲ μὴ βούλει, παύσον ἡμᾶς δι' οὗ ἐσκεν ἐκεῖνα προσκυνεῖτε τῆς γραφῆς ὡς τῶς μὴ ἔχουσης.

(2) Πραῖς αὐτῷ καλῶς καὶ ἐξ ἀρχῆς πόποτε καὶ ἀνέπαυεν ορισθέντα ὅπου τε τῶν ἀποστόλων καὶ τῶν πατέρων οὔτε παρασάλευμεν οὔτε περισσώτερόν τι ἐν αὐτοῖς οἰκονομοῦμεν. (Chronographica narratio eorum, quae tempore Leonis contigerunt; post Theoph., édit. Paris. p. 435—437. Cf. Vita v. Theod. Studit. cap. 62, p. 172).

(3) Μὴ παρασάλευε, βασιλεῦ, κατάστασιν ἐκκλησιαστικῆν. Σοὶ μὲν γὰρ τῆς πολιτείας κατάστασις καὶ ἡ τοῦ στρατοπέδου ἐπισταθῆ, τούτων φροντίζε, τῆν δὲ ἐκκλησίαν ἄφευ.

зываются. Съ этого времени Левъ началъ дѣйствовать ~~нормально~~ употребленіи иконъ, хотя еще не очень рѣшительно.

Спустя нѣсколько времени императоръ собралъ новый соборъ для окончательнаго приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній. Соборъ пригласилъ патріарха Никифора присутствовать въ своихъ засѣданіяхъ; но патріархъ отказался. Тогда враги св. Никифора послали въ патріаршія палаты отрядъ солдатъ, которые безпощадно осыпали патріарха оскорбленіями и угрозами; между тѣмъ иконоборческой соборъ произнесъ анаѳему, какъ на него, такъ и на св. Тарасія съ Германомъ, и запретилъ подъ угрозою отлученія именовать св. Никифора епископомъ и патріархомъ. Затѣмъ императоръ отправилъ патріарха въ ссылку, въ монастырь, что впрочемъ было необходимо по собственному самому патріарха сознанію (1). Мѣсто св. Никифора занято было вышеупомянутымъ нами Θεодотомъ Касситерою. Этотъ иконоборствующій патріархъ, о которомъ лѣтописцы говорятъ, будтобы онъ былъ «*мужемъ безсловеснымъ, или лучше, скотоподобнымъ, болѣе безгласнымъ, чѣмъ рыба, и кромѣ печестія ничего невѣдущимъ*» (2), тотчасъ, по вступленіи на престолъ, созвалъ новый соборъ, на который пригласилъ между прочимъ и многихъ игуменовъ и настоятелей монастырей, въ томъ числѣ преп.

(1) Vita s. Nicaph. Migne t. C. p. 128. Ἰσοῦν ἀπορον μὴ γένηται μηδὲ ἀμαρτία ἀναδράμη εἰς τὸ κράτος ὑμῶν... ἀκούτες καὶ μὴ βουλόμενοι καὶ διακόμενοι ὑπὸ τῶν ἐπηρεαζόντων, ἀνάγκη πᾶσα μεταστῆναι ἡμᾶς τοῦ θρόνου ἡμῶν.

(2) Sym. Magist. p. 609: Ἄλογον ἄνδρα καὶ ἰχθύων ἀφρονότερον. Georg. Monach. Ἄλογον ἄνδρα μᾶλλον δὲ ἀνδράποδον καὶ ἰχθύων ἀφρονέστερον καὶ μὴ δὲν πλέον τῆς ἀσεβείας ἐπιστάμενον.

Феодора Студита. Аввы, конечно, не явились, за исключениемъ немногихъ. Св. Феодоръ написалъ собору посланіе, въ которомъ увѣрялъ, что онъ и остальные игумены не могутъ присутствовать на соборѣ, на которомъ не предсѣдательствуетъ патріархъ (другаго патріарха, кромѣ св. Никифора, для нихъ, разумѣется, не существовало). Тогда соборъ подтвердилъ опредѣленія иконоборческаго собора 754 года; а препод. Феодоръ, глава православнаго народа, за свой протестъ былъ отправленъ въ ссылку. Неустоимый и ревностный поборникъ православія не переставалъ, однако, и въ ссылкѣ громить иконоборцевъ, не щадя самого царя, своими сношеніями, посланіями и сочиненіями (1).

Такъ послѣдовала вторая попытка низверженія иконъ. Чѣмъ она была вызвана, мы видѣли. Не научные и религіозные интересы вызвали иконоборство опять на сцену, а интересы чисто политическіе. Иконоборцы, преимущественно солдаты, возмущены были политическимъ угнетеніемъ отечества и господствомъ клерикальной партіи, не радѣвшей, по ихъ понятіямъ, объ интересахъ государства. Они подняли свое знамя, возстали, свергли противную имъ партію и забрали власть въ свои руки. Правда, они выдвигали изъ себя людей, которые нападали на иконопочитаніе

(1) Въ своихъ письмахъ св. Феодоръ нападалъ между прочимъ на систему образованія, которую Левъ старался ввести. Св. Феодоръ жалуется на то, что пѣсни, называемыя преданьями, въ которыхъ чтонибудь говорится объ иконахъ, замѣняются пѣснями нечестивыми, что дѣти обучаются въ школахъ по какимъ-то новымъ книгамъ и поэтому воспитываются въ нечестіи, и что вообще въ образованіи какая-то безбожная перемѣна во всемъ. Не означаетъ ли это только того, что новые иконоборцы на мѣсто старой образованности, отжившей иконоборцами вѣремъ Льва Исаврянина, вводили новую систему образованія на болѣе свѣтскій ладъ?

въ силу религіозныхъ принциповъ и стремились доказать, что въ иконоборствѣ-то и заключается истинное христіанство (многіе даже были убѣждены въ этомъ). Но это обстоятельство не говоритъ нисколько противъ существованія иконоборства, какъ политической партіи. Дѣло въ томъ, что эти же самые люди, убѣжденные въ религіозной истинности иконоборства, также желали господствовать въ имперіи, какъ и самые иконопочитатели. Притомъ лица, ставшія во главѣ той или другой партіи, развѣ не могутъ пользоваться извѣстнымъ религіознымъ убѣжденіемъ для достиженія не религіозныхъ цѣлей? Черѣдко случается, что такіе люди невольно бываютъ принуждены поступать согласно съ желаніями и убѣжденіями своей партіи; потому что поступать иначе значило бы поступать незаконно съ точки зрѣнія выдвинувшей ихъ партіи. Такъ, или почти такъ, случилось и со Львомъ Армяниномъ. Хотя этотъ государь, какъ выше было замѣчено, сочувствовалъ иконоборству, однако онъ вовсе не расположенъ былъ къ насильственному истребленію иконъ. Онъ колебался два года и, не прибѣгая къ насиліямъ, старался достигнуть какой нибудь удовлетворительной для своей партіи сдѣлки путемъ взаимныхъ соглашеній съ патриархомъ и другими иконопочитателями. Но православные, какъ и слѣдовало, не уступали ни въ чемъ, не смотря на то, что иконоборцы настоятельно требовали у императора рѣшительныхъ дѣйствій противъ православныхъ. Такимъ образомъ оставалось ему выбрать одно изъ двухъ: или быть рѣшительно на сторонѣ иконоборцевъ, или принять сторону иконопочитателей. Онъ выбралъ первое, потому что это было ему необходи-

мо по его политическому положенію и болѣе гармонировало съ тѣмъ воспитаніемъ, которое онъ получилъ въ качествѣ воина. И вотъ этотъ неумолимо справедливый по своему личному характеру государь ⁽¹⁾ долженъ былъ необходимо, въ интересахъ своей партіи, употребить насиліе и несправедливость противъ православныхъ защитниковъ иконопочитанія. Но за это скоро пришлось ему лишиться престола и жизни. Въ 820 году, на канунъ Рождества, онъ былъ убитъ въ храмѣ ⁽²⁾.

Преемникомъ Льва Армянина былъ провозглашенъ амморейскій полководецъ Михаилъ, извѣстный подъ именемъ Косноязычнаго (τρωνός), который нѣкогда былъ другомъ и товарищемъ императора Льва, а теперь, заключенный въ оковы, какъ измѣнникъ, содержался въ тюрьмѣ и былъ приговоренъ даже къ смерти. Сначала Михаилъ показалъ себя благосклоннымъ къ ревнителямъ православія: онъ дозволилъ находившимся въ ссылкѣ православнымъ епископамъ и инокамъ возвратиться на свои должности ⁽³⁾. Но, спу-

(1) Вѣрно и мягко характеризуетъ его, какъ правителя, Генезій (р. 17), въ слѣдующихъ словахъ: Κάν θεσπεζής, ἀλλά τῶν ἀρεσίων πραγμάτων ἦν ἀναηλεπτικώτατος, ὡς μηδεν τῶν ἀνησιφόρων παραλιμπάνειν ἀπρόσπτον, ὡς καί μετὰ τήν αὐτοῦ τελευτήν Νικήφορον τὸν πατριάρχην τοιαύτα ἐρεῖν, ὡς ἄρα ἡ πολιτεία Ῥωμίων κἄν θύλαξ ἢ ἀλλ' οὐκ ἔμεγαν προμηθευτὴν ἀπολώλεκεν. Πρὸς τοῦτοις καί τοις ἀδικούσι δικαίως ἐπαχθής ἦν, что, впрочемъ, по увѣренію автописцевъ, не помѣшало природѣ ужаснуться отъ его злодѣяній, потому что, по свидѣтельству того же Генезія (р. 28), σεισμοὶ φρικωδέστατοι λαοῖσι τε καὶ ἀρχαῖσι καὶ ἐκφλογώσις αἴρος, πρὸς τοῦτοις καὶ ἐμφύλιαι στάσεις κατὰ πόλιν καὶ χώραν πάσαν, ἀρχήθεν τῆς θεομητοῦς βασιλείας αὐτοῦ (въ теченіе котораго, однакожь, враги имперіи — болгары и агаряне были разбиты) μέχρι πολλῶν χρόνων διήρκεσαν, καὶ αὐτῶν τῶν στοιγίων δυσάνασχετόντων οἶον τοῦτοις τοῖς κακοεργήματιν. Но, какъ въ злодѣяній, автописцы не показываютъ.

(2) Theoph. Contin. l. 1. p. 39.

(3) Одинъ патриархъ Никѳоръ не былъ возвращенъ на свою ка-

сти немного времени, государь формально объявилъ, что вовсе не намѣренъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла и что онъ безразлично относится къ тому, будетъ ли кто почитать св. иконы, или нѣтъ ⁽¹⁾. Поступая такимъ образомъ, новый императоръ имѣлъ въ виду угодить, повидимому, какъ той, такъ и другой партіи, и, кажется, предлагалъ обѣимъ сторонамъ нѣчто среднее между иконопочитаніемъ и иконоборствомъ, именно, чтобы св. иконы ставились въ церквахъ высоко, но чтобы не кланялись имъ, не зажигали предъ ними

свѣды, хотя ему дозволено было возвратиться изъ ссылки. Это потому, что императоръ предлагалъ ему условія, въ которыя онъ не могъ согласиться. Именно, когда св. Никифоръ писалъ императору о возстановленіи иконъ и о своемъ возвращеніи на патриаршій престолъ; императоръ отвѣтилъ: „кто прежде насъ изслѣдовалъ церковныя догматы, тотъ пусть и отвѣчаетъ за то, хорошо ли онъ тогда сдѣлалъ что, или нѣтъ. Мы же, въ какомъ положеніи нашли церковь, въ такомъ рѣшаемся и оставить ее. Принимая это въ соображеніе, мы настаиваемъ, чтобы никто оффиціально не осмѣливался говорить ни за, ни противъ иконъ. Прочъ соборъ, бывший подъ предѣлательствомъ Тарасія; прочъ и прежній соборъ, бывший при Константінѣ (Копровиѣ), и темерешній — при Львѣ! Да царствуетъ глубокое молчаніе въ обществѣ относительно св. иконъ“! На такихъ именно условіяхъ императоръ общалъ Никифору возвращеніе на престолъ. Но эти условія сбывчивы и противорѣчивы. Въ самомъ дѣлѣ, императоръ говоритъ, что «въ какомъ положеніи мы застали церковь, въ такомъ и оставимъ ее»; далѣе говоритъ: «прочъ всѣ соборы, которые были и за и противъ иконъ». Какое же положеніе разумѣетъ императоръ, или какой порядокъ вещей? Тотъ, который былъ до Льва Исаврянина? Но въ такомъ случаѣ нужно торжественно возстановить иконы. Тотъ, который былъ при Львѣ Ариявинѣ? Въ такомъ случаѣ постановленіе иконоборческихъ соборовъ опять должно имѣть силу. Какъ же послѣ того возможно, чтобы хранилось глубокое молчаніе относительно иконъ и чтобы никто не смѣлъ говорить ни за, ни противъ нихъ? Очевидно, что такой отвѣтъ не могъ удовлетворить патриарха, и потому онъ остался вдали отъ своей кathedры.

(1) Ἄλλ' οὐτε καινοεργήσαν τῶν περὶ πίστεως τε δογμάτων ἐξεληλυθα, οὐτε μὴ τῶν ἤδη παραδεδότων καὶ ἀνομολογηθέντων καταδρομῆν τινα ἐργάσασθαι καὶ καθίρασιν. Ἐκλατος οὖν τὸ δοκοῦν αὐτῷ ποιεῖτω καὶ ἐφετὸν ἀπαθῆς κόνων καὶ ἀγευστος λόγος διατελῶν, — то есть: „я вступилъ на пре-

свѣчь, не воскуряли емиама (1), — чтобы, такимъ образомъ, одинаково были отвергнуты какъ иконоборческой соборъ 754 года, такъ и вселенскій соборъ 787 года. Но попытка эта не удалась. Тогда, по волѣ императора, созванъ былъ силентій (чрезвычайный совѣтъ), на обсужденіе котораго дано вышеприведенное предложеніе. Оно требовало того, чтобы каждый могъ въ своемъ домѣ, въ своей церкви, въ своей обители, поступать относительно иконъ такъ, какъ кому угодно, не подавая только повода къ нарушенію общественнаго спокойствія. Но это предложеніе не понравилось ни одной изъ двухъ партій: иконоборцы желали безусловнаго сверженія иконъ, а иконопочитатели — торжественнаго ихъ возстановленія. Такимъ образомъ обѣ партіи остались недовольными. Императоръ, старавшійся на первыхъ порахъ заявить себя непротивникомъ ни той, ни другой партіи, принужденъ былъ въ концѣ концовъ принять сторону какой нибудь изъ нихъ. А такъ какъ въ душѣ онъ былъ умѣреннымъ иконоборцемъ и не сочувствовалъ православнымъ, не смотря на то, что имъ былъ обязанъ возведеніемъ на царскій престолъ; то онъ открыто перешелъ на сторону партіи иконоборцевъ. Не преслѣдуя иконопочитанія въ собственномъ смыслѣ, онъ не давалъ однакожъ православнымъ административныхъ должностей

столь не для того, чтобы вводить новые догматы вѣры, но и не для того также, чтобы дѣлать измѣненіе уже въ преданныхъ и исповѣдуемыхъ (догматахъ). Итакъ пусть каждый поступаетъ въ этомъ отношеніи, какъ ему угодно, безъ опасенія какихъ бы то ни было непріятностей или лишеній (Theoph. Cont. p. 47—48)... Το γάρ τιμίον τὰς εἰκόνας καὶ μὴ τιμίον ἀβασίλευσιν κατὰ τὸ αὐτό (Syn. Mag. p. 620); потому что вполне безразлично — почитать, или не почитать иконы".

(1) Такъ можно судить по сохранившемуся до насъ посланію его къ французскому королю Людовику.

и преслѣдовалъ тѣхъ изъ нихъ, кто отличался особенною ревностію къ православнои церкви. Такъ, напримеръ, онъ снова отъправилъ въ ссылку преп. Феодора Студита, послѣ недавняго возвращенія его изъ ссылки; сослалъ инока Меѳодія (впослѣдствіи константинопольскаго патріарха) и другихъ, подъ предлогомъ виновности ихъ въ нарушеніи порядка (1).

Иконоборческій патріархъ Θεодотъ Касситера скончался (въ 821 году); тогда, слѣдуя вышеизложенному своему заявленію, императоръ долженъ былъ возвратить удаленнаго отъ своей кathedры законнаго патріарха Никифора; но онъ не сдѣлалъ этого, предпочитая видѣть на константинопольской кathedрѣ несаго иконоборца, извѣстнаго уже намъ Антонія силейскаго (2). Понятно, каковы должны были быть отношенія клерикаловъ къ государю, который, будучи ими возведенъ на царство, съ первыхъ же поръ началъ съ ними двоедушничать и предлагать разныя сдѣлки и компромиссы между ними и ихъ противниками, а наконецъ и совершенно измѣнилъ имъ и перешелъ на противоположную сторону. Объ немъ стали говорить, что онъ никогда и не былъ христіаниномъ, что онъ держался какой-то жидовской ереси, представлявшей собою искаженіе какъ ветхаго, такъ и новаго заветъа (на основаніи чего и говорятъ, будтобы онъ преслѣдовалъ христіанъ и покровительствовалъ жидамъ), что онъ былъ отчаяннымъ вольнодумцемъ, что его вольнодумство простиралось до того, что онъ позволялъ себѣ ѣдкия остроты и насмѣшки надъ пророками, не вѣрялъ въ дѣйствительность воскресенія

(1) Theoph. Cont. p. 48.

(2) Sym. Magistr. p. 621.

мертвыхъ, нападалъ на образъ празднованія пасхи, считалъ Іуду спасеннымъ человѣкомъ, почиталъ прелюбодѣяніе (*τὴν πορνείαν*), утверждалъ, что нужно клясться именемъ единого Бога (иначе, отвергалъ св. Троицу), отвергалъ существованіе діавола, презиралъ церковную образованность и начитанность и почиталъ образованность эллинскую, хотя самъ, будтобы, былъ до того невѣжда, что другой успѣлъ бы цѣлую книгу прочесть, пока онъ разберетъ буквы своего имени ⁽¹⁾. Вѣрно только то, что онъ не былъ иконопочитателемъ. Но если Михаилъ Косноязычный принялъ сторону иконоборцевъ, то онъ первый за то положилъ основаніе и тому, что иконоборство въ собственномъ смыслѣ перестало быть знаменемъ политическимъ. Безразлично относясь какъ къ иконопочитанію, такъ и къ иконоборству, онъ тѣмъ самымъ далъ имъ возможность совмѣстнаго существованія въ качествѣ двухъ религіозныхъ направленій, а не двухъ политическихъ знаменъ, исключających другъ друга. Кромѣ того, едва ли онъ не первый изъ иконоборствующихъ государей озаботился объ открытіи училищъ и о распространеніи образованности, особенно эллинской ⁽²⁾. Въ силу этого религіозный вопросъ о почитаніи или непочитаніи иконъ со временемъ пересталъ быть знаменемъ политики и сталъ вопросомъ школы: о немъ разсуждать стали не изъ видовъ политическихъ, какъ прежде, а изъ видовъ научныхъ и съ научной точки зрѣнія. Конечно, такая перемѣна въ отношеніи къ вопросу о почитаніи или непочитаніи иконъ произошла не вдругъ, но тѣмъ не менѣе начало было уже положе-

⁽¹⁾ Theop. Cont. p. 42, 49; Georg. Cedr. t. II, p. 73—74.

⁽²⁾ Ibid. Theoph. Cont. p. 49.

но; все дѣло клонилось къ тому, чтобы политическое значеніе иконоборства и иконопочитанія исчезло.

Сынъ и преемникъ Михаила II, Теофилъ (въ 829 году) въ послѣдній разъ принялъ строгія мѣры къ сверженію иконъ. Къ этому онъ былъ побужденъ своимъ наставникомъ, Іоанномъ Грамматикомъ или Аниемъ-вохвомъ, какъ прозвали его лѣтописцы-клерикалы. — который въ 833 году сдѣлавъ былъ константинопольскимъ патріархомъ. Около этого времени иконоборствующіе епископы составили соборъ и предали иконопочитателей анаѳемѣ. Императоръ же издалъ указъ, по которому живущіе въ городскихъ монастыряхъ иноки подвергались изгнанію, а живущимъ въ пустыняхъ и въ ближайшихъ къ столицѣ монастыряхъ запрещался подъ строгимъ наказаніемъ входъ въ города и села (1). Въ то время многіе пострадали, многіе подверглись ссылкѣ и заключенію въ темницы. Но все это не помогло иконоборству, постепенно падавшему даже въ глазахъ собственныхъ его приверженцевъ. Иконопочитаніе соблюдалось въ собственномъ домѣ Теофила, въ средѣ его семейства. Образованный классъ византійскаго общества сталъ сочувственно относиться не къ иноборству, а къ иконопочитанію по опредѣленію VII вселенскаго собора. Эллинская образованность, которой сочувствовалъ Михаилъ и которая какъ будто особенно пробудилась къ этому времени, была насколько губительна для иконоборства, стремившагося между прочимъ къ уничтоженію изящныхъ искусствъ, настолько спасительна для иконопочитанія, способствовавшая ихъ развитію. Конечно, иконоборство еще не умерло; оно имѣло еще много

(1) Theoph. Cont. p. 100.

приверженцевъ даже въ средѣ высшаго клира: но при всемъ томъ оно потеряло уже столько силы, что не могло болѣе имѣть того политическаго значенія, какое имѣло прежде. Самъ Теофилъ чувствовалъ это и даже предвидѣлъ очень скорое и совершенное паденіе этого знамени, почему предъ своею смертію и просилъ убѣдительно логовета Теоктиста (будущаго опекуна своего сына) не соглашаться ни на возстановленіе иконъ, ни на изгнаніе патріарха Іоанна (1).

Таково было положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ, когда скончался послѣдній гонитель иконопочитанія (въ 842 году). Управление государствомъ перешло въ руки супруги умершаго императора — Теодоры. Опекунами его малолѣтняго сына, Михайла III, назначены были: Мануилъ магистръ, логоветъ Теоктистъ и братъ царицы Варда (2).

Первою заботою государыни было возстановленіе иконъ. Еще при жизни Теофила она тайно хранила ихъ у себя. Но она очень любила своего покойнаго мужа и возстановленіемъ иконопочитанія опасалась, какъ казалось ей, оскорбить его память, а потому колебалась приступить къ этому святому дѣлу. Двое изъ опекуновъ малолѣтняго сына Теофила были въ пользу возстановленія иконопочитанія, но одинъ, именно Мануилъ магистръ, противъ. Впрочемъ и Мануилъ скоро перемѣнилъ свой образъ мыслей. Онъ сдѣлался опасно боленъ; тогда нѣкоторые студійскіе иноки подали ему надежду, что онъ выздоровѣетъ, если дастъ обѣщаніе возстановить иконы (3). Обѣщаніе было дано,

(1) *Genesis* L. III. p. 75.

(2) *Theoph. Cont.* L. IV. p. 148.

(3) *Genea.* L. III. p. 79.

и онъ, дѣйствительно, получилъ исцѣленіе (1). Вѣрный своему слову, Мануилъ усердно приступилъ послѣ того къ дѣлу возстановленія иконъ и обратился къ Θεодорѣ для испрошенія на то ея согласія. При всемъ своемъ благочестіи, императрица сначала не соглашалась изъ уваженія къ памяти мужа и говорила: «покойный мой мужъ и царь былъ столько уменъ, что зналъ что слѣдовало дѣлать; какъ же можно отмѣнять его распоряженія»? (2). Мануилъ, будтобы, прибѣгъ къ угрозамъ, давая знать, что если она не согласится на возстановленіе иконъ, то это сдѣлается и безъ нея (3). Наконецъ, послѣ разныхъ собесѣдованій съ православными епископами относительно загробной участи души любимаго ею супруга (4), св. Θεодора приступила къ дѣлу. Иконоборческій патріархъ Іоаннъ Грамматикъ былъ низложенъ и сосланъ въ монастырь; на его мѣсто возведенъ былъ инокъ Меѳодій исповѣдникъ (5). Тогда послѣдовало торжественное возстановленіе св. иконъ, — *торжество православія*.

Такъ кончились иконоборческія смуты, продолжавшіяся болѣе столѣтій. Иконоборцы болѣе не смѣли уже показываться. Съ своей стороны новый патріархъ низложилъ всѣхъ упорныхъ въ иконоборствѣ епископовъ, замѣнивъ ихъ лицами, православіе которыхъ было извѣстно (6). Нельзя, конечно, сочувствовать такъ

(1) Ibidem. l. IV. p. 79.

(2) Ibid. l. IV. p. 80: 'Ο ἐμὸς ἀνὴρ γε καὶ βασιλεὺς μακαρίτης σοφίας ἀρχόντως ἐξείχето καὶ οὐδὲν τῶν θεόντων αὐτῷ ἐλαλήθη, καὶ πῶς τῶν ἐκείνου διαταγμάτων ἀντηρόνησαντες εἰς ἑτέραν διαγωγὴν ἐκτραπέψμεν;

(3) Genes. p. 80—81.

(4) Theoph. Cont. lib. IV, p. 152—154.

(5) Ibid. p. 151.

(6) Nicetas, vita Ignatii. Harduin. t. V. p. 952.

называемому иконоборческому движению тамъ, гдѣ оно касалось внутреннихъ убѣжденій народа и стремилось къ насильственному испроверженію того, что вѣками было утверждено въ церкви; другими словами, нельзя сочувствовать церковной сторонѣ этого движенія. Но нельзя не сочувствовать тѣмъ реформамъ, которыя иконоборцы вводили въ область общественно-государственную, и нельзя не пожалѣть объ ихъ неудачѣ. Впрочемъ хорошая сторона иконоборческаго направленія не совсѣмъ осталась безслѣдною. Особенно это можно сказать по отношенію ко второму періоду иконоборства, когда народное образованіе, освободившись отъ той односторонности, которою оно страдало со времени Юстиніана I, приняло характеръ болѣе практической. Подъ вліяніемъ этой новой системы образованія воспитался, надо полагать, и патріархъ Фотій.

Православіе восторжествовало! Но что же за тѣмъ? За тѣмъ послѣдовало тоже самое, что было при первой возстановительницѣ иконъ, св. Иринѣ. Мы уже видѣли, что тогда въ средѣ самихъ православныхъ оказалось два противоположныхъ политическихъ направленія: одно — строго-консервативное или клерикальное, другое — прогрессивное или свѣтское. Тоже самое видимъ и теперь. Противоположность этихъ направленій высказалась прежде всего въ отношеніи къ иконоборству уже побѣжденному. Лучшие люди того времени не могли не понимать, что возстановленіе иконъ, это блистательное, повидимому, торжество православія надъ иконоборствомъ, было въ существѣ

дѣла не столько торжествомъ церкви надъ ересью, или истины надъ заблужденіемъ, сколько торжествомъ одной политической партіи надъ другою. Для торжества истины нужны были мѣры нѣсколько иного свойства. Иконоборство, какъ заблужденіе, вызвано было господствомъ суевѣрія въ народѣ и умноженіемъ злоупотребленій касательно иконъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ клира. Еще при Михаилѣ II, то есть, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ послѣ VII вселенскаго собора, бывали случаи, что суевѣры соскабливали краски съ иконъ и принимали ихъ къ евхаристическимъ элементамъ—для большей будто бы святости таинства евхаристіи, брали иконы въ воспріемники при крещеніи дѣтей, или при постриженіи въ монашество, служили на иконахъ вмѣсто престола и антиминсовъ и т. под. (Epistol. Michael. ad Ludovic.). Даже въ средѣ духовенства образованіе было до того скудно, что VII вселенскій соборъ вынужденъ былъ постановить *«всякому, имѣющему возведену быти на епископскую степень, непременно знати Псалтирь, да тако и весь свой клиръ вразумляетъ поучатися изъ оныя; такожде—тщательно испытывати его митрополиту, имѣть ли усердіе съ размышленіемъ (ἐρευνητικῶς, то есть, со смысломъ), а не мимоходомъ (παροδευτικῶς), читати священныя правила, святое Евангеліе, книгу божественнаго Апостола и все божественное писаніе;... аще же колеблется,... да не рукополагается»* (прав. 2). Слѣдовательно для устраненія иконоборческихъ заблужденій нужно было устранить напередъ причину, вызвавшую ихъ,—нужно было искоренить суевѣріе, ограничить злоупотребленія; а этого возможно было достигнуть не иначе, какъ чрезъ уста-

повление истинныхъ строго-православныхъ понятій о значеніи иконъ съ одной стороны, а съ другой—чрезъ возвышеніе въ духовенствѣ и народѣ уровня просвѣщенія. Первое условіе было выполнено VII вселенскимъ соборомъ, но послѣднее для своего выполненія требовало совокупныхъ усилій всего общества и духовенства. Заботы императоровъ Михаила II и Θεοφла по отношенію къ вопросу о просвѣщеніи коснулись только высшаго класса византійскаго общества.

Еще въ 8-мъ вѣкѣ одинъ изъ знаменитѣйшихъ защитниковъ иконопочитанія, въ отвѣтъ на возраженіе, что народъ обоготворяетъ иконы, сказалъ: *Ὁφείλεις διδάξει τὸν ἀγράμματον λαόν*, и, конечно, былъ какъ нельзя болѣе правъ въ этомъ отношеніи (1). Къ сожалѣнію, въ разбираемое нами время эта истина была признана далеко не всеми; только лучшіе люди, какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ, стали заботиться о проведеніи ея въ жизнь. Въ царствованіе Михаила III и Θεοδору открыто было множество школъ для преподаванія разныхъ наукъ, по преимуществу свѣтскихъ, какъ то: математики, геометріи, астрономіи, грамматики, философій; въ эти школы принимались молодые люди всѣхъ сословій; ученые преподаватели, равно какъ и лучшіе изъ учениковъ, пользовались вниманіемъ и уваженіемъ: но все это было дѣломъ, главнымъ образомъ, одного изъ опекуновъ императора Михаила III, именно Варды, брата императрицы Θεοδору, когда онъ взялъ правительственную власть въ свои руки (2). Разумѣется, духовенство и свѣтское

(1) Т. е., надобно учить безграмотный народъ. Ap. s. Damasc. op. Le Quien. I. p. 621.

(2) *Genesii Regum* I. IV p. 98. Theoph. Cont. p. 184—185. Кедричъ, повторяя слова Іоанна Склитзы, говоритъ: *Ἐπιμελήθη δὲ κτ:*

общество также выдѣляли изъ себя нѣсколько лицъ, одушевленныхъ не менѣе Варды этимъ благороднымъ стремленіемъ. Между духовными лицами особенно выдавался въ этомъ отношеніи Григорій, архіепископъ сиракузскій; а во главѣ свѣтскихъ лицъ стоялъ знаменитый Фотій, справедливо признанный отцомъ этой оживленной въ IX столѣтіи образованности (1). Понятно, что люди такого направленія и такихъ воззрѣній не могли относиться враждебно къ тѣмъ изъ иконоборцевъ, которые въ этомъ дѣлѣ могли быть полезны государству, и цѣнили, даже уважали ихъ и поручали имъ общественныя должности. Напримеръ, Левъ Философъ, бывший солунскій архіепископъ, послѣ низложенія съ кафедры за иконоборство, былъ назначенъ Вардою за свою ученость смотрителемъ философскаго училища въ Магнаврѣ (2), не смотря на то, что Варда былъ, какъ мы видѣли, поборникомъ возстановленія св. иконъ. Таково было направленіе, приня-

της ἐξω σοφίας, т. е. Варда (ὅν γὰρ ἐκ πολλῶν χρόνων παραβόεισα καὶ πρὸς τὸ μῦθον ὅπως χωρήσει τῇ τῶν κρατούντων ἀγορεύσει καὶ ἀπαθεία), διατριβὰς ἐκίστη τῶν ἐπιστημῶν ἀφορίζας... καὶ ὄντως ἐξ ἐκείνου ἀνεβίβασαν αἱ ἐπιστήμαι ἤρξαντο (Cedren. t. II, p. 165—166). Варда сверхъ того заботился и объ улучшеніи судопроизводства (Ibid. p. 171). Но все эти заслуга великаго государственнаго мужа, по увѣренію лѣтописцевъ, не могли очистить его отъ позорнѣйшихъ нравственныхъ преступленій, которыя, впрочемъ, приписывала ему только людская молва.

(1) Mit vorzüglicher Auszeichnung muss hier Photius der berühmte Patriarch von Constantinopel als grosser Vielwisser seiner Zeit und als Vater der neuerwachten Gelehrsamkeit genannt werden (Necker, Geschichte der Neunkunde, Bd. 2, p. 233).

(2) Theoph. chron. p. 192. Слишкомъ неразборчивый въ своихъ извѣстіяхъ Симеонъ магистръ говоритъ, будтобы Левъ Философъ былъ рукоположенъ въ ессалоникійскіе архіепископы св. Меодіемъ (p. 640). Не правда. Онъ рукоположенъ былъ дядею своимъ, патриархомъ Іоанномъ Грамматикомъ, а св. Меодіемъ онъ былъ не рукоположенъ, а низложенъ за иконоборство (Theoph. Cont. p. 191—192).

тое въ правительственной системѣ однимъ изъ опекуновъ молодаго императора, Вардою; этому направленію сдѣдовала и значительная часть византійскаго общества: но большинство, на сторонѣ котораго была сама императрица Феодора, держалось другихъ понятій.

Въ противоположность упомянутому направленію, между православными же, господствовало другое направленіе, по которому церковные обычаи, обряды и т. п. имѣли одинаковую цѣну съ важнѣйшими пунктами христіанскаго вѣроученія, а просвѣщеніе и наука считались не только излишними, но даже вредными. Свѣтская образованность и ученость для людей этого другаго направленія, или по крайней мѣрѣ для огромнаго большинства ихъ, казалась дажеименною философіею, порожденіемъ діавола, волшебствомъ, нечестіемъ. Ханжество и святошество были (1) самымъ обычнымъ явленіемъ въ этой средѣ, въ которой ученѣйшихъ людей того времени обыкновенно обвиняли въ волшебствѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ постоянномъ сообществѣ съ нечистыми силами (2). Къ сожа-

(1) Само собою разумѣется, что рѣчь идетъ о большинствѣ, а не объ отдѣльныхъ лицахъ, которыя, принадлежа къ тому же направленію, могли быть истинно и безукоризненно благочестивыми. Въ равныя времена, дѣйствительно, изъ этой среды выдвигались личности, стоявшія, безъ сомнѣнія, на недостигаемой высотѣ истинной святости и безупречнаго благочестія. Безукоризненность и неподдѣльность къ поступкамъ и дѣятельности св. аввы Платона, Феодора Студита и Игнатія всеми, по справедливости, признаны; но и эти великіе мужи, стоя во главѣ своей партіи, которой она были наилучшимъ украшеніемъ, волей-неволей должны были бороться съ людьми свѣтскаго антихристіанскаго направленія, даже тогда, когда тѣ были также православны, какъ и они сами.

(2) Такъ Іоанна Грамматика, извѣстнаго своею ученостью, называлъ Анніемъ-волхвомъ, Симономъ-волхвомъ, λεχαομαγισ, т. е. гадальщикою, такъ какъ онъ будтобы гадалъ посредствомъ воды, налитой

дѣнію, надобно сознаться, что къ этому направленію примыкало тогда большинство монашества и духовенства. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно указать на слѣдующій фактъ. Мы уже упоминали о расколѣ между св. Тарасіемъ и св. Никифоромъ съ одной стороны и между студійскими иноками съ другой. Этотъ расколъ возобновился и теперь между св. Меѳодіемъ Исповѣдникомъ и студійскими иноками, и вотъ по какой причинѣ: хотя св. Меѳодій въ отношеніи къ иконоборческимъ епископамъ вообще велъ себя гораздо строже, чѣмъ его предшественники св. Тарасій и Никифоръ, тѣмъ не менѣе были примѣры, что онъ оказывалъ снисхожденіе раскаявавшимся изъ нихъ (1). Студійскіе иноки возстали противъ этого, укоряя патріарха за умѣренность и снисхожденіе. Этого мало, они возобновили свои вопли и противъ Тарасія и Никифора, — опять подняли противъ нихъ извѣстную исторію пресвитера Іосифа — съ цѣлію унижить ихъ святую память. Напрасно Меѳодій представлялъ имъ, что самъ учитель ихъ, св. Феодоръ Студитъ, къ концу своей жизни воссоединился съ св. Никифоромъ (2); напрасно замѣчалъ, что они не должны вмѣшиваться въ дѣла, ихъ не касающіяся (3); напрасно наконецъ угрожалъ отлученіемъ отъ церкви: они не слушали. Тогда св. Меѳодій вынужденъ былъ строго запретить

въ тазъ, — Иллезалом, еже есть, по ихъ объясненію съ еврейскаго, предтеча и сотрудникъ сатаны (Syn. Magistr. p. 606). Ученость Фотія отличалась также содѣяніемъ сатаны (ibid. p. 670). Понятны отношенія подобныхъ людей вообще къ еретикамъ и въ частности къ иконоборцамъ.

(1) Vita S. Johannis, см. Migne Patrolog. Graec. t. C. col. 1297.

(2) См. выписку изъ Далматія въ примѣчаніяхъ на хронику *Θεοφάνη*, p. 559.

(3) Ibid. Ἐὼς μοναχὸς εἶ, καὶ οὐκ ἔστι σοὶ τὰ τῶν ἱερέων, ἀλλ' ὑποκαταστάς σε καὶ οὐχ ὑποτάσσον, οὐδὲ ἐξιστάσειν αὐτοῦς.

общеніе съ студійскими иновцами, и такимъ образомъ расколъ опять возникъ. Правда, по настоянію правительства, св. Меодій скоро снялъ это запрещеніе; но, разумѣется, внѣшнее единеніе не могло замѣнить внутренняго, и понятія обѣихъ сторонъ не измѣнились. Этотъ-то релігіозный ригоризмъ, это крайне суровое отношеніе къ еретикамъ вообще и въ частности къ иконоборцамъ, и руководили правительствомъ Θεодоры, когда Варда и группировавшаяся около него партія еще не успѣли заявить себя вполне. Въмѣсто того, чтобы озаботиться уничтоженіемъ ненавистной ереси посредствомъ просвѣщенія или, по крайней мѣрѣ, путемъ вразумленія и наставленій, *благочестивое* правительство Θεодоры начало преслѣдованія. Между прочимъ жертвою его фанатизма (1) погибло тогда самымъ несчастнымъ образомъ до ста тысячъ малоазійскихъ павлиніанъ, которыхъ оно хотѣло силою обратить въ православіе.

Итакъ два діаметрально противоположныхъ направленія опять сталкиваются между собою, и притомъ сталкиваются не въ какомъ-либо уголкѣ, не въ какой-нибудь чуждой политическихъ интересовъ средѣ, а около самаго престола царскаго. Каждое изъ этихъ

(1) Theoph. chron. p. 165. Καὶ τότε κατὰ Ἀνατολὴν Παυλιανούς ἐπὶ αὐτοῦ μετατρέψαι ὡς βούλοιντο πρὸς ἐπισκοπῆν (т. е. Θεοδώρα) ἢ ἐξαιρεῖν, καὶ ἀπὸ ἀνθρώπων ποιεῖν... ἢ μὲν γὰρ πέριψασι τινὸς ἐκ ἐξουσίας... τοὺς μὲν βούλησιν ἀνέχεσθαι, τοὺς δὲ ἐξουσίας παραβίβουσι, τοὺς δὲ τῶν τῆς θαλάσσης βούλησιν ὡς: δεκά μυριάδας αὐτοὺς ἀπολλύμενος κρημαίνετο λαός, καὶ ἡ ὀργὴ αὐτῶν τῶ βασιλικῶν ταμίῳ ἤγαστο καὶ εἰσεκομίζετο, то есть, «желая обратить восточныхъ павлиніанъ къ православію, или, въ противномъ случаѣ, истребить ихъ, Θεодора отравила къ нимъ чиновниковъ, которые однихъ вѣшали, другихъ убивали мечемъ, иныхъ топили въ морѣ. Число погибшихъ такимъ образомъ простиралось до ста тысячъ; а ихъ имущество поступило въ казну».

направлений въ лицѣ своихъ сторонниковъ стремится къ господству, стараясь приобрести общеобязательное значеніе. Сторонниками того и другаго направленія были не какіе-нибудь литературные кружки, простирающіе свою дѣятельность не далѣе литературныхъ преній, или ограничивающіеся дидактическою пропагандою своихъ теорій и воззрѣній; это были, какъ и всегда въ Византіи, въ полномъ смыслѣ политическія партіи, изъ которыхъ каждая старалась поглотить въ себя другую, или, по крайней мѣрѣ, дать своему направленію характеръ общеобязательной правительственной системы. Такъ какъ Варда, представитель одной партіи, вполнѣ подчинилъ своему вліянію племянника своего, императора Михаила, и такъ какъ, съ другой стороны, Θεодора подчинялась вліянію другой партіи; то столкновенія между сыномъ и матерью должны были появиться неизбежно. Такъ точно было и при Иринѣ. Столкновенія, дѣйствительно, и возникли...

Приближаясь къ главному предмету своего труда, мы просимъ читателя въ общихъ чертахъ припомнить теперь все, доселѣ нами сказанное. Надѣемся, ясно, что съ самаго ранняго времени существованія византійской имперіи до разбираемой нами поры шла въ ней непрерывная борьба двухъ партій—одной, которую можно назвать относительно либеральною, и другой — сравнительно консервативною. Проводниками направленія этихъ партій сначала служили партіи цирка,—для первой—зеленая, а для второй—голубая; политическими же знаменами были для первой кака-нибудь ересь (особенно монофизитство и моноелитство), или, по крайней мѣрѣ, терпимость ереси, для

другой — православіе. Съ появленіемъ иконоборства циркъ потерялъ свое государственное значеніе; но противоположныя политическія направленія не исчезли, а напротивъ выразились еще болѣе рѣзко въ борьбѣ иконоборцевъ съ иконопочитателями. Съ теченіемъ времени и иконоборство сошло со сцены; политическое же соперничество двухъ противоположныхъ правительственныхъ системъ нисколько не ослабѣло. Обѣ партіи дѣйствуютъ теперь въ качествѣ православныхъ; но такъ какъ въ средѣ самихъ православныхъ всегда господствовало два направленія, изъ которыхъ одно обращало большее вниманіе на духъ православія, а другое—на букву и обрядъ, то враждебныя политическія партіи, естественно, примкнули къ ѣтимъ двумъ направленіямъ, либеральная—къ первому, а консервативная ко второму.

Борьба такъ называемыхъ игнатіянъ съ фотіанами есть не болѣе, какъ продолженіе этой вѣковой борьбы двухъ политическихъ партій съ двумя противоположными направленіями. Если съ этой, единственно по нашему мнѣнію вѣрной, точки зрѣнія мы рассмотримъ исторію Фотія; то нѣтъ сомнѣнія, что онъ представится совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ какъ представляли его доселѣ западные писатели. Излагать подробно эту исторію мы не будемъ. Наша задача разобрать не самую исторію Фотія, а источники этой исторіи, или точнѣе, одну часть этихъ источниковъ — отзывы современныхъ Фотію писателей, на которыхъ западные ученые такъ сильно опираются. Для выполненія этой задачи надобно указать, кто такіе были эти современники патріарха Фотія, къ какой партіи они принадлежали и каковы слѣдовательно они были по сво-

имъ симпатіямъ и стремленіямъ, а также и по степени своего умственного и нравственного развитія, чтобы такимъ образомъ выяснить тѣ побужденія, по которымъ они должны были относиться къ патріарху Фотію такъ, а не иначе, и сдѣлать правильную оцѣнку ихъ отзывовъ о немъ, то есть, опредѣлить, насколько эти отзывы заслуживаютъ вѣроятія и какое они должны имѣть значеніе въ глазахъ непредубѣжденнаго и безпристрастнаго потомства. Впрочемъ, прежде чѣмъ приступимъ къ этому, мы рассмотримъ обстоятельства низложенія св. Игнатія и возведенія Фотія на патріаршій престолъ, чтобы показать связь этихъ и послѣдовавшихъ событій съ предшествующими.

Гермонахъ Герасимъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 8. С. 545-573.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІИ, ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ, ЕГО СОВРЕМЕННОМЪ—ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІИ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Продолженіе).

V. Партія Феодоры и партія Варды и Михаила III-го, или игнатіане и фотіане.

Итакъ въ разсматриваемое время въ Константинополѣ существовали двѣ партіи: партія Феодоры, матери царя, и партія самого императора, или лучше, дяди его — Варды. Феодора, женщина благочестивая, отличавшаяся многими прекрасными качествами души, однако не чуждая и честолюбія, хотѣла управлять государствомъ, руководясь началами клерикаловъ. Варда, человекъ энергическій, воинственный, воодушевленный любовью къ наукамъ и искусствамъ и вмѣстѣ также честолюбивый, подчинилъ себѣ молодаго императора, домогаясь управленія дѣлами, основаннаго на сознаніи государственныхъ потребностей.

Это раздѣленіе на двѣ партіи простиралось и на самое духовенство, не исключая монастырей. Иноки (особенно студійскіе) стояли, конечно, за Феодору; сторону же императора, или Варды, принимали образованнѣйшіе изъ епископовъ и лица, переходившія

изъ иконоборства въ православіе. Въ числѣ епископовъ, сочувствовавшихъ началамъ Варды, выдавался особенно Григорій Асвестъ, епископъ сиракузскій, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ сыномъ императора Льва Армянина (1) и съ которымъ Фотій находился всегда въ дружескихъ отношеніяхъ (2). Последнія два обстоятельства заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому что они отчасти объясняютъ взаимныя отношенія, опредѣлившіяся впоследствии между этими лицами и св. Игнатіемъ.

Столкновеніе между обѣими партіями возникло немедленно по смерти св. Меѳодія, управлявшаго константинопольскою церковію четыре года (онъ скончался въ 846 году). Дѣло шло о выборѣ новаго патріарха. Каждая сторона представляла своего кандидата (3). Но выборъ императрицы, по совѣту благо-

(1) Такимъ считаетъ его Леммеръ въ своемъ сочиненіи: *Papst Nicolaus der Erste und die Bisantinische Staat-Kirche seiner Zeit*. Berlin. 1857. p. 5. (ein Sohn Leos des Armeniers). Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ цитируетъ Генезія, p. 97. Дѣйствительно, Генезій называетъ Василія и Григорія православными сыновьями Льва, царя восточнаго. Но, дѣйствительно ли этотъ Григорій, братъ Василія, есть то же лицо, что и епископъ сиракузскій — Григорій, этого ясно не видно.

(2) Это видно не только изъ свидѣтельства Никиты Панагонскаго (*Vita Ignatii*, Harduin. Collect. concil. V. p. 961) и другихъ, но и изъ посланія къ нему Фотія и изъ всего хода дѣлъ.

(3) Мы не имеемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, кого представляла кандидатомъ партія противная Теодорѣ. Но можно предполагать, что она имѣла въ виду Василія, или Григорія, т. е., кого-либо изъ сыновей Льва Армянина, отличавшихся благочестіемъ и добродѣтелями. Это мы выводимъ изъ слѣдующаго мѣста у Генезія объ Игнатіѣ (впрочемъ темнаго): *Τὸν μετὰ τὴν τετραετη τοῦ θράβη κατασχυσιν καὶ τελευταίαν τοῦ τριπατριάρχου Μεθοδίου κατ' ἐκλογὴν προκριθέντα, σὺν εὐλαβείᾳ τῆς μεγίστης τῶν ἐκ πατρὸς ὀρθοδόξων συστάσεως, τῶν μεγάλων τῆς ἀρετῆς Βασιλείου καὶ Γρηγορίου, τῶν υἱῶν Λέοντος βασιλέως, καὶ τῆς τοῦ πατρὸς ἐπιφύλαξαι αἰρέσει σμικρονομούμενων, ὡς ἐνταῦθεν λοιπὸν κληροῦσθαι τὸ μέγιστον τῶν μεγάλων ἐπαγαβέβηκεν*—p. 94. То есть: (Варда вместе съ своими приверженцами из-

честиваго инока Іоанникія (1), палъ на игумена сатирскаго монастыря Игнатія, пользовавшагося въ то время огромною извѣстностію сколько по своимъ добродѣтелямъ и строгой иноческой жизни, столько же по трагической судьбѣ своей молодости и по своему высокому происхожденію. Это былъ одинъ изъ двухъ сыновей императора Михаила Куропалата (Рангава), которые, какъ мы видѣли, вслѣдствіе побѣды иконоборческой партіи надъ православною были пострижены въ монашество при Левѣ Армянинѣ. Живя послѣ своего постриженія въ монастырѣ, Игнатій неустанно упражнялся, по свидѣтельству его біографа, въ чтеніи св. писанія и свято-отческихъ твореній (2), а также въ бдѣніи и молитвѣ (3), и всецѣло предался дѣламъ христіанской благотворительности. Особенно послѣ возведенія его въ игумены того же монастыря, въ которомъ онъ былъ инокомъ, къ нему, царственному страдальцу за православіе отъ иконоборцевъ, стекались и группировались около него всѣ, преслѣдовавшіеся иконоборцами, главнымъ образомъ иноки, находя у него пріютъ и утѣшеніе (4). Все это должно было привлечь къ нему уваженіе, сочувствіе и любовь огромнаго большинства, восторжествовавшаго теперь надъ богомерзкою ересью. Этого было вполне достаточно (и изъ церкви) того самаго мужа (Игнатія), который, послѣ четырехлѣтняго управленія престоломъ и кончины трѣблаженнаго Меѳодія, величайшимъ благоговѣніемъ наследственно православныхъ избирателей предпочтенъ былъ въ избраніи великимъ въ добродѣтели, но приниженымъ безславною ересью отцо, сыновьямъ императора Дѣва Василію и Григорію, такъ что за тѣмъ и возшелъ на высочайшую степень высокихъ почестей.

(1) Nicetas. Vita Ignatii, Harduin. p. 953.

(2) Ibid. p. 948.

(3) Ibidem.

(4) Ibidem., 952.

достаточно для благочестивой Теодоры, чтобы возвести его на патриаршій престолъ, не смотря даже на его нежеланіе (1). 4-го іюля 846-го года онъ былъ утверждень. Къ сожалѣнію, тридцатитрехлѣтняя монастырская жизнь (2), укрѣпившая въ немъ высокія нравственныя качества, не развила въ немъ административныхъ способностей, существенно-необходимыхъ для ново-римскаго патриарха. Патриархъ въ то время (какъ, впрочемъ, болѣе или менѣе, и всегда) былъ не только священноначальникомъ, учителемъ народа и стражемъ вѣры, какъ епископы первыхъ временъ христіанства, но и высокимъ государственнымъ сановникомъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ; онъ былъ тогда, такъ сказать, духовнымъ *вождемъ государства*, связующимъ правительство съ народомъ. Св. Игнатій не могъ исполнѣ удовлетворить всѣмъ требованіямъ такого положенія. Качества и преимущества, приписываемыя ему его біографомъ, характеризуютъ его, по вѣрному замѣчанію Швальца, какъ отличнѣйшаго инока, но не отличнѣйшаго патриарха (3). Къ тому же суровость его характера доходила иногда до неумѣренной рѣзкости и даже надменности, что признаетъ отчасти и самъ Никита, его благоговѣйный біографъ (4).

(1) Ibid. p. 953.

(2) Онъ былъ постриженъ въ монахи въ 813 году, будучи 14 лѣтъ отъ роду. Ibid. p. 945.

(3) Erat iste Ignatius vir sanctissimus, illustri loco natus magnaque in rebus adversis constantia, sed *eruditione et prudentiâ minus valebat*, quam tempora ejus et dignitas postulabant. Optimus monachus, non optimus fuit patriarcha. *Schwalze de discidio Ecc. Christ. in gr.-lat. Lugd. Batav., 1829. p. 41.* Это цитируется Экономосомъ въ предисловіи къ Фотіевымъ *Ἀμφιλόγησιν*.

(4) Τὸ ὑπεροπτικόν δὲ αὐτοῦ καὶ ἀπότομον πρὸς τὰ τὸ ψεῦδος καὶ ἀδικίαν πάντα ἐγυφρίζετο. *Harduin. p. 953.*

Разумѣется, многіе епископы и клирики остались недовольны избраніемъ св. Игнатія, въ особенности Григорій сиракузскій, Петръ сардикійскій и Евлампій апалейскій (1). Недовольны были св. Игнатіемъ и нѣкоторые изъ свѣтскихъ лицъ высшаго круга, въ числѣ которыхъ, какъ говорятъ, былъ и Фотій. По словамъ Анастасія Библіотекаря, Фотій не сочувствовалъ Игнатію за то, что Игнатій осуждалъ поведеніе своего предшественника, св. Мееодія (2). Но болѣе всѣхъ недоволенъ былъ, конечно, Варда. Настоящіе мотивы такого недовольства понятны. Это—не личная неприязнь къ св. Игнатію, потому что св. Игнатій еще не имѣлъ личныхъ враговъ, да и не могъ имѣть ихъ въ своемъ монастырскомъ уединеніи. Главная причина недовольства избраніемъ св. Игнатія заключалась въ томъ, что онъ былъ выдвинутъ тою же самою политическою партіею, которая нѣкогда возвела его отца на престоль, которая и теперь, какъ и тогда, находила себѣ крѣпкую опору въ иночествѣ и съ которою соперничала другая партія, нѣкогда низвергшая его отца, постригшая въ монашество его самого и теперь ободряемая нѣкоторыми епископами. Что это дѣйствительно такъ, лучше всего видно изъ дальнѣйшаго хода событій.

Недовольные избраніемъ св. Игнатія епископы и

(1) Въ своемъ панегирикѣ Игнатію Никита говоритъ, что Игнатій былъ избранъ волею божіею чрезъ епископовъ и царя. Но что не всѣ епископы были довольны избраніемъ его, это видно не только изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Генезія, но и изъ тѣхъ фактовъ, которые самъ Никита передаетъ намъ. Одинъ анонимный игнатіанинъ говоритъ, что нѣкоторые епископы и иноки, побуждаемые честолюбіемъ, противодействовали Игнатію въ продолженіе долгаго времени. *Libell synod. Pappi* n. 148. Гергенретеръ, р. 358.

(2) *Anast. praef. Synod.* Octav. Harduin. p. 749—750.

клирики тѣмъ не менѣе должны были уступить волѣ императрицы и желанію большинства и даже сочли своею обязанностію присутствовать при посвященіи Игнатія. Но, къ удивленію, св. Игнатій безъ видимой причины запретилъ Григорію сиракузскому, облаченному уже въ архіерейскую ризу, присутствовать при его хиротоніи. Это вызвало негодованіе многихъ и заставило Григорія назвать Игнатія волкомъ и выдти изъ церкви. За Григоріемъ вышли изъ церкви и вышепоименованные нами Петръ сардикійскій и Евлампій апалейскій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими иноками (1). Какія были причины такого рѣзкаго поступка св. Игнатія? Никита говоритъ, что Григорій за какія-то преступленія былъ низложенъ будтобы римскою церковію (2). Но это чистѣйшая ложь; потому что Григорій не только въ это время не былъ низложенъ римскою церковію, но даже и послѣ, когда св. Игнатій съ 854 года сталъ усиленно хлопотать объ этомъ предъ папами Львомъ IV и Бенедиктомъ III. Симеонъ Магистръ говоритъ, что Григорій былъ низложенъ великимъ Меѳодіемъ за рукоположеніе внѣ своей епархіи священника Захарія, посланнаго Меѳодіемъ въ Римъ (3). Но, во первыхъ, никто изъ византійскихъ историковъ не говоритъ объ этомъ, кромѣ Симеона Магистра, который, по сознанию почти всѣхъ знатоковъ византійской исторіи, слишкомъ неразборчивъ въ своихъ извѣстіяхъ и часто передаетъ басни за историческую истину; слѣдовательно въ вѣрности его свидѣтельства можно сомнѣваться. Во вторыхъ, если

(1) Nicetas. Vita Ignatii, Harduin. p. 961.

(2) Ibid.

(3) Sym. Magistr. p. 671.

даже допустить, что дѣйствительно Григорій сиракузскій нарушилъ церковное правило рукоположеніемъ священника въ своей епархіи, то изъ этого не слѣдуетъ непременно, что онъ былъ подвергнутъ за то низложенію. Св. Епифаній, какъ извѣстно, также нарушилъ это правило, рукоположивъ священника въ своей епархіи (въ Вилеємѣ), но осужденъ за это не былъ. Слѣдовательно и Григорій, бывшій въ Константинополѣ еще при жизни Меѳодія, могъ не довести себя до низложенія Меѳодіемъ—тѣмъ болѣе, что онъ находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. А что Григорій находился съ св. Меѳодіемъ въ дружескихъ отношеніяхъ, это видно, во первыхъ, изъ панегирика, который онъ написалъ Меѳодію и въ которомъ онъ является глубокимъ почитателемъ святаго исповѣдника (1), а во вторыхъ изъ того обстоятельства, что друзья Григорія, какъ напримѣръ Фотій, являются такими читателями св. Меѳодія, что они, по словамъ Анастасія Библіотекаря, недовольны были самимъ Игнатіемъ за недостаточное уваженіе къ памяти св. Меѳодія. Итакъ извѣстіе Симеона Магистра о низложеніи Григорія сиракузскаго св. Меѳодіемъ надобно признать не больше, какъ придуманною ложью, и никакъ нельзя видѣть въ немъ настоящей причины крутаго поступка съ Григоріемъ св. Игнатія.

Одинъ французскій аббатъ, именно аббатъ Яжеръ, въ памфлетѣ, написанномъ имъ противъ Фотія, подъ заглавіемъ: «Histoire de Photius», хотѣлъ объяснить поступокъ Игнатія *«какими-то важными причинами»* (de choses graves), о которыхъ исторія молчитъ, но

(1) Этотъ панегирикъ помѣщенъ у Мива въ 103 т. его патрологіи греческихъ отцевъ.

которыя новый патриархъ зналъ обстоятельно⁽¹⁾. Французскій аббать, самъ не подозрѣвая того, очень близко къ истинѣ. Дѣйствительно, нѣчто важное, серьезное (*chose grave*) вызвало св. Игнатія на торжественное запрещеніе Григорію сиракузскому присутствовать при хиротоніи своей. Но это нѣчто важное, серьезное, есть не личный, или церковный какой-нибудь проступокъ со стороны Григорія, но то, что Григорій стоялъ во главѣ духовныхъ лицъ той партіи, идеалъ и стремленія которой шли совершенно въ разрѣзъ съ возрѣніями партіи, выдвинувшей Игнатія, и которая потому долго не соглашалась на избраніе Игнатія. Въ самомъ дѣлѣ, Григорій сиракузскій былъ человѣкъ образованный, краснорѣчивый ораторъ, отличный живописецъ, и потому онъ также, какъ и Варда, желалъ распространенія образованія, наукъ, искусствъ, и собиралъ вокругъ себя людей просвѣщенныхъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣвшихъ охоту къ просвѣщенію. «Онъ — говоритъ даже Гергенрёттеръ (t. 1. p. 369) — занимался самъ науками и имѣлъ много учениковъ, которые, повидимому, отличались смѣлымъ критическимъ направленіемъ». Стало быть, онъ представлялъ въ этомъ отношеніи совершенную противоположность св. Игнатію, о которомъ даже его сторонники говорятъ, что онъ преслѣдовалъ образованіе, хотя *по побужденіямъ* благочестивымъ и похвальнымъ⁽²⁾. При этомъ Григорій сиракузскій и приверженцы его имѣли такое же солидарное отношеніе къ Вардѣ, сопернику Θεодоры, какое имѣли св. Игнатій и его сторонники къ Θεодорѣ, соперницѣ

(1) Jager, Histoire de Photius, Paris, 1844. p. 6.

(2) Anast. Bibliothecarius, praef. conc. VIII (Harduin, t. V. p. 752..

Варды. Понятно, каковы должны были быть отноше-
 нія къ такому человѣку новаго патріарха — человѣка
 прямого, откровеннаго, но въ то же время совершенно
 вѣрнаго началамъ воспитавшей его среды. Если бы
 мы приняли за вѣрное то предположеніе, что Гри-
 горій сиракузскій былъ тоже самое лицо, что и Гри-
 горій—сынъ Льва Армянина; то мотивы этихъ отно-
 шеній раскрылись бы намъ еще яснѣе. Но нѣтъ на-
 добности и прибѣгать къ такому предположенію. То
 несомнѣнно, что Григорій сиракузскій, по своимъ воз-
 зрѣніямъ и симпатіямъ, примыкалъ къ партіи, кото-
 рой не сочувствовали и не могли сочувствовать св.
 Игнатій и его приверженцы; а это уже достаточно
 объясняетъ ихъ взаимныя отношенія. Что со стороны
 Григорія не было сдѣлано ничего преступнаго съ
 церковно-канонической точки зрѣнія, это видно от-
 части изъ свидѣтельства самого Никиты о томъ, что
 св. Игнатій, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ своего
 перваго іерархическаго служенія, старался смягчить
 своего противника и ласками и подарками (1). Для
 чего было бы Игнатію прибѣгать къ такимъ сред-
 ствамъ, если бы тотъ дѣйствительно заслуживалъ ка-
 ноническаго наказанія? Если св. Игнатій дѣйстви-
 тельно поступалъ такъ въ отношеніи къ Григорію,
 то поведеніе его показываетъ, что онъ признавалъ силу
 и достоинство своего противника и старался угодить
 ему. Впрочемъ если эти мягкія мѣры и были упо-
 требляемы со стороны Игнатія, то это было, вѣроятно,
 только въ началѣ, а не во все продолженіе 11 лѣтъ

(1) 'Εν ὅλοις μὲν οὖν ἑνδεκά χρόνοις τῆς πρώτης αὐτοῦ ἱεραρχίας ὁ Ἰγ-
 νάτιος ἀποπερψάμενος καὶ πάσαν μὲν λόγων πάσαν δὲ ὀφρῶν προτεινόμενος
 φιλοτιμίαν, οὐχ οἷος τοῦ ἐγγερόναι τὴν τοῦ Ἀσβεστά κακίαν... Harduini t. V.
 p. 961.

(какъ говорить Никита), потому что въ 854 году патриархъ Игнатій уже формально низложилъ Григорія за противодѣйствіе себѣ, чѣмъ увеличилъ только существовавшія уже волненія (¹).

Между тѣмъ по мѣрѣ развитія борьбы Григорія съ св. Игнатіемъ возрастало и соперничество между Вардою и Θεодорою во дворцѣ. Именемъ императрицы правилъ дѣлами Θεоктисть логоеетъ, одинъ изъ опекуновъ императора Михаила, человекъ ничтожный, лишенный всякихъ военныхъ и административныхъ способностей (²). По его проискамъ былъ удаленъ отъ двора другой опекунъ императора, любимый всѣми Мануилъ магистръ (³). Опасность грозила и Вардѣ. Однажды, послѣ сильнаго пораженія сарацинами, въ которомъ виноватъ былъ самъ Θεоктисть (⁴), онъ обвинилъ Варду предъ императрицею въ томъ, что Варда будтобы была причиною пораженія войска. Θεодора, бывъ вполне предана Θεоктисту, рѣшилась удалить своего брата не только отъ двора, но и изъ самой столицы (⁵).

(¹) Св. Игнатій сообщилъ актъ низложенія Григорія Риму и просилъ утвержденія; но въ Римѣ ни папа Левъ IV, ни папа Бенедиктъ III не произнесли окончательнаго приговора надъ Григоріемъ (Nicol. epist. X. p. 359, et epist. XI., p. 371. Labbe t. VIII).

(²) Продолжатель Θεοφана отзывается объ немъ, какъ о полководцѣ, такъ: «много разъ онъ начальствовалъ надъ войсками въ походахъ, но ни одной побѣды не одержалъ, хотя число находившихся подъ его командою войскъ весьма значительно превышало число непріятельскихъ, и всегда возвращался пораженнымъ, предавъ свое войско совершенной погибели». Theoph. Cont. p. 103. О его административныхъ способностяхъ достаточно говорить между прочимъ казнѣ павликіанъ, которая, по свидѣтельству того же лѣтописца, была причиною многихъ золъ для имперіи.

(³) Genes. p. 86. καὶ ἐξαιτῆται τις ἔρις χαίρελαχος παρὰ Θεοκτίστη πρὸς Μανουὴλ εἰς ἀποκίαν αὐτὸν διαβήσασα.

(⁴) Georg. Nam. p. 1036.

(⁵) Georg. Mon. p. 815.

Тогда Варда воспользовался распространившеюся молвою о томъ, что Θεоктисть логоуетъ думаетъ жениться на Θεодорѣ, или на одной изъ ея дочерей, и представилъ дѣло императору такъ, что въ случаѣ женитьбы Θεоктисть захватитъ въ свои руки всю власть и лишитъ самого Михаила царскаго достоинства (1). Императоръ, который и безъ того былъ уже недоволенъ Θεоктистомъ по разнымъ причинамъ (2), повѣривъ обвиненію, открыто вооружился противъ Θεоктиста, и Θεоктисть палъ безъ суда и слѣдствія (3). Смерть Θεоктиста до того огорчила Θεодору, что, запершись во дворцѣ, она проклинала своего сына и брата—виновниковъ его смерти. Императоръ всѣми мѣрами старался умилостивить ее; но она осталась непреклонна и, спустя не много времени, удалилась во влахернскій дворецъ, гдѣ окружавшая ее партія подожила прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Михаила и Варды.

Составленъ былъ заговоръ противъ жизни Варды (4).

(1) Генезій (р. 87) приписываетъ происхожденіе этой молвы самому Вардѣ; но несправедливо. Ея происхожденію способствовало, во первыхъ, то, что, не смотря на всѣ свои военныя неудачи, Θεоктисть пользовался безусловною довѣренностію Θεодоры, а во вторыхъ то усердіе, съ какимъ онъ устраивалъ для императрицы великолѣпныя зданія и сады, и тѣ мѣры предосторожности, которыя онъ предпринималъ для охраненія себя во дворцѣ (Georg. Mon. p. 815). Этою молвою воспользовались однажды даже сарацины въ Критѣ. Находясь въ критическомъ положеніи во время похода противъ нихъ Θεоктиста, они распустили молву, будтобы императрица выходитъ замужъ; тогда Θεоктисть поспѣшилъ въ Константинополь, оставивъ войско безъ главнокомандующаго, отчего оно сдѣлалось, по выраженію летописца μαυρίδας ἔργων (Sym. Mag. 654. Leo gram. p. 229).

(2) По настоянію Θεоктиста императоръ Михаилъ долженъ былъ жениться на Евдокіи Декаполита, которой онъ не любилъ, вмѣсто Евдокіи Ингеріи, которой былъ преданъ. Sym. Mag. p. 655.

(3) Theoph. Cont. p. 170.

(4) Sym. Magist. p. 658. Симеонъ магистръ и Георгій монахъ при-

Но заговоръ былъ открытъ, и тогда въ свою очередь императоръ Михаилъ рѣшился, по внушенію конечно Варды, совершенно удалить свою мать отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, что, разумѣется, должно было вызвать сильное противодѣйствіе со стороны ея партіи. Среди этой-то борьбы сына съ матерью возникли обстоятельства, навлекшія на простодушнаго патріарха Игнатія основательное подозрѣніе въ политическомъ содѣйствіи Θεοδορῷ и, слѣдовательно, въ противодѣйствіи царю. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, Варда удалилъ отъ себя жену свою; въ слѣдствіе этого распространилась молва, будто онъ живетъ съ овдовѣвшею своею невѣсткою (1). Понятно, кто долженъ былъ поддерживать и распространять эту молву. Игнатій, до котораго дошла эта молва, сначала, по словамъ Никиты, увѣщавалъ Варду возвратити къ себѣ жену и отстать отъ беззаконнаго сожителства, а потомъ, въ день Богоявленія 857 года, торжественно лишилъ его причастія (2).

писываютъ Θεοδορῷ главное участіе въ этомъ заговорѣ; но это сомнительно.

(1) Τοῦτον τὸν Βάρδα τῆ βίβλ φασὶν ὅτιος ἐπιμανῆσαι νόμῳ ὡς ἀναπίσαν τῆν πόλιν παρῳραβῆθαι. Nic. Hard. t. V. p. 956. φήμυς διαθερούσης ὡς Βάρδας ὁ Καίσαρ τῆ νόμφῳ αὐτοῦ Εὐδοκίᾳ συνεφθείρατο (Sym. Magist. p. 667). Ελάττωμα, ὁ πρὸς ὁμόνοιαν παρενέσχευται. Genesisii p. 99. Такъ всею передано это дѣло, какъ молву, родившуюся по подозрѣнію, и никто не выдаетъ его за положительный фактъ. Тоже самое говоритъ и Анастасій Библиотечарь: Fama crebrescit Bardam... incestu pigrit prorgiam sua loedare, Anast. Pvaei. Synod. Oct.—Правда, Константинъ Порфирородный и анонимный писатель «продолженія исторіи Θεοφана» говорятъ объ этой молвѣ, какъ о дѣйствительномъ фактѣ; но извѣстно, съ какимъ искусствомъ Константинъ Порфирородный и названный писатель стараются чернить тѣхъ, которыхъ Василій Македонянинъ, дѣдъ Порфиророднаго, злодѣйски умертвилъ. Поэтому иль свидѣтельства въ данномъ случаѣ не имѣютъ никакого значенія.

(2) Vita Ignatii. Harduin t. V. p. 956.

Напрасно Варда просилъ и даже умолялъ пощадить (1); напрасно самъ царь сначала прибѣгалъ къ просьбамъ, а потомъ къ угрозамъ, домогаясь того, чтобы дядя его былъ допущенъ къ причастію (2). Патріархъ оставался непреклоннымъ. Настоящія побужденія, по которымъ онъ поступилъ такъ съ кесаремъ Вардою, на основаніи одной простой молвы и придворныхъ интригъ, многимъ кажутся непонятными. Но не ясно ли въ этомъ дѣйствіе политической партіи Михаила Куропалата и царицы Теодоры противъ политической партіи Льва Армянина, Михаила Косноязычнаго, Θεοφιλα и Варды, при чемъ св. Игнатій могъ быть самымъ невиннымъ орудіемъ? Мы вовсе не думаемъ защищать Варду: можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ виновенъ въ томъ, что взводила на него злая молва. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, вмѣстѣ съ авторомъ сочиненія Παπιστικῶν Ἐλέγγων, что эту молву на счетъ Варды могло распространить оскорбленное самолюбіе его жены, завидовавшей своей невѣсткѣ или вслѣдствіе особеннаго уваженія Варды къ ея уму и образованію, или просто вслѣдствіе его родительской любви къ ней, какъ покинутой на вѣки сыномъ его, умершимъ еще въ такихъ молодыхъ лѣтахъ (3). Какъ бы то ни было, публичное отлученіе кесаря отъ церкви, сдѣланное, по всей вѣроятности, безъ надлежащаго предувѣдомленія, среди той политической борьбы, которая горѣла уже

(1) Ὁν (Ἱγνατίου) ἐπὶ πολλὰ λιτανεῶν καὶ δευσιπῶν ὁ Βάρδας συγχωρήσει· ἀξιώθηεναι ἕκ ἐπεισε (Σταυρίτζη ταμάρχου у Радера р. 432).

(2) Ποτὰ μὲν ἐδουλοῦμαι με (то есть, царь), ποτὰ δὲ ἡπέλειε τὰ δεινὰ, εἰ μὴ παροφθαίην δεξασθαι τὸν θεῖον ἄροτον. Libell. Θεογνωστα Harduin t. V. р. 1013.

(3) Παπιστικῶν ἐλέγγων σελ. 10.

между кесаремъ и императрицею, должно было получить рѣзкій политическій характеръ, и кесарь, а вмѣстѣ съ нимъ и императоръ, могъ съ полною основательностію придти къ заключенію, что партіархъ, оставаясь непреклоннымъ къ ихъ просьбамъ, намѣренно унижаетъ ихъ въ глазахъ народа въ интересахъ Θεодоры и прикрывавшейся за нею партіи. Другое болѣе важное событіе еще сильнѣе увеличило это подозрѣніе. Около этого самаго времени появился неизвѣстный человѣкъ, въ монашескомъ одѣяніи, по имени Гевонъ (1), заявляя вслухъ всему народу, что онъ—сынъ Θεодоры, только отъ другаго мужа. Сторонники св. Игнатія говорятъ, что этотъ Гевонъ былъ сумасшедшимъ (2),—пусть такъ; тѣмъ не менѣе многіе повѣрили ему, какъ будущему царю, — ὡ πολλοὶ τοῦ ὄχρου ἐπίστευσαν, ὅτι βασιλεύσει μελλόντι προσείχων, говоритъ самъ же Никита. Не былъ ли этотъ сумасшедшій выставленъ партіею противниковъ Михаила и Варды? Правительство схватило Гевона, и началось слѣдствіе. Св. Игнатій, должно быть, вступился за несчастнаго, но всей вѣроятности какъ за человѣка помѣшавшагося умомъ; но это обстоятельство могло только усилить существовавшее уже подозрѣніе противъ партіарха и обратилось ему во вредъ (3). Тутъ же, послѣ заговора Гевона, Михаилъ рѣшился заключить свою мать въ монастырь и въ силу этого просилъ

(1) Nicetas. Harduin p. 956.

(2) Ibid. Ἦν δὲ Ἰγνασιον οὗτος ἐπίληπτος ἄνθρωπος καὶ τὰς φρένας οὐ πάνυ κηδεσσύνης.

(3) Никита прямо не говоритъ, что Игнатій вступился за Гевона, но нѣкоторые полагаютъ это на основаніи словъ самого же Никиты, что императоръ приказалъ замучить и убить Гевона, думая отгнать чрезъ то партіарху. Nic. Hard. p. 957.

патріарха постричь ее съ дочерьми въ монахини. Но Игнатій рѣшительно отказался исполнить это требованіе на томъ основаніи, что Θεодора и ея дочери не имѣютъ благаго произволенія заключиться въ монастырь. «Чѣмъ онѣ провинились и что за причина, что ваше величество задумали это относительно ихъ»? спрашивалъ, можетъ быть съ полнѣйшимъ невѣдѣніемъ политическихъ отношеній, иннокъ-святитель (1). Однако этого уже было очень достаточно для императора и его приближенныхъ, чтобы убѣдиться, что патріархъ—прямой сторонникъ Θεодоры и партіи, только что составившей противъ него заговоръ, или, какъ говоритъ Никита Пафлагонъ, *ὡς αὐτοῦ λάτρεα τῶν ἄλλων κατὰ τῆς βασιλείας* (2). Тогда императоръ сослалъ свою мать, вмѣстѣ съ ея дочерьми, въ кирианскій дворецъ (3), а спустя нѣсколько времени (23 ноября) сослалъ и св. Игнатія на островъ Тервиню (4). Въ тотъ же самый день былъ казненъ, послѣ страшныхъ мученій, и несчастный Гевонъ (5).

Итакъ съ удаленіемъ Θεодоры отъ царства удаленъ былъ и св. Игнатій съ своего престола. Что же

(1) *Τὸ τὸ ἀδίκημα τῶν βασιλέων καὶ τὸ εἶ κατ' αὐτῶν ἀγρία, ὅτι τὸ βιόταρον κράτος ταῦτα κατ' αὐτῶν διανοήθη.* Ibid.

(2) Ibid. p. 961. Т. е., что онъ тайно злоумышлялъ наспровергнуть правительство.

(3) Генезій приписываетъ удаленіе Θεодоры намеренному ея негоднованію за убійство Θεоктиста, вслѣдствіе чего Варда и сталъ высказывать Михаилу свое подозрѣніе въ сообществѣ ея съ Θεоктистомъ (p. 90). О заговорѣ, жертвою котораго погибъ Гевонъ, онъ умалчиваетъ, равно какъ и продолжателъ Θεофана (Theoph. Cont. p. 106), Симеонъ магистръ и др. Но молчаніе ихъ восполняетъ Никита, передавая означенный фактъ вскользь. По всей вѣроятности, и этотъ заговоръ, и заговоръ противъ жизни Варды, былъ со стороны партіи императрицы отвѣтомъ на убійство Θεоктиста.

(4) Nic. Vita Ignatii Hard. p. 957.

(5) Harduin t. V. p. 963.

это значить? Неужели судьба святителя такъ тѣсно связана была съ судьбою императрицы? Дѣло тутъ не въ личности императрицы, а въ общемъ направленіи той партіи, которую она представляла собою и которая была побѣждена въ лицѣ ея. Если бы съ удаленіемъ Θεодоры управлялъ дѣлами человекъ такого же направленія такихъ же политическихъ принциповъ и преданій, какіе она сама имѣла; то св. Игнатій остался бы въ покоѣ. Но въ томъ и дѣло, что, послѣ низложенія императрицы, стали управлять государствомъ люди совершенно противоположныхъ воззрѣній и принциповъ. Правда, эти люди были кровные ея родственники и притомъ самые ближайшіе (одинъ—собственный ея сынъ, а другой—братъ ея); но всякому извѣстно, что въ политикѣ родственныя отношенія часто ничего не значать: политическая вражда брата съ братомъ и сына съ отцемъ — не рѣдкость въ исторіи партій. Императоръ и Варда были политическими врагами Θεодоры; стало быть, удаляя ее отъ участія въ государственномъ управленіи, они должны были съ своей точки зрѣнія устранить и все то, на чемъ она опиралась и что составляло ея силу. А такъ какъ св. Игнатій по многимъ причинамъ не могъ не сочувствовать Θεодорѣ; то, какъ первый представитель ненавистной императору партіи, онъ необходимо долженъ былъ быть удаленъ получившею перевѣсъ партією. Удаленіе св. Игнатія должно было послѣдовать тѣмъ неизбѣжнѣе, что онъ, по своему простодушію, вмѣшался въ борьбу партій, вовсе не имѣвшихъ въ виду исключительно религіозныхъ цѣлей, и навлекъ на себя подозрѣніе въ личной враждѣ къ императору, особенно участіемъ своимъ въ

дѣлъ о Гевонѣ и отказомъ постричь императрицу Θεодору, заподозрѣнную въ замыслахъ противъ царя. Здѣсь невольно рождается вопросъ, были ли эти подозрѣнія основательны? Дѣйствительно ли принималъ св. Игнатій участіе въ замыслахъ прикрывавшейся его именемъ партіи противъ императора Михаила? Св. Игнатій, по своему характеру, былъ слишкомъ высокъ нравственно; а потому, намъ кажется, онъ не могъ позволить себѣ сознательно участвовать въ интригахъ партіи. Онъ былъ истинно религіозенъ, и потому не могъ дѣйствовать путемъ незаконнымъ; онъ былъ слишкомъ откровененъ и прямодушенъ, чтобы прибѣгать къ какой-либо хитрости противъ кого бы то ни было. Въ силу этого заподозрѣвать его въ намѣренномъ участіи въ томъ или другомъ замыслѣ противъ императора, или даже противъ кесаря Варды, было бы несправедливо. Однако, какъ человѣкъ извѣстнаго направленія, какъ лицо административное, имѣвшее громадное значеніе въ дѣлахъ не только церковныхъ, но и государственныхъ, онъ долженъ былъ волей-неволей однимъ изъ правительственныхъ лицъ сочувствовать, а другимъ не сочувствовать, смотря по тому, чьи дѣйствія болѣе гармонировали съ его собственными воззрѣніями. И дѣйствительно, сочувствія своего Θεодорѣ онъ не скрывалъ, подобно тому, какъ онъ не скрывалъ и своего несочувствія политикѣ и образу дѣйствій императора Михаила. Игнатій искренно желалъ, чтобы византійскій престоль украшался такою благочестивою государынею, какова была Θεодора, а потому онъ не могъ желать вольнодумцу (¹) Михаилу царствовать

¹) Вольнодумство Михаила, особенно въ раннюю пору его молодости. Ср. Чт. № 8. 1872 года.

нераздѣльно. Ясно понимая это, Варда и императоръ рѣшились, во что бы то ни стало, лишить его патриаршаго престола. Итакъ причины, по которымъ св. Игнатій былъ отправленъ въ ссылку, были тѣ же самыя, по которымъ и Θεодора была удалена отъ управления дѣлами государства.

дести, выражалось между прочимъ въ осмѣненіи господства представителей церкви и существовавшей въ обществѣ страсти къ церковнымъ церемоніямъ. Такъ онъ окружилъ себя двѣнадцатью сатириками, изъ которыхъ одинъ игралъ роль патриарха, а остальные представляли митрополитовъ. Они облачались въ церковныя одежды, пѣли съ гитарами пѣсни и, подобно священникамъ, дѣлали возгласы. Они имѣли также сосуды, на подобіе церковныхъ, въ которые вливали укусу и клали горчицы вмѣсто вина и хлѣба, и изъ которыхъ какбы приобщались. Грилла, игравшій роль патриарха въ такихъ комедіяхъ, совершалъ процессіи на подобіе крестныхъ ходовъ, во время ихъ сидя, опять подобно патриарху, на ослѣ. Однажды, совершая крестный ходъ, св. Игнатій встрѣтилъ такую процессію Грилла, сопровождавшагося пѣвшими непристойныя пѣсни сатириками. Церковныя пѣснопѣнія были заглушены звукомъ гитаръ и непристойныхъ выкрикиваній. Въ другой разъ, когда Θεодора жила еще въ царскомъ дворцѣ, поспѣшно вошелъ къ ней Михайалъ и сказалъ, что къ ней идетъ патриархъ Игнатій. Повѣривъ этому, императрица торопливо поклонилась вошедшему вельдѣ за тѣмъ quasi-патриарху и попросила у него благословенія; такъ что только уже по голосу благословлявшаго узнала, что то былъ не патриархъ, а Грилла. Возмущенная этимъ поступкомъ, императрица, говорятъ набожныя автописцы, прокляла своего сына (см. Theoph. Cont. p. 200—202. Еще Syn. Magist. p. 661—663; Georg. Cedr. historia p. 170—172, t. 1). Хотя во всѣхъ этихъ комедіяхъ, какъ видно, осмѣивались не столько священные предметы сами по себѣ, сколько суевѣрное къ нимъ отношеніе, доходившее до крайности; тѣмъ не менѣе они, дѣйствительно, могли вазаться возмутительными, такъ какъ сопровождались нарушеніемъ правилъ приличія и пристойности.

Кстаги скажемъ еще нѣсколько словъ о личности этого государя. Не только византійскіе хронографы, но и позднѣйшіе историки представляютъ его человѣкомъ ничтожнымъ и крайне испорченнымъ. Гергенрёттеръ (t. 1. p. 349) не находитъ въ немъ ни одного качества, достойнаго государя. Папперинопула также, вельдѣ за Гергенрёттеромъ, замѣчаетъ, что въ императорѣ Михайлѣ совѣщались всѣ дурныя свойства, и потому коварное убійство ея Василіемъ Македоняниномъ онъ считаетъ какбы божіею милостію. Намъ кажется, что сужденія этихъ писателей несправедливы. Что императоръ Михайалъ былъ человѣкъ

Послѣ удаленія св. Игнатія нужно было, конечно, приступить къ избранію и опредѣленію новаго патріарха. Но для этого требовалось напередъ заставить св. Игнатія отречься отъ патріаршаго престола, или, въ противномъ случаѣ, подвергнуть его соборному низложенію; иначе поставленіе новаго патріарха было

небезукоризненный, его вѣрно. Но несомнѣнно и то, что не все, чтѣ писалось и пишется о немъ, справедливо. Прежде всего намъ представляется невѣроятнымъ то, что онъ, будучи еще 10 лѣтъ отъ роду, будтобы былъ уже преданъ крайнему разврату (какъ говорятъ Симеонъ Магистръ р. 955) и что онъ на этомъ году уже женился (ibid). Последнее невѣроятно уже и потому, что св. Игнатій и Феодора не позволяли бы вѣнчать его вопреки церковнымъ правиламъ и гражданскимъ законамъ, такъ какъ по тѣмъ и по другимъ бракъ не разрѣшенъ для десятилѣтнихъ. Можетъ быть, Симеонъ Магистръ и другіе намеренно сфальсифицировали его обрученіе съ бракомъ, чтобы представить его, по нерасположенности къ нему за вольнодумство, развратникомъ, такъ сказать, съ малолѣтства. Лѣтописцы передаютъ дѣло такъ, что Михаилъ еще до женитьбы былъ развращенъ и что мать женила его для укрощенія его разврата. Не сомнѣнно преувеличены и тѣ недостатки и пороки, которые онъ дѣйствительно имѣлъ, особенно въ самую раннюю пору своей молодости, и которые понятны въ его лѣтахъ и въ его положеніи. Представляютъ его крайне напѣвнымъ, безпечнымъ въ дѣлахъ государственныхъ, безпрестанно предающимся снѣзству и проч.; а между тѣмъ съ другой стороны рассказываютъ о его частыхъ войнахъ съ арабами и болгарами и лично участіи его во многочисленныхъ походахъ. Такъ мы узнаемъ, что онъ однажды одержалъ побѣду надъ болгарами (Syn. Magist. р. 665) и два раза сражался съ арабами, при чемъ, будучи второй разъ побѣжденъ, рисковалъ своею жизнію для спасенія своихъ побѣжденных отрядовъ и, стало быть, заботился о благосостояніи войска (См. Theoph. Cont. р. 178). Слова, которыя Генезій (р. 94) влагааетъ въ уста императора Михаила по поводу опустошенія провинцій мелитинскимъ эмиромъ и которыя воодушевили войско и доставили ему полную побѣду надъ врагами, показываютъ въ немъ человека, одушевленнаго благомъ своей страны, но никакъ не безпечнаго. Все это въ нѣкоторой мѣрѣ противорѣчитъ отзывамъ о крайней безпечности и извѣженности императора. Наконецъ, богатая пожертвованія, принесенныя Михаиломъ въ пользу знаменитаго храма св. Софій (См. Theoph. Cont. р. 210—211), а также построеніе имъ храма въ Фаросѣ, показываютъ, что онъ вовсе не былъ такимъ индифферентомъ, какимъ обыкновенно его представляютъ, и что въ лѣтахъ возмужалости онъ степенился, можетъ быть—подъ благотворнымъ влія-

бы противно церковно-каноническимъ правиламъ. Такимъ образомъ рѣшено было прежде всего убѣдить Игнатія добровольно отказаться отъ своей должности.

Многіе изъ именитыхъ епископовъ, близкихъ къ Игнатію, отправились къ нему на мѣсто ссылки и убѣждали его отречься отъ патриаршей кафедры для избѣжанія большихъ золъ; но, по свидѣтельству Никиты Пафлагонскаго, онъ съ негодованіемъ отвергъ ихъ предложеніе ⁽¹⁾. Спустя нѣсколько дней эти же епископы, въ сопровожденіи многихъ патриціевъ и вельможъ, снова прибыли къ нему съ предложеніемъ добровольно оставить свою должность, прибѣгая при этомъ къ обѣщаніямъ и угрозамъ, но опять напрасно. Такъ рассказываетъ Никита Пафлагонскій ⁽²⁾.

Въ жизни патриарха Фотія. До какой степени византійскіе дѣтописцы были предубѣждены противъ него, видно между прочимъ изъ того, что они весьма порицаютъ его даже за то, что само по себѣ или безразлично, или даже похвально; такъ напр. укоряютъ его за то, что онъ любилъ вступать въ разговоры, вопреки тогдашнему обычаю, съ людьми низшаго класса, что онъ ходилъ безъ свиты, что онъ ѣздилъ въ колесницѣ одинъ и самъ правилъ лошадьми (Theoph. Cont. p. 199—200; Sym. Magist. p. 650—661): «самъ былъ для себя возницею», съ ужасомъ говоритъ продолжатель Θεοφάνη, — «о униженіи царскаго достоинства!» (p. 172. См. также Икономоса *Προβλεψτικῶν* на Фотіевы *Ἀντιβούχαι* сдл. Θ.).

Что касается вышеупомянутыхъ нами сатирическихъ представлений церковныхъ обрядовъ и процессій, то видно, что Михаилъ прекратилъ ихъ, такъ только Θεοδωρῶν и Игнатій были низложены и удалены изъ столицы. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать изъ свидѣтельства продолжателя Θεοφάνη, что по вступленіи Василія Македонянина во дворецъ (сдѣдов. около времени низложенія св. Игнатія) и при усыновленія его Михаиломъ, Григалъ былъ удаленъ (Theoph. Cont. p. 207); то есть, маскарадные представленія болѣе уже не совершались. Это показываетъ опять, что въ такихъ представленіяхъ осмѣивалась собственно противная политическая партія съ извѣстнымъ церковнымъ направлениемъ, а не священные предметы и процессіи.

(1) Vita Ignatii. Harduin. p. 957. Ἐπειὸν δὲ ἀμετάθετος (Игнатій) ἔσθ' ἦτον ἢ πέτρα κινῆτος εἰς βάθος γῆς ἐρριζομένη.

(2) Nicetas, Vita Ignatii p. 957. Впрочемъ, въ одно изъ анонимныхъ отрывковъ, приписываемомъ Никитѣ, говорится, что св. Игнатій готовъ

Напротивъ того, Митрофанъ смирскій, одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ св. Игнатія, утверждаетъ, что св. Игнатій былъ согласенъ на избраніе другаго вмѣсто себя (1). Какъ бы то ни было, спустя мѣсяцъ послѣ удаленія Игнатія, соборъ епископовъ, признавъ патріаршую каедрю праздною (2), приступилъ къ избранію лица для

былъ добровольно отказаться отъ престола, но некоторые изъ приближенныхъ епископовъ отговаривали ему сдѣлать это. 'Ο Ἰγνάτιος ἴνα μὴ ἀτίμως καταβιβασθῆ ἔκων ὑποχωρήσας ἤβουλετο, οἱ δὲ τοικιῶστα ἀρχιερεῖς ἐπέστυον τῆς ὀριμῆς τοῦ Ἰγνατίου. Harduin, p. 1133.

(1) Mitroph. epist. ad Manuel Harduin, t. V p. 1112. Ἦν γάρ θεσπίσας (Ἰγνάτιος) ἐκ τῆς ἐν Χριστῷ καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίας ψήφισαθα: πατριάρχην.

(2) Рассказываютъ, будто Варда, въ виду недовольства епископовъ низложеніемъ Игнатія, употребилъ слѣдующую хитрость: каждому изъ епископовъ порознь онъ обещалъ патріаршее достоинство, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ для виду только отказывался отъ предлагаемаго достоинства. Полагаясь на обещаніе, епископы согласились съ Вардою и такимъ образомъ извинили св. Игнатію. Между тѣмъ императоръ Михаилъ, по наученію Варды, принявъ отказы ихъ, не повторилъ приглашенія (Theoph. Cont. p. 195). Однако какая надобность была Вардѣ прибѣгать къ этой хитрости, когда именитѣйшіе епископы, какъ мы уже видѣли, дважды убѣждали Игнатія добровольно отказаться отъ престола, во второй разъ употребивъ даже угрозы противъ него, и когда, слѣдовательно, они вполне готовы были признать Игнатія лишеннымъ каедры. Нельзя сказать, чтобы это были только сторонники Григорія сиракузскаго; потому что самъ Никита говорить, что это были тѣ самые епископы, которые еще такъ недавно дали Игнатію клятвенное обещаніе оставаться вѣрными ему до смерти (Harduin, t. V, p. 957). По всей вѣроятности, этотъ рассказъ выдуманъ игнатіянами съ тою цѣлю, чтобы ослабить значеніе единогласнаго выбора на патріаршій престолъ Фотія и чтобы унижить епископовъ, избравшихъ его. Тѣмъ не менѣе онъ приводитъ насъ къ тому положительному заключенію, что патріаршая каедра, до избранія Фотія, соборомъ объявлена была вакантною. Тоже самое видно изъ словъ Митрофана смирнскаго, лично присутствовавшаго на соборѣ. Онъ говорить, что соборъ епископовъ, вопреки желанію Варды, предложившаго Фотія, представлялъ трехъ кандидатовъ и долго настаивалъ на своемъ предложеніи, но что впоследствии всѣ епископы перешли на сторону Фотія, кромѣ нечестивыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Митрофанъ (Mitroph. epist. ad Manuel Harduin, t. V, p. 1112) и ко-

ея замѣщенія. Повидимому единственнымъ кандидатомъ на патриаршій престолъ долженъ бы быть теперь Григорій сиракузскій, стоявшій во главѣ епископовъ и клириковъ, недовольныхъ Игнатіемъ, и пользовавшійся сильнымъ покровительствомъ Варды; но на самомъ дѣлѣ не такъ было: правительство и соборъ совершенно обошли его и поступили, конечно, вполне благоразумно. Въ самомъ дѣлѣ, антиправительственная партія—партія Θεодоры и Игнатія — и безъ того уже слишкомъ взволнована была удаленіемъ Игнатія отъ его должности. А отсюда понятно, что возвестіе на патриаршій престолъ главнаго противника низложеннаго патриарха значило бы подлить масла въ огонь, между тѣмъ какъ церковь и государство нуждались въ мирѣ и спокойствіи. Такимъ образомъ обстоятельства требовали возведенія на патриаршій престолъ человека, который, помимо личныхъ своихъ достоинствъ, былъ бы чуждъ прямаго участія въ тогдашнихъ смутахъ и неурядицахъ. Найти такого человека между епископами, раздѣленными въ то время на игнатіанъ и григоріанъ, было невозможно, но за то было легко найти его въ средѣ мірянъ. Это былъ Фотій, занимавшій въ то время должность перваго государственнаго секретаря и происходившій, какъ

горько сожалѣвъ послѣ также согласились на избраніе Фотія, взявъ только съ него письменное обѣщаніе о гарантіи чести св. Игнатія (ibid. Cf. Nicet. Vita Ign. Hard., p. 961). Следовательно, представляя трехъ кандидатовъ на патриаршую кафедру, соборъ епископовъ тѣмъ самымъ признавалъ эту кафедру вакантною. Напрасно же послѣ этого Герценретеръ замѣчаетъ (т. I, p. 380), будто возведеніе Фотія на патриаршую кафедру было незаконно уже потому, что эта кафедра *de jure* не была вакантною. Самъ св. Игнатій, уполномочивъ своихъ приверженцевъ избрать другаго вмѣсто себя, этимъ самымъ признавалъ патриаршую кафедру праздною.

известно, изъ Фамиліи — столько же знатной, сколько и благочестивой (1). На него-то и палъ выборъ не только правительства, но и всѣхъ епископовъ (2). Фотій долго отказывался отъ предлагаемой чести, но потомъ, уступая волѣ императора и желанію епископовъ, принялъ патриаршій санъ. Рукоположилъ его въ епископы Григорій сиракузскій (3), который, хотя былъ несправедливо отлученъ отъ общенія съ Игнатіемъ, однако не былъ лишенъ епископскаго сана (4). Игнатіане, или побѣжденная клерикальная партія Θεодоры,

(1) Фотій былъ внукачатымъ племянникомъ знаменитаго патриарха Тарасія; то есть, св. Тарасій былъ братомъ его дѣда. Родители же Фотія, Сергій и Ирина, пострадали отъ иконоборцевъ за православіе, вѣроятно, при Θεοφιλѣ. Поэтому онъ въ одномъ изъ своихъ посланій называетъ ихъ исповѣдниками. Ἀναθεμάτησαν ἡμᾶς χρόνους μακροὺς πάσα συνέδος αἰρετικῆ καὶ πάν τεκνονόμητων συνέδριον, οὐχ ἡμᾶς δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ πατέρα καὶ θεῖον ἡμέτερον, ἄνδρας ὁμολογητὰς τοῦ Χριστοῦ καὶ ἀρχιερέων σεμιολόγητα (Фотіου ἐπιστολαί, ἐπιστολή 160, изд. Валетта. Лондонъ 1864 г.).

(2) Nicet. Vita Ign. Garduin. t. V, p. 960. Καὶ πλεῖστα καὶ ἐάντους συναξαρέμενοι (то есть епископы и вельможи, побудившіе Игнатія къ отреченію) καὶ πάσαι κακιστότεροι βουλή, Φωτίου προτοσπαθάριον τε ὄντα καὶ πρωταποκρίτην εἰς ἀρχιερεῖα τῆς βασιλείας προχειρίζονται.

(3) Изъ того, что Фотій былъ рукоположенъ Григоріемъ сиракузскимъ, Гергенретеръ произвольно выводитъ (t. I, p. 380), будтобы и жезлъ патриаршій врученъ былъ Фотию Григоріемъ, а не ираклійскимъ архіепископомъ по обычаю константинопольской церкви, — какъ будто рукоположеніе въ епископы и возведеніе на патриаршій престолъ одно и тоже!

(4) Правда вселенской церква. С.-Петербургъ. 1819 г. Что Григорій сиракузскій не лишенъ былъ епископскаго сана, когда руководилъ Фотія, это видно изъ того, что папа Николай I въ своемъ посланіи къ восточнымъ ерархамъ старается оспаривать значеніе разрѣшенія Григорію священнодѣйствія соборомъ архіереевъ, говоря: Εἰ δὲ λέγεις πάλιν ὁ Γρηγόριος ὑπὸ τῶν ἀρχιερέων ληθῆναι, ματαίως. Οὐ γὰρ ὑπὸ τῶν ὑποδεετέρων ἢ τῶν ἱσῶν, ἀλλ' ὑπὸ μείζονος προσώπου, καὶ ὡς ἐκ τῶν ἀποστολικῶν κανόνων μαθῆναι, ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ ἀφορισάντος, ἢ προδήλως ὑπὸ τῶν τοῦ πρώτου θρόνου δικαίων, ἐμελλε λυθῆναι. ὑποδεέτερος γὰρ ἢ ὁμοταγῆς προσεταγμένον ἢ ὁμοταγῆ, μὴ ἐπινεύοντος τοῦ μείζονος, λύσαι οὐ δύναται (Narduin. t. V, p. 1072). Софизмъ папы очевиденъ.

на первыхъ порахъ признали Фотія законнымъ патрiархомъ, надѣясь, конечно, привлечь его къ себѣ и расположить его дѣйствовать такъ, какъ они сами дѣйствовали, то есть, въ духѣ совершенно враждебномъ видамъ тогдашняго свѣтскаго правительства и, слѣдовательно, въ интересахъ клерикальной партіи. Они тѣмъ болѣе могли рассчитывать на Фотія, что вся семья, въ которой онъ родился и воспитался, отличалась особенною ревностію къ благочестію въ духѣ того времени и въ частности—любовію къ инокамъ. Но не таковъ былъ Фотій, чтобы подчиниться вліянію партіи, направленіе которой онъ считалъ одинаково гибельнымъ какъ для церкви, такъ и для государства. При всей твердости въ православіи, Фотій примыкалъ къ кружку людей, горячо ратовавшихъ за просвѣщеніе и свободу мысли и убѣжденія. Онъ былъ душою этого кружка, его славою и украшеніемъ. Поэтому онъ не могъ сочувствовать извѣстнымъ уже намъ видамъ враждебной тогдашнему правительству партіи. Сдѣлавшись патрiархомъ, онъ предначерталъ себѣ такой планъ дѣятельности, который, свидѣтельствуя о возвышенности его стремленій, шелъ совершенно въ разрѣзъ съ настроеніемъ и ожиданіями клерикаловъ. Въ качествѣ духовнаго архипастыря, прежде всего онъ началъ принимать мѣры къ искорененію суевѣрія и предразсудковъ, назначая на епархіи епископовъ, сколько благочестивыхъ, столько же ученыхъ и образованныхъ, которые въ своемъ вѣдомствѣ могли бы распространять здравыя понятія касательно истинъ вѣры и всестороннее по тому времени образованіе (1).

(1) Такъ Григорій спракузскій возстановленъ былъ на своей кафедрѣ; Захарія, другъ Фотія, поставленъ былъ въ Халкидонѣ (вмѣсто какого-то Василія), ученый Амфилозій въ Бизикъ (вмѣсто Антонія, и Георгій въ Никомедіи (вмѣсто митрополита Іоанна).

Далѣе, онъ старался ограничить непомерное вліяніе монашества (1), очистить это сословіе отъ злоупотребленій, вкравшихся въ его бытъ (2), и такимъ образомъ поставить монастырскую жизнь на высотѣ, соотвѣтствующей понятіямъ православныхъ о монашествѣ и его значеніи. Съ другой стороны, Фотій не счелъ ни полезнымъ, ни справедливымъ, изъ за игнатіянъ порвать ту дружескую связь, которую давно уже имѣлъ съ Вардою и другими правительственными лицами, стоявшими за императора Михаила и вмѣствъ, слѣдовательно, за тѣ принципы государственнаго управленія, которые болѣе всего противны были игнатіанамъ. Дѣйствуя противъ еретиковъ и иновѣрцевъ не насиліемъ, а убѣжденіемъ и вразумленіемъ, онъ и самъ руководствовался тѣми же принципами и отличался въ этомъ отношеніи отъ прочихъ представителей правительственной системы развѣ только тѣмъ, что велъ себя миролюбиво въ отношеніи къ партіи, враждебной тогдашнему правительству. Мало того, онъ старался даже примирить ее съ правительствомъ Михаила III (3). Понятно, что такой образъ дѣйствій

(1) Это видно между прочимъ изъ правилъ, установленныхъ на такъ называемомъ перво-второмъ соборѣ, 861 года, касательно монашества. Правда, эти правила были установлены спустя два года послѣ возведенія Фотія на катедру; тѣмъ не менѣе они были, конечно, плодомъ плана, давно созрѣвшаго въ умѣ просвѣщеннаго патріарха. Изъ этихъ правилъ особенно замѣчательны первые восемь, потому что они проливаютъ яркій свѣтъ на нравственное состояніе монашества того времени (Pardun. t. V, p. 1197—1201).

(2) См. прав. II: Ἄτι γὰρ ἄδικτοι καὶ ἐπισφαλῆς ἀποκοραὶ καὶ τὸ μοναχικὸν σὺν τῇ ἡσυχασίᾳ καὶ τῷ τοῦ Χριστοῦ ὄνομα βλάστησάντων πατοῦνται, — и прав. VI: Οἱ μοναχοὶ οὐδὲν ἰδίον ἀφείλονται εὐερίν, πάντα δὲ τὰ ἀπὸ τῶν προσηλωσάντων τῷ μοναχικῷ ἢ проч.

(3) Изъ дошедшихъ до насъ нѣкоторыхъ проповѣдей Фотія видно, что онъ всецѣлски старался примирить двѣ партіи и тѣмъ окончательно уничтожить раздоры, терзавшіе столицу. (См. четыре слова патріарха

Фотія не могъ нравиться побѣжденной партіи. Видя стремленія новаго патріарха и убѣдившись въ невозможности пользоваться имъ, какъ орудіемъ, противъ существовавшаго правительства, она тотчасъ прекратила общеніе съ нимъ, забывая, что еще такъ недавно признавала его законнымъ патріархомъ. Вскорѣ сторонники Игнатія собрались въ храмъ св. Ирпны и чрезъ нѣкоторыхъ своихъ епископовъ, незадолго предъ этимъ подписавшихъ избраніе Фотія, передали его вмѣстѣ съ его приверженцами апапемъ (1). Само собою разумѣется, что и фотіане не замедлили противникамъ своимъ отплатить тѣмъ же. Это сдѣлали они въ храмѣ св. апостоловъ (2).

Правительство, съ своей стороны, въ силу тогдашнихъ обстоятельствъ, должно было на поступокъ игнатіанъ смотрѣть не иначе, какъ на мятежъ, и притомъ не столько церковнаго характера, сколько политическаго. Поэтому, въ видахъ усмиренія мятежа, оно стало жестоко преслѣдовать не только игнатіанъ, но и самого св. Игнатія, непричастнаго затѣямъ лицъ, которыя, повидимому, его защищали, на самоѣ же дѣлѣ хотѣли только пользоваться имъ, какъ орудіемъ для достиженія извѣстныхъ политическихъ цѣлей (3). Въ свою очередь игнатіане также не поддались правительству и не преклонились предъ нимъ. Пользуясь сочувствіемъ большинства общества къ своимъ началамъ и поддержкою со стороны римской церкви, воз-

Фотія, изд. 1864 г. архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ съ прѣдговѣніями и поясненіями).

(1) Epist. Metroph. ad Manuel. Pardin. t. V. p. 1112.

(2) Ibid. Nicet. Vita Ignatii. Hard. t. V p. 964.

(3) Мирное отношеніе игнатіанъ къ Фотію продолжалось, по указаніямъ Павлы, 2 мѣсяца, а по запискѣ Феофноста, подавнной папѣ Николаю I вавбы отъ имени Игнатія, 40 дней.

ведшей начала клерикализма въ догматъ, они упорно и стойко боролись съ правительствомъ до тѣхъ поръ, пока имъ не удалось ниспровергнуть своего главнаго врага—Варду, за тѣмъ—императора Михаила, а наконецъ и самого Фотія. Въ продолженіе этой знаменательной борьбы между правительствомъ Михаила и Вардою съ одной стороны и партіею изложенной императрицы—съ другой, или, что то же, между фотіанами и игнатіанами, положеніе самого Фотія было по истинѣ самое трагическое. Съ одной стороны онъ дѣйствительно не сочувствовалъ клерикальному направленію игнатіанъ, даже противодействовалъ ему и не раздѣлялъ съ ними злонамѣренныхъ стремленій въ отношеніи къ правительству; съ другой онъ не сочувствовалъ и преслѣдованію ихъ правительствомъ—тѣмъ болѣе, что это преслѣдованіе совершалось, по видимому, изъ за него. Вотъ почему онъ такъ сильно ходатайствовалъ за своихъ противниковъ предъ правительствомъ, что едва не разорвалъ дружественныхъ отношеній съ кесаремъ Вардою. Но это самое и вооружило противъ него обѣ стороны. Съ одной стороны Варда не обращалъ никакого вниманія на его просьбы, потому что имѣлъ на то свои государственныя причины; съ другой -- игнатіане, раздраженные противъ него, конечно, тѣмъ, что онъ не раздѣлялъ ихъ образа мыслей и дѣйствій (1), взваливали на

(1) Что причина неудовольствій игнатіанъ на Фотія была та, которую мы указали, это видно не только изъ хода самаго дѣла, но и изъ словъ самихъ игнатіанъ. Послушаемъ, что говоритъ самъ Никита. При всемъ своемъ стараніи искажать факты во вредъ Фотію, онъ иногда бывалъ такъ наивенъ, что внищательный читатель легко пойметъ, въ чемъ дѣло. «Едва прошло два мѣсяца послѣ хиротоніи», говоритъ Никита, «какъ онъ (Фотій), нарушивъ вѣрныя (?), сталъ преслѣдовать тѣхъ настоятелей церквей, которые были болѣе склонны къ пат-

него отвѣтственность за преслѣдованіе ихъ правительствомъ. Какъ тяжело было положеніе Фотія, можно судить по слѣдующимъ словамъ его. «Меня корятъ—писалъ онъ въ одномъ своемъ посланіи Вардѣ—меня бранятъ, меня безчестятъ, осыпаютъ нападеніями, опутываютъ злыми кознями. Правда, ранъ мнѣ еще не было нанесено; но мнѣ нанесено нѣчто гораздо болѣе жестокое, нежели тѣлесная рана, которая была бы видна каждому, за которую поэтому стыдно было бы обидчику и которую можно бы было потому перенести благодушно въ виду участія и состраданія свидѣтелей и зрителей. Мнѣ нанесены раны въ самую душу, однако мучительныя и для тѣла, и тѣмъ болѣе невыносимыя, что обидчику отъ нихъ нѣтъ срама, какъ будто бы онъ и не виноватъ былъ ни въ какой несправедливости, а обиженному онѣ, не говоря объ ихъ безотносительной тяжести, тѣмъ болѣе, что ихъ никто не видитъ, потому что подобнаго рода мученія большинству незамѣтны» (1).

ріарху (Игнатію)... и всячески искалъ случая погубить его (Игнатія); но нашедши же ничего такого, онъ предложилъ злому Вардѣ и легкомысленному Михаилу произвести самое строгое слѣдствіе объ Игнатіѣ, какъ о тайномъ злоумышленникѣ противъ царя». Если перевести эту тираду съ языка страстей на простой безпристрастный языкъ, она будетъ значить слѣдующее: Фотій запрещалъ епископамъ и клирикамъ изъ игнатіанъ вмѣшиваться въ политическія дѣла; но они, продолжая свои интриги противъ правительства, навлекли на себя со стороны правительства преслѣдованіе, такъ что оно вынуждено было нарядить слѣдствіе и о томъ, не участвуетъ ли въ этихъ интригахъ и Игнатій.

(1) Παρελογοῖσθην, ἐξουβρισθην, ἠτιμώσθην, ἐπηρεάζομεθα, ἐπιβουλοῦμεθα. Ἄλλα πληγὰς οὐκ ἐλάβομεν, ἐλάβομεν καὶ τὸ χαλεπώτερον οὐκ ἐπὶ σώματος, ὃ καὶ πᾶσι φαίνεται, καὶ τὸν ἀδικούντα ἐλέγχει, καὶ πολλὴν παραμυθίαν τὴν ἀπὸ τῶν ὀρώντων καὶ οἰκτοφρόνων εἰσάγει συμπάθειαν. Ἐλάβομεν πληγὰς ἐπὶ ψυχὴν αὐτὴν, διὴν καὶ τὸ σῶμα μαστιγάζεται καὶ ὁ τῶπτος, ὡς μὴ ἀδικῶν οὐκ αἰσχύνεται, καὶ ὁ τοπτόμενος προσθήκην δέχεται τιμωρίας ἐπὶ τῇ τῶν πληγῶν ὀδύνη τὴν ἀπὸ τοῦ λανθάνειν ἀσπλαγχνίαν, λανθάνει γὰρ τοῦ πολλοῦς τὸ τοιοῦτον εἶδος κολάσεως, κτλ.

Подробности и дальнѣйшій ходъ событій, повторяемъ, не входятъ въ содержаніе настоящаго изслѣдованія. Мы хотѣли только показать, что борьба такъ называемыхъ игнатіанъ съ фотіанами была борьбою по преимуществу политическою, хотя она прикрывалась ширмами церковныхъ правилъ и постановленій, и что она имѣла неразрывную связь съ предшествовавшими политическими событіями византійской исторіи. Выкая въ смыслъ ея, мы пришли къ тому заключенію, что фотіане и игнатіане въ существѣ дѣла были тѣ же зеленые и голубые V, VI и VII столѣтій, тѣ же иконоборцы и иконопочитатели временъ Исаврянъ и Льва Армянина, наконецъ—тѣ же православные умѣренные, или прогрессисты, и православные ригористы, или клерикалы, временъ Ирины и Никифора. Правильно, или нѣтъ, наше заключеніе, предоставляемъ судить читателю. Но съ этой точки зрѣнія, неблагоприятные, повидимому, отзывы о Фотіѣ современныхъ ему писателей весьма понятны. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли иначе отзываться о человѣкѣ, всесторонне просвѣщенномъ и вооружившемся противъ суевѣрія и ханжества, люди враждебные наукѣ и пропитанные суевѣріемъ и ханжествомъ? Могла ли извѣстная партія, ведшая продолжительную и упорную борьбу съ другою партією, иначе смотрѣть на патріарха, который, по своему происхожденію принадлежалъ къ ней самой, вслѣдствіе воспитанія сталъ дѣйствовать въ направленіи благоприятномъ ея противникамъ? Отъ этой ли партіи нужно ожидать безпристрастнаго сужденія о личности и дѣятельности такого великаго человѣка, какимъ былъ Фотій?

Иеромонахъ Герасимъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 12. С. 664-691.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІѢ, ПАТРІАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ЕГО СОВРЕМЕННОКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРІЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВЪЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Продолженіе)

VI Записка Θεογνόστα; Митрофанъ, Стиліанъ, Анастасій
Библиотекаръ.

Источники, на которыхъ западно-римскіе ученые опираются въ своихъ сужденіяхъ о Фотіѣ и Игнатіѣ, по преимуществу слѣдующіе, по большей части, нами уже цитованные: записка (Λιβέλλος) архимандрита Θεογνόστα, поданная папѣ Николаю I будтобы отъ имени св. Игнатія (1); посланіе Митрофана смирнскаго къ патрицію Мануццу (2); посланіе къ папѣ Стефану (Стиліана неокесарійскаго) (3); предисловіе къ собору 869 года, извѣстному у папистовъ подъ именемъ 8 вселенскаго собора (4) — Анастасія Библиотекаря; акты

(1) Λιβέλλος, περιέχων πάντα τὰ κατὰ τὸν μέγαν Ἰγνάτιον, πεμφθεῖς πρὸς Νικόλαον πᾶπαν Ρώμης, προσωποποιήθεις ὑπὸ Θεογνώστου μοναχοῦ καὶ ἀρχιμανδριτοῦ τῆς πρεσβυτέρας Ρώμης, καὶ Ἐπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως, εἰς ὄνομα Ἰγνατίου τοῦ πατριάρχου (Harduin. t. V, p. 1013).

(2) Harduin t. V, p. 1112. Судя по его заглавію и содержанию, оно написано вскорѣ послѣ перваго изложенія Фотія.

(3) Ibid. p. 1121. Написано послѣ втораго изложенія Фотія,

(4) Ibid. p. 749.

этого собора (1); трактатъ объ этомъ соборѣ неизвѣстнаго автора (2); *Σταθροσπάται*, т. е. крестонопратели—сочиненіе также неизвѣстнаго автора (3); жизнеописаніе св. Игнатія—*Никиты Давида Пафлагонскаго* (4) и наконецъ лѣтопись *Симеона Магистра* (5). Свѣдѣнія о Фотіѣ и его времени встрѣчаются и у другихъ писателей, какъ-то: у Генезія, Миханла Монаха, Георгія Монаха, Кедрина, Зонары, продолжателя Теофана, Константина Порфиророднаго, Іоанна Скилиця, Льва Грамматика и другихъ. Но большинство римско-католическихъ писателей обращаетъ на нихъ второстепенное вниманіе. Мы займемся разборомъ перваго рода источниковъ. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ нами литературныхъ памятникахъ Фотій представляется человѣкомъ крайне ненавистнымъ. Вездѣ о немъ говорится рѣзко, съ явнымъ недоброжелательствомъ, и вездѣ его личность подвергается самымъ язвительнымъ оскорбленіямъ. Причина понятна. Всѣ эти памятники писаны игнатіянами, и притомъ, по большей части, такими, которые принимали самое близкое и непосредственное участіе въ борьбѣ съ великимъ патриархомъ.

(1) Ibid. въ двухъ редакціяхъ: латинской р. 763 и греческой р. 1025.

(2) Ibid. р. 1140. Τόμος περιέχων ἐν συντόμῳ τὴν εὐδοκίαν συνόδων γεγραμμένης ἐν τῷ δεξιῷ ἐπιπέδῳ τῆς μεγάλης Βασιλικῆς.

(3) Ibid. р. 1133. Ἐπιπέδων δεξιῶν, πόλλῃς (ποσῆς) οἱ σταθροσπάται τοῦ ἰδίου σταθροῦ ἤθεσαν. Мы уже замѣтили, что нѣкоторые приписываютъ этотъ отрывокъ Никитѣ Пафлагонскому.

(4) Ibid. р. 913.

(5) Symeonis Magistri Annales, изд. Бювское, помѣщенное въ одномъ томѣ съ Theorian. Continuat. р. 603. Есть еще нѣсколько другихъ враждебныхъ Фотію писателей, гораздо впрочемъ позднѣйшихъ, которые находились подъ вліяніемъ вышеназванныхъ авторовъ. Таковы по преимуществу: Константинъ Манасси (Σύνοψις ἱστορίῃ, см. стихъ 5134) и Ефремъ Монахъ (см. стихъ 10030).

Мы знаемъ, какъ сторонники одной партіи въ Византіи отзывались объ административныхъ лицахъ противной партіи и въ какой мѣрѣ они въ этомъ случаѣ достовѣрны. Странно было бы и ожидать отъ игнатіянъ другаго по отношенію къ Фотію; странно было бы считать ихъ отзывы о Фотіѣ воплѣя достовѣрными, минуя всякіе критическіе разборы. Тѣмъ не менѣе было бы слишкомъ односторонне во всемъ оспаривать достовѣрность этихъ памятниковъ лишь на томъ основаніи, что они принадлежатъ партіи враждебной Фотію. Бываютъ и противники честные, которые, даже при самомъ фальшивомъ взглядѣ на вещи, заслуживаютъ въ извѣстномъ отношеніи вѣроятія. Въ подобномъ случаѣ дѣло историка — сдѣлать надлежащую оцѣнку тѣмъ или другимъ воззрѣніямъ того или другаго противника, но никакъ не заподозривать его правдивость. Къ сожалѣнію, названные нами памятники нерѣдко сами себя обличаютъ, бросая невыгодную тѣнь на пхъ сочинителей. Намѣренное искаженіе фактовъ иногда слишкомъ рѣзко бросаются въ глаза, такъ что объ этихъ писателяхъ Ганке справедливо замѣтилъ: *Ignatiani, quoniam rerum multarum circumstantias, quas melioribus e monumentis haurire licet, speciosis fallaciis plane corruptas proferunt, contra Photium testes inimici, jure suspecti censentur* (1). Исключеніе составляетъ развѣ Симеонъ Магистръ—не смотря на все диковины и басни, которыя онъ рассказываетъ о Фотіѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только внимательно рассмотреть эти памятники.

(1) Hænke, liber de byzantin. rerum scriptoribus. Lipsiæ 1677. § 34. это мѣсто приводится у Икономоса въ *Αμφιλόγιον* пролеγομένου, σελ. 1ε.

Возьмемъ прежде всего самый ранній по времени памятникъ—записку Θεогноста. Этотъ Θεогностъ, по свидѣтельству Стилiана (Hagd. t. V, p. 1124), тайно бѣжалъ въ Римъ, въ свѣтскомъ костюмѣ, послѣ осужденiя св. Игнатiя на соборѣ перво-второмъ, и въ это время представилъ папѣ упомянутую записку. Западныя писатели приписываютъ ее самому Игнатiю, потому что она имѣетъ форму письма отъ Игнатiя къ Николаю. Но нѣкоторые изъ восточныхъ приписываютъ ее исключительно Θεогносту, — во первыхъ, на томъ основанiи, что Стилiанъ, рассказывая о бѣгствѣ Θεогноста въ Римъ, не упоминаетъ объ отправкѣ съ нимъ письма отъ Игнатiя, а говоритъ только, что Θεогностъ сообщилъ Николаю обо всемъ, что сдѣлано было противъ Игнатiя: *καὶ τὰ κατὰ Ἰγνατίου διδάσκει* (Θεογνοστὸς) *τὸν ἁγιώτατον πάτριον Νικόλαον*, — во вторыхъ на томъ, что никто изъ константинопольскихъ патрiарховъ никогда не обращался къ римскимъ епископамъ съ такимъ титуломъ, какой мы встрѣчаемъ въ этой запискѣ, и что самъ св. Игнатiй въ своемъ письмѣ къ папѣ Николаю вовсе не величаетъ его титуломъ владыки нашего и патрiарха всѣхъ престоловъ, а напротивъ называетъ его только папою древняго Рима, своимъ любезнымъ братомъ и сослуживцемъ (Horduin. t. V, p. 1037). Кромѣ того несправедливо, встрѣчающiяся въ этой запискѣ, явнѣе всего показываютъ, что она написана въ Римѣ самимъ Θεогностомъ, пользовавшимся безусловною довѣренностiю св. Игнатiя. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на папу, Θεогностъ всячески ему льститъ, и эту недостойную лесть влагаетъ въ уста Игнатiя. Дѣло представляется такъ, будтобы св. Игнатiй,

вмѣстѣ съ десятию митрополитами, пятнадцатью епископами, игуменами и пресвитерами, и безчисленнымъ множествомъ иноковъ (*αρχιερέων κληρικών ἁγίων*), обращаясь къ *всесвятѣйшему владыкѣ и блаженнѣйшему предсѣдателю и патриарху всѣхъ престоловъ*, преемнику первоверховнаго апостола и вселенскому папѣ римскому, къ его святѣйшимъ епископамъ и къ премудрой церкви римской (1), жалуется на гоненія и жестокія преслѣдованія со стороны власти константинопольской, и проситъ папу вступиться за него и отомстить за неправду, слѣдуя доблестному примѣру предшественниковъ папы—Фабіана, Юлія, Иннокентія, Льва и всѣхъ тѣхъ, которые мужественно боролись за истину. Въ этой же запискѣ изложенъ ходъ дѣла изложенія Игнатія на такъ называемомъ перво-второмъ соборѣ. Такъ какъ акты этого собора до насъ не дошли, то западные писатели судятъ о немъ на основаніи этой записки и описанія его, сдѣланнаго Никитою, и съ этой-то стороны она особенно и интересуется ихъ. Θεοσιότης пишетъ, что «соборъ (который въ запискѣ называется не иначе, какъ судилищемъ Καίσαρι) призвалъ св. Игнатія защищаться отъ обвиненій, введенныхъ противъ него. Игнатій сначала отказывался явиться, требуя папскаго суда надъ собою, потомъ согласился и спросилъ соборъ: явиться ли ему въ качествѣ инока осужденнаго, или въ качествѣ патриарха, имѣющаго быть судимымъ, то есть, въ монашескомъ-ли одѣяніи, или патриаршемъ. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ приказаніе—явиться такъ, какъ со-

(1) Τῷ θεσιότη τῶν ἁγίων ἀρχιερέων καὶ κληρικών καὶ πατριάρχῳ πάντων τῶν θρόνων καὶ τοῦ κορυφαίου διαδόχου καὶ βικιντικῷ Νικολᾶφ πάπα καὶ τοῖς ἄλλοις ἀγίοις ἐπισκόποις καὶ πάσι τῇ σοφωτάτῃ τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίᾳ κτλ.

чтеть приличнымъ для себя. Игнатій отправился на соборъ въ патриаршемъ облаченіи; но на пути посланные царя и собора сняли съ него священную одежду съ жестокими, конечно, укоризнами, и привели на соборъ въ видѣ инокъ. Императоръ Михаилъ, вмѣстѣ съ Вардою присутствовавшей на этомъ соборѣ, сталъ осыпать его оскорбленіями, и когда, — послѣ краткаго заявленія Игнатія, что эти оскорбленія все же легче мученій, которыя онъ потерпѣлъ, — царскій гнѣвъ смягчился, Игнатія посадили на деревянной скамьѣ. Затѣмъ Игнатій, обратившись къ римскимъ легатамъ, спросилъ ихъ о причинѣ прибытія въ столицу и узналъ, что они прибыли съ цѣлію судить его, а на вопросъ его, есть ли у нихъ письмо къ нему отъ папы, они отвѣтили — нѣтъ, потому что они прибыли къ нему не какъ къ патриарху, а какъ къ лицу, осужденному его же собственнымъ соборомъ. Игнатій сказалъ имъ: удалите прелюбодѣя (т. е. лже-епископа, занявшаго кафедру при жизни законнаго епископа, — Фотія) изъ собора; въ противномъ случаѣ вы — не судьи. Этимъ легаты вынуждены были указать на императора и сказать: онъ такъ хочетъ. Вслѣдъ за тѣмъ приверженцы царя убѣждали Игнатія, подъ разными угрозами, добровольно отказаться отъ престола. Но Игнатій былъ непреклоненъ. Тогда царскіе сторонники стали упрекать приверженцевъ Игнатія въ томъ, что они теперь признаютъ его патриархомъ послѣ того, какъ сами представили отъ него отреченіе (1). На эти упреки сторонники Игна-

(1) Διό και πρὸς τοὺς μητροπολίτας ἑστράφησαν, ἄλλους ἄλλων διαβάλλοντες καὶ ἀπειθόμενοι, ὅτι τὴν ἀπόταξιν τὴν ἑρῆν τὰχα αὐτοὶ ἔφερον καὶ πῶς πάλιν ζητοῦσι μὲ πατριάρχην;

тія отвѣчали, что они тогда, въ виду царскаго гнѣва съ одной стороны и волненія толпы — съ другой, предпочли легчайшее, т. е. подчинились царскому гнѣву (1), и стали требовать возвращенія Игнатію престола. Сторонники царя стали вновь просить Игнатія о добровольномъ отреченіи, но также безуспѣшно. Спустя нѣсколько дней, опять приглашали Игнатія на соборъ, и онъ опять отказался явиться, требуя, чтобы отдали его на судъ папы. При этомъ онъ послалъ сказать легатамъ, что, такъ какъ они не удаляютъ Фотія изъ собора и такъ какъ они приняли отъ Фотія подарки, то онъ не признаетъ ихъ своими судьями. Сторонники же его просили легатовъ прочесть письма, посланныя Игнатіемъ къ папѣ, гдѣ онъ ссылается на письмо папы Иннокентія по дѣлу Златоуста и на 4-е правило сардикійскаго собора, по которому низложенный епископъ, подавшій аппелляцію римскому престолу, имѣетъ законнаго преемника себѣ не прежде, какъ когда дѣло разсмотрѣно будетъ папою. Не смотря на это, соборъ все-таки требовалъ къ себѣ св. Игнатія. Явившись на соборъ, Игнатій обличилъ отцовъ собора въ незнакоміи церковныхъ правилъ, такъ какъ они призвали его не чрезъ епископовъ, а чрезъ діакона и мірянина. Не имѣя ничего сказать на это, сторонники царя выставили свидѣтелей, которые готовы были утверждать, что Игнатій возведенъ въ патріархи не по единогласному избранію епископовъ. Тогда Игнатій спросилъ ихъ, кто они такіе, — кто имъ повѣритъ, и какое правило даетъ царю право выставять свидѣтелей? Если я не епископъ — ска-

(1) Τὸ δὲ βασιλικὸν ὄραμα καὶ τῆς τοῦ πληθόνος ἐπιπικτασίας, τὸ κορυφαίον ἐξελήλυθα τότε.

залъ онъ—то, стало быть, и ты не царь, и эти—не епископы, и самъ Фотій (μοιχῆς) не епископъ, потому что вы всё посвящены моими недостойными руками и молитвами. Епископы и на это не нашлись ничего сказать. Игнатій далѣ замѣтилъ, что Фотій не принадлежитъ къ церкви (то есть, былъ отлученъ) и что онъ принялъ посвященіе отъ отлученнаго епископа, и упрекалъ Фотія за то, что Фотій нарушилъ свое письменное обѣщаніе—ничего не дѣлать безъ вѣдома его, Игнатія, и быть къ нему въ такомъ же отношеніи, въ какомъ сынъ находится къ отцу,—прибавивъ, что Фотій предалъ его анаемѣ. На все это Фотій ничего не отвѣчалъ. Спустя десять дней, соборъ опять вызвалъ Игнатія и представилъ противъ него свидѣтелей, утверждавшихъ, что Игнатій поставленъ въ патриархи неправильно, и вслѣдъ за тѣмъ осудилъ его» (1).

Такимъ образомъ, по этой запискѣ, св. Игнатій своими доводами окончательно торжествуетъ надъ соборомъ, такъ что всё члены собора и самъ царь являются предъ нимъ людьми жалкими и безсильными. Въ самомъ дѣлѣ, ни Фотій, ни кто другой изъ его приверженцевъ, не говорятъ ни слова на этомъ

(1) Никита прибавляетъ къ этому, что соборъ прихвѣнилъ къ Игнатію XXX правило апостольское, по которому епископъ, достигшій церковнаго сана посредствомъ свѣтской власти, низвергается, и что на этомъ соборѣ, въ глазахъ царя, надѣли на Игнатія разорванное и грязное облаченіе и митру и потомъ сорвали ихъ съ него, съ общимъ крикомъ: ἀνάθεμα. На другой день одинъ изъ мучителей, послѣ многихъ мученій, взявъ его за руку и насильно начертилъ ею форму креста на хартии, которую и поднесъ Фотію, написавшему слѣдующія слова: «Игнатій, недостойный патриархъ константинопольскій, признаю, что я былъ поставленъ въ патриархи неправильно и что въ эти годы я былъ не святителемъ, а тиранномъ». (Apud Harduin. t. V. Vita Ignatii p. 969.

соборѣ. Какбы обезсиленные неопровержимыми доводами св. Игнатія и поставленные въ неловкое положеніе, они предоставляютъ однимъ лжесвидѣтелямъ говорить за себя. Какое блестящее доказательство невинности св. Игнатія и виновности Фотія! На долю римскихъ легатовъ выпала также самая незавидная роль. Игнатій сразу ставитъ ихъ въ противорѣчіе съ самими собою и сразу приводитъ ихъ въ затрудненіе. На доводы Игнатія они ничего не могли сказать и вынуждены были указать на императора и смиренно сказать Игнатію: такъ онъ хочетъ! Но можно ли вѣрить всему этому? Если дѣло осужденія Игнатія на соборѣ шло дѣйствительно такъ, какъ оно изложено въ этой запискѣ (и у Никиты); то акты этого собора послужили бы лучшимъ обвиненіемъ противъ Фотія и его приверженцевъ, которые, конечно, и должны были позаботиться объ уничтоженіи ихъ. Однако этого не было. Фотій не только не уничтожилъ ихъ, но отправилъ ихъ въ Римъ, и не фотіане, а игнатіане уничтожили ихъ. Спрашивается, зачѣмъ они сдѣлали это, когда въ нихъ заключалось самое лучшее оправданіе Игнатія? Очевидно, что Θεогность намѣренно искажаетъ факты и представляетъ дѣло въ благопріятномъ для игнатіанъ свѣтѣ. Кроме того, въ этой запискѣ въ уста св. Игнатія влагаются ложь, и дѣло представляется несообразно съ характеромъ его. Въ самомъ дѣлѣ, Игнатій возражаетъ противъ того, что онъ избранъ былъ не всеми епископами единогласно. между тѣмъ какъ многіе изъ самихъ игнатіанъ увѣряютъ, что многіе были недовольны избраніемъ его, а другіе изъ нихъ показываютъ, что были и такіе между епископами, которые также

разсчитывали на патріаршество и соперничали съ нимъ. Далѣе, Игнатій прямо говоритъ, что «если я— не епископъ, то и ты не царь, и эти (члены собора) не епископы, не исключая и самого Фотія, потому что вы всѣ посвящены моими собственными руками и молитвами». Это также ложно; потому что многіе изъ епископовъ были посвящены не Игнатіемъ, и тѣмъ болѣе самъ Фотій не отъ него получилъ посвященіе. Конечно, здѣсь Игнатій какбы невольно признаетъ правильнымъ посвященіе Фотія, избраннаго всѣми епископами, не исключая и посвященныхъ самимъ Игнатіемъ; но тотчасъ же онъ впадаетъ въ противорѣчіе, говоря, что Фотій — незаконный патріархъ, потому что былъ въ числѣ отлученныхъ имъ. Однако на это противорѣчіе ни Фотій, ни кто иной не возражаетъ. Спрашивается опять, правдоподобно ли это, и не явно ли здѣсь пристрастіе и уклоненіе отъ дѣйствительности?

Только въ одномъ мѣстѣ записки мелькаетъ истина,—именно въ томъ, гдѣ члены собора обличаютъ игнатіанъ, что они сами представили собору отреченіе Игнатія, и упрекаютъ ихъ за то, что, не смотря на это, они признаютъ его патріархомъ. Замѣчательно, что игнатіане не отрицали этой улики. Отсюда видно, что со стороны Игнатія сначала дѣйствительно послѣдовало отреченіе, согласно съ тѣмъ, какъ императоръ Михаилъ писалъ о томъ къ папѣ (1). По всей вѣроятности, соборъ выставилъ противъ Игнатія между прочимъ и это обстоятельство, то есть, желаніе взять назадъ свое отреченіе и не

(1) Ep. Nicol. I, apud Labbeum t. VIII, p. 268.

признавать Фотія патріархомъ; потому что это обстоятельство разжигало страсти и увеличивало волненіе въ столицѣ. И такъ можно судить, въ какой мѣрѣ эта записка заслуживаетъ вѣроятія!

Тѣмъ же враждебнымъ характеромъ и тою же недобросовѣстностію запечатлѣны и дошедшія до насъ письма Митрофана смирискаго и Стиліана неокесарійскаго (1). Ихъ ненависть къ Фотію доходитъ до того, что они отказываютъ ему даже въ названіи христіанина. И тотъ и другой увѣряютъ, что Фотій былъ схизматикомъ еще до своего поставленія (что впрочемъ не мѣшало имъ признавать его законнымъ патріархомъ въ теченіе болѣе 40 дней), и оба они превратно передаютъ событія, въ которыхъ сами непосредственно участвовали, начиная съ первыхъ обстоятельствъ избранія и посвященія Фотія.

Впрочемъ, намѣренно извращая истину, они часто противорѣчатъ другъ другу и другимъ писателямъ одного съ ними лагеря. Такъ, во первыхъ, они говорятъ, будто Фотій былъ избранъ только по настоянію власти и вопреки желанію всѣхъ епископовъ, тогда какъ Никита напротивъ говоритъ, что епископы, обязавшіеся клятвою не отступать отъ св. Игнатія, и весь синклитъ—долго совѣщались между собою, обращаясь во всѣ стороны, пока наконецъ не избра-

(1) Митрофанъ смирискій, такъ же, какъ и Стиліанъ, былъ однимъ изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ Фотія и пользовался самою жалкою павѣстностію, будучи еще свѣтскимъ. По утвержденію некоторыхъ, это тотъ самый Митрофанъ, который, вмѣстѣ съ своею, подкупленною врагами святаго Меодія, матерью, самымъ безстыднымъ образомъ обвинялъ св. патріарха въ преступной связи съ нею. Эту клевету св. Меодій опровергъ очевиднѣйшимъ образомъ. (Genes. Regum L. IV, p. 83: *ὁὐ τὸ εἶς ἀσθεὶς τευθέωνι βίβη Μιτροφάνη τῷ κατὰ καρδίαν τῶν πατρῶν προέβρετται Σπυριδίου πόλεως ὑπετάξασται. Cf. Theophanis L. IV, p. 158).*

ли архіереємъ царствующаго града—Фотія, протоспа-
 еарія и перваго совѣтника (¹). Почти тоже самое
 говоритъ и авторъ «крестопопрателей», свидѣтельствуя,
 что преданные Игнатію епископы избраніемъ другаго
 патріарха поиради свои кресты «*ἡμετέρας τῶς σταυροῦς
 ἕλπις*» (²). Митрофанъ и Стиліанъ противорѣчатъ другъ
 другу даже и въ этомъ. По словамъ Митрофана вы-
 ходитъ, что епископы, не соглашавшіеся на избраніе
 Фотія, постепенно стали переходить на сторону Варды,
 предлагавшаго Фотія, и противъ избранія послѣдняго
 высказались только пять епископовъ, но и эти согла-
 сались, какъ только получили отъ Фотія записку о
 гарантіи чести Игнатія. Стиліанъ же говоритъ, что
 Фотій былъ избранъ схизматиками (то есть, партією
 Григорія сиракузскаго) и что другіе епископы стали
 переходить на его сторону уже тогда, когда онъ сдѣ-
 лался патріархомъ (³). Насколько вѣрно говоритъ этотъ
 Стиліанъ, видно и изъ его словъ, по которымъ Фотій
 въ одинъ будтобы день прінялъ всѣ степени священ-
 ства «*ἅλῃς ἐρεβός*», чего совсѣмъ не было. Это, ко-
 нечно, со стороны Стиліана не ошибка, происшед-
 шая отъ незнанія дѣла, а намѣренная ложь, потому
 что событія, о которыхъ онъ говоритъ, соверша-
 лись на его глазахъ. Во вторыхъ, Митрофанъ пишетъ,
 будто Фотій, послѣ осужденія и ссылки Игнатія,
 отправилъ посольство въ Римъ къ папѣ Николаю
 для осужденія Игнатія. — представляя все въ благо-
 приятномъ для себя свѣтѣ (⁴). Между тѣмъ извѣстно,

(¹) Vita Ignatii, Harduin t. V, p. 960.

(²) Ibid. p. 11:3.

(³) Ibid. p. 1121—1123.

(⁴) Ibid. t. V, p. 1113.

что Фотій отправилъ въ Римъ только общительное посланіе по обычаю. Стилианъ же говорить, что Фотій просилъ папу прислать легатовъ въ Константинополь для повѣрки дѣла Игнатія (1), — что также невѣрно. Въ третьихъ, рассказывая о прибытіи легатовъ въ Константинополь, Митрофанъ говорить, что они, спустя уже восемь мѣсяцевъ, поддались видамъ Фотія, уступая его угрозамъ и подаркамъ. Замѣтимъ, что этотъ срокъ самъ папа Николай сокращаетъ во сто дней. Объ угрозахъ и подаркахъ со стороны Фотія говорить и Стилианъ. По увѣренію же Никиты, Фотій только подкунилъ ихъ, но ничѣмъ имъ не угрожалъ. А Анастасій Библиотекаръ не упоминаетъ ни объ угрозахъ, ни о подаркахъ, и объясняетъ согласіе легатовъ на осужденіе Игнатія лишь незнаніемъ ими греческаго языка. Долго останавливаться на этихъ двухъ личныхъ врагахъ патріарха Фотія не стоитъ. Заслуживаютъ нѣкотораго вниманія только слова Митрофана о константинопольскомъ соборѣ 867 года, осудившемъ папу Николая, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, за неимѣніемъ подлинныхъ соборныхъ актовъ, западные писатели замѣтствуютъ у Митрофана и Анастасія Библиотекаря. Фотій, по словамъ Митрофана, оскорбляясь образомъ дѣйствій въ Болгаріи римскихъ легатовъ, которые вновь миропомазывали новообращенныхъ миссіонерами Фотія, — сочинилъ (*ἠνεκλάσε, συνέταξε*) соборъ, состоявшій якобы изъ безчисленнаго множества епископовъ, въ присутствіи мѣстоблюстителей восточныхъ патріарховъ и съ императоромъ Михаиломъ и кесаремъ Василиемъ во гла-

(1) Harduin. t. V p. 1124.

въ. На этомъ соборѣ Фотій представилъ будтобы обвинителей, которые предложили на обсужденіе собора обвинительные пункты противъ папы Николая, а самъ, вмѣсто того, чтобы обвинять папу, сталъ какбы его защитникомъ и, защищая его, показывалъ видъ, будто долженъ былъ уступить силѣ очевидныхъ доказательствъ. Соборъ призналъ будтобы папу Николая виновнымъ въ безчисленныхъ, конечно мнимыхъ, преступленіяхъ и подвергъ анаемѣ какъ его, такъ и тѣхъ, кто сталъ бы имѣть съ нимъ общеніе. На этомъ соборѣ, говоритъ далѣе Митрофанъ, западный императоръ, Людовикъ II, (въ первый разъ) былъ признанъ греками въ санѣ императора, супругъ его Ингельбергъ дано названіе августѣйшей, и затѣмъ Фотій отправилъ къ ней льстивое письмо, прося ее убѣдить своего мужа изгнать изъ Рима папу Николая, какъ осужденнаго вселесскимъ соборомъ. Сочинивъ соборъ, Фотій долженъ былъ поддѣлать, конечно, и подписи членовъ собора. — Такія нелѣпости вымышляетъ Митрофанъ. Впрочемъ объ этомъ соборѣ и пресловутыхъ поддѣлкахъ Фотія у насъ рѣчь будетъ впереди. Теперь замѣтимъ только, что Никита Пафлагонскій, говоря объ этомъ соборѣ, рассказываетъ, что Фотій не провозгласилъ Людовика II императоромъ, а только обѣщалъ признать его въ этомъ достоинствѣ подъ условіемъ, если онъ рѣшится изгнать папу изъ Рима (1). Анастасій же Библіотекаръ, упоминая объ этомъ соборѣ, ни слова не говоритъ о посольствѣ къ Людовику II. Молчаніе другихъ писателей, при разногласіи Никиты и Митрофана, даетъ право

(1) Harduin. Vita Ignatii p. 981.

усумниться въ дѣйствительности указаннаго событія, тѣмъ болѣе, что византійскіе императоры не только въ эту эпоху, но и позже, титулъ императора ревниво и исключительно приписывали только себѣ, называя западныхъ императоровъ не иначе, какъ королями (*сѣгуас*, *reges*). Обвиненіе же Фотія въ поддѣлкѣ подписей становится для насъ весьма понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что Митрофанъ написалъ посланіе Мануилу послѣ собора 869 года, на которомъ самъ онъ присутствовалъ. На этомъ соборѣ признано, что Фотій сочинилъ не только соборъ, но и самыя подписи, а потому и Митрофанъ не могъ иначе и писать о немъ. Но правъ ли былъ соборъ въ этомъ отношеніи и съ чьей стороны былъ подлогъ,—со стороны ли Фотія, или со стороны самого собора,—мы это увидимъ.

Впрочемъ нельзя не замѣтить, что у Митрофана иногда, при всей его неправдивости ⁽¹⁾, яснѣе проглядываетъ истина, чѣмъ у Стилиана; потому что онъ, какъ мы уже видѣли, не скрываетъ ни того,

(1) Въ заключеніе своего письма къ Мануилу Патрицію Митрофанъ говоритъ: «неужели ты думаешь, что человекъ, осужденный пятью соборами, по причинамъ важнымъ и беззаконіямъ великимъ, и отосланный къ діаволу, заслуживаетъ названія христіанина и можетъ быть Пожитимъ священнослужителемъ, да еще—занимать высшую степень священства? Фотій былъ низверженъ и преданъ анаемѣ 1) всѣми константинопольскими епископами (т. е. игнатіанами, когда онъ нарушилъ свое письменное обѣщаніе; 2) римскою церковію, когда онъ писалъ къ папѣ Николаю (т. е. очевидно, когда онъ отправилъ общительную грамоту); 3) тою же церковію, когда Редонвальдъ и Захарія возвратились въ Римъ (изъ Константинополя, и сами были низвержены; 4) римскимъ соборомъ, созваннымъ папою Адрианомъ; 5) осемью вселенскимъ соборомъ въ Константинополѣ». Такимъ образомъ и здѣсь, въ дѣлѣ вопіющемъ, Митрофанъ не удержался отъ наипрѣнейшей лжи, сказавъ, что Фотій былъ преданъ анаемѣ папою Николаемъ въ ту пору, когда отправилъ къ нему свое общительное посланіе.

что Игнатій предоставилъ епископамъ избрать другаго вмѣсто себя, ни того, что игнатіане первые предали своего новаго патріарха анаѳемѣ, затѣявъ такимъ образомъ мятежь противъ властей. Письмо же Стиліана обличаетъ въ немъ человѣка, не знающаго предѣловъ своей злобы и совѣмъ забывшаго о совѣсти. Озлобленіе его противъ Фотія доходитъ до того, что онъ, между прочимъ, не стыдится обвинять его въ подсылкѣ убійцы (¹) для сокращенія жизни св. Игнатія, лежавшаго уже на одрѣ восьмидесятилѣтняго старца. Біографъ св. Игнатія, Никита, возведшій на Фотія такъ много небывлицъ, удержался однако отъ этой клеветы, замѣтивъ, что Игнатій скончался мирно въ глубокой старости (²). Интересно еще, какъ Стиліанъ объясняетъ возвращеніе Фотія изъ ссылки. По его словамъ, Фотій находился будтобы въ дружбѣ съ волхвомъ Саптаваринномъ, котораго онъ произвелъ въ священники и который, своими магическими дѣйствіями обуявъ умъ императора, расположилъ его къ Фотію, вслѣдствіе чего Фотій и былъ возвращенъ изъ заточенія (³). Однако извѣстно, что Саптаваринъ, человѣкъ ученый, сдѣлался приближеннымъ императора, спустя много времени послѣ возвращенія Фотія изъ ссылки (⁴). Не менѣе наконецъ интересно и обвиненіе Фотія въ томъ, будто онъ угрозами и подарками заставилъ

(¹) Περὶ τούτου ἄνδρας, γούρας τε καὶ ἀπατεώνας συνέλαχε, καὶ σφοδρῆτος φροσῆς πλαστῆρονος. τὸν... Ἰγνατίου τῆς ζωῆς δυστήνας ἀπαλλαγῆναι παρασκεύασε p. 1124.

(²) Nicetas, Harduin t. V, p. 993. Ἐν ἐπιπέδῳ δὲ ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐκκοιμήθη καὶ ὤκνωσε, εἰς χεῖρας Κυρίου τὸ πνεῦμα παραδόμενος κ. τ. λ. Ὁ γδοηχόστον δὲ ἤδη γεγονώς ἔτος.

(³) Hard. t. V, p. 1125.

(⁴) Sym. Magistr. p. 694.

посланныхъ Іоанномъ VIII къ умершему уже Игнатію легатовъ объявить всѣмъ въ столицѣ, что они прибыли анаеematствовать Игнатія и возстановить Фотія на патриаршемъ престолѣ (тогда какъ изъ посланія папы Іоанна VIII къ Фотію (1) ясно видно, что папскіе легаты, Павелъ и Евгеній, вошли съ Фотіемъ въ общеніе только тогда, когда получили повелѣніе отъ самого папы), и что послѣ того Фотій составилъ будтобы письмо какбы отъ имени Игнатія и епископовъ его партіи къ папѣ о признаніи его, Фотія, въ санѣ патриарха. Ложность этого обвиненія признана даже самими католиками, въ томъ числѣ и Гергенретеромъ. Подобнаго рода выдумки, очевидно, нужны были Стилиану для оправданія, съ его точки зрѣнія, папы Іоанна VIII въ принятіи Фотія въ церковное общеніе. Пикита также представляетъ папу Іоанна VIII обманутымъ письмами, посланными ему, но не отъ имени Игнатія, какъ увѣряетъ Стилианъ, а отъ однихъ только епископовъ, которыхъ печати Фотій будтобы досталъ чрезъ секретаря Петра, а собственноручныя подписи обманно выманилъ, такъ что они не знали, къ чему подписались (2). Замѣчательно, что обвиненіе Фотія въ подлогахъ касается исключительно такихъ памятниковъ, которые немедленно были уничтожаемы самими игнатіянами. Не слѣдовало ли лучше игнатіянамъ сберечь эти памятники въ доказательство виновности Фотія, если онъ точно былъ виновенъ? Игнатіяне уничтожили эти памятники—потому, конечно, что они доказывали не виновность, а правоту ихъ

(1) Hard. t. V, p. 1008.

(2) Harduin. t. V, p. 1185.

противника. Вообще всё недѣлости, которыя Стиліанъ рассказываетъ о Фотіѣ, подтверждаютъ только нашъ о немъ отзывъ (1).

(1) Вотъ содержаніе Стиліанова письма: «по наущенію доброненавистника, Григорій Асвестъ, Евламіи, Петръ и др. возстали противъ патріарха Игнатія и привнесли раздѣленіе между членами Христовой церкви. Послѣ тщетныхъ соборныхъ увѣщаній, Игнатій подвергъ ихъ изложенію и анаемъ. Они снарядили депутацію къ римскому папѣ Льву, жалуюсь на Игнатія; но папа, убѣдившись въ виновности ихъ отъ монаха Захарія, нарочито посланнаго Игнатіемъ въ Римъ, также осудилъ ихъ какъ схизматиковъ. Папа Левъ скоро умеръ, и Григорій съ своими послѣдователями обратился къ суду папы Бенедикта; однако и тотъ, по тщательномъ изслѣдованіи дѣла, подтвердилъ осужденіе ихъ Игнатіемъ. Эти-то схизматики, нѣсколько времени спустя, съ содѣйствіемъ нѣкоего схизматика Фотія, занимавшаго государственную должность при Вардѣ, который также былъ обличаемъ Игнатіемъ въ незаконномъ сожительствѣ (ἀσχευαίσις), низвергли Игнатія съ престола, прилекли на свою сторону царя, который на мѣсто Игнатія и возвелъ Фотія, избраннаго схизматиками и рукоположеннаго Григоріемъ въ одинъ день (ἀποθῆρας). Тогда архіереи, высшіе члены клира и высокопоставленныя лица въ церкви, въ томъ числѣ и самъ Стиліанъ (ἐν οἷς καὶ ὁ στυλιανός) отдѣлились вслѣдствіе такого антиканоническаго поставленія схизматика. Но Фотій угрозами, насиліемъ и подарками, привлекъ на свою сторону многихъ, а за тѣмъ далъ подписку никогда не осуждать ни Игнатія, ни правильности его священства. Однако, недолго спустя, нарушивъ свое письменное обѣщаніе, Фотій созвалъ въ храмѣ св. апостоловъ соборъ и осудилъ Игнатія, предавъ его анаемъ. Затѣмъ, желая упрочить свое положеніе, съ согласія царя онъ отправилъ пословъ въ Римъ и просилъ папу Николая прислать легатовъ въ константинопольскую церковь для разсмотрѣнія дѣла Игнатія. Легаты, Родомадъ и Захарій, поддавшись подаркамъ Фотія и угрозамъ царя, нарушили данную имъ отъ папы инструкцію, и на соборѣ константинопольскомъ осудили Игнатія, признавъ возведеніе Фотія. Тогда архимандритъ Феогностъ, движимый ревностію, перодѣвшись въ свѣтское платье, тайно отправился въ Римъ и разъяснял дѣло Игнатія папѣ Николаю, который вслѣдствіе того предалъ низверженію сперва легатовъ своихъ, а потомъ и самого Фотія. Когда затѣмъ царская власть перешла въ руки Василія, тогда этотъ государь, движимый боголюбивою ревностію, утвердилъ рѣшеніе папы, вызвалъ Игнатія изъ ссылки и изложилъ Фотія. При этомъ императоръ отправилъ въ Римъ съ обвинъ сторонъ (Фотія и Игнатія) апокрисіаріевъ, а равно и сочиненные Фотіемъ акты соборнаго осужденія папы Николая. Преемникъ

Что касается Анастасія Библіотекаря, то этот писатель, при всей своей враждебности къ Фотію и при всемъ пристрастіи къ его противникамъ, больше

Николая Адрианъ (II) подтвердилъ осужденіе Фотія. Послѣ того былъ созванъ въ Константинополь вселенскій соборъ, который также осудилъ Фотія. Но Фотій не успокоился: созвавъ людей нечестивыхъ, чародѣевъ, обманщиковъ и клеветниковъ, онъ способствовалъ лашенію жизни преблагеннаго Игнатія. Этого мало, когда еще Игнатій находился на своемъ престолѣ, оглученный и анаематетованный Фотій совершалъ хиротоніи. Военною силою, какъ некогда нечестивый Македоній, онъ захватилъ церковь, когда Стиліанъ и другіе священнослужители совершали соборное служеніе въ храмѣ св. Софіи. Увидѣвъ его, служащіе вышли изъ церкви и оставили литургію недоконченною. Путемъ насилій Фотій заставилъ многихъ епископовъ и священниковъ имѣть съ нимъ общеніе. Но такъ какъ многіе не хотѣли признавать его патріархомъ безъ согласія римскаго престола, то Фотій подарками и угрозами склонилъ къ себѣ Павла и Евгенія, легатовъ папы Іоанна, посланныхъ въ умершему уже Игнатію по дѣлу о болгаряхъ, и побудилъ ихъ объявить нароу и миру, что они посланы для того, чтобы анаематетовать Игнатія и провозгласить Фотія патріархомъ, чѣмъ многіе и были введенны въ заблужденіе. Желая даже обмануть и римскій престолъ, Фотій составилъ посланіе какбы отъ имени Игнатія и его епископовъ, въ которомъ отъ ихъ имени просилъ апостольскій престолъ признать себя законнымъ патріархомъ,—и это посланіе отправилъ въ Римъ. Властѣе того былъ отправленъ изъ Рима въ Константинополь пресвитеръ Петръ, который и объявилъ, что Фотій принятъ римскою церковію въ общеніе. Съ этого времени Фотій сталъ стремиться къ похищенію царской власти. Онъ подружился съ какою-то монашкой, чародѣемъ и волхвомъ, котораго отецъ, по прозванію Сантаваринъ, принадлежалъ къ ереси манихейской и занимался волшебствомъ. Ставъ извѣстель за волхва и боевъ быть схваченнымъ, Сантаваринъ бѣжалъ къ болгарамъ, когда они были еще язычниками, и тамъ отрѣс отъ вѣры христіанской. Сынъ его еще въ молодости былъ отданъ Вардою въ студійскій монастырь и тамъ постриженъ. Когда сынъ Сантаварина выросъ и окрепъ во всякаго рода злодѣяніяхъ; то онъ тѣсно примкнулъ къ имѣвшему одинаковыя съ нимъ склонности Фотію, который и рукоположилъ его въ священники, еще во время царства своего патріаршества. Послѣ осужденія Фотія, этотъ монашекъ, въ интересахъ Фотія, сблизился съ однимъ изъ любимцевъ царя, Никитою, который сталъ представлять царю Сантавариновы чародѣяства и съ помощію ихъ сдѣлалъ ненавистнаго Фотія любимцемъ царя. Такимъ образомъ царь возвратилъ Фотія изъ ссылки, а по смерти Игнатія предоставилъ ему

другихъ разъясняетъ дѣло; и его рассказы о событіяхъ касательно исторіи Фотія, разсматриваемые безотносительно къ его личному взгляду на нихъ, болышею частью въ основѣ своей правдоподобны (1). Анастасій рѣзко нападаетъ на Фотія, но за что? Прежде всего, за его дружбу съ Григоріемъ сиракузскимъ. Мы уже видѣли, что епископъ Григорій сиракузскій стоялъ выше тѣхъ обвиненій, которыя ввозили на него его враги. Не только Анастасій, но и все противники Григорія, при всей ненависти къ нему, не предъявляютъ ни одного достовѣрнаго факта,

и патриаршій престолъ. Питая вѣсть съ Сантаварномъ, котораго Фотій произвелъ уже въ епископы, замыселъ противъ престола, Фотій разсорилъ императора съ собственнымъ его епископомъ Львомъ—для того, чтобы, отстранивъ Льва, по смерти Висигія или захватить престолъ самому вѣсть съ Сантаварномъ непосредственно, или возвестъ на него кого либо изъ близкихъ себѣ людей. Но эти замыслы не удалась: Левъ сдѣлался императоромъ, а Фотій былъ удаленъ. Въ такомъ видѣ рисуется исторію Фотія епископъ неокесарійскій Стиліанъ.

(1) Изъ всехъ сторонниковъ Игнатія и римской церкви Анастасій является самымъ образованнымъ человекомъ. Между письмами Фотія сохранилось одно дружеское посланіе, озаглавленное такъ: Анастасіѣ прѣзбытерѣ хрі̄ зѣлобѣтхаріѣ Рѣмѣ. Изъ этого заключаютъ, что между Фотіемъ и Анастасіемъ существовали когда то даже дружескія отношенія, но когда именно, — судя по этому письму невозможно опредѣлить, потому что неизвѣстно, когда оно написано. Гергенретеръ впрочемъ склоненъ къ тому мнѣнію, что Анастасій дѣйствовалъ въ пользу Фотія при папѣ Юліанѣ VIII, пользовавшись въ то время значительнымъ вліяніемъ, и что, следовательно, это письмо могло быть написано къ нему Фотіемъ послѣ перваго изложенія. Конечно, это одно лишь предположеніе, и притомъ—весьма мало вѣроятное. Гергенретеръ говоритъ, что за неизбѣжнѣ главныхъ вѣдѣль опредѣлить, когда Фотій написалъ это письмо въ Анастасію и какія обстоятельства побудили его къ тому (Gergengöther t. II, p. 229). По нашему мнѣнію, всего вѣроятнѣе, что это письмо написано Фотіемъ еще до перваго своего изложенія. Дружескія отношенія между Фотіемъ и Анастасіемъ были естественны и возможны только тогда, когда они оба, въ молодые годы, дружно трудились на поприщѣ науки, и прежде, чѣмъ Анастасій, оставивъ Константинополь, переехалъ въ Римъ возрѣвными иерикаломъ.

который говорилъ бы противъ него, и не выставляютъ ни одной черты, которая могла бы затмить его почтенный характеръ. Мы уже знаемъ, что въ добавокъ ко всему этому Григорій былъ человѣкъ глубоко ученый, группировавшій около себя людей просвѣщенныхъ или любившихъ просвѣщеніе. Могъ ли ученый Фотій быть съ такимъ человѣкомъ въ какихъ либо другихъ отношеніяхъ, кромѣ самыхъ дружественныхъ? Изъ того, что Игнатій былъ съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждый другой долженъ былъ питать къ нему тѣ же самыя чувства, которыя питалъ св. Игнатій. Анастасій нападаетъ на Фотія именно за то, что онъ вмѣстѣ съ Григоріемъ обвинялъ св. Игнатія въ желаніи очернить память блаженнаго предшественника его св. Меѳодія (1). Это извѣстіе, какъ бы оно ни было отрывочно, проливаетъ много свѣта на обстоятельства того времени. Выше было сказано, что св. Меѳодій велъ продолжительную борьбу съ иноками студійскаго монастыря, и что вскорѣ послѣ этой упорной борьбы онъ скончался. Весьма вѣроятно, что св. Игнатій, будучи еще инокомъ, сочувствовалъ студійцамъ, и что это сочувствіе его къ нимъ, послѣ того, какъ они оказали усердное содѣйствіе возведенію его на патриаршій престолъ, возрасло въ немъ еще болѣе. Кромѣ того, крайне суровое отношеніе св. Игнатія къ свѣтской наукѣ и къ ученымъ (2) могло дать почитателямъ памяти св. Меѳо-

(1) Anastas. praef. Harduin. t. V, p. 750.

(2) Gergelgöther, B. 1, s. 361. „Кажется, говорить Гергенретеръ, Игнатій былъ очень строгъ къ ревностнымъ почитателямъ языческой литературы“. Какая тактика и сдержанность въ выраженіяхъ! Одной ли только языческой литературы? По отношенію къ Фотію и Григорію Гергенретеръ отличается другаго рода приемами.

дія, отличавшагося противоположнымъ направленіемъ, поводъ думать, что Игнатій идетъ вовсе не по стопамъ своего предшественника. Такимъ образомъ недовольство Фотія, еще мірянина, поведеніемъ Игнатія по отношенію къ Меѳодію нисколько не говоритъ противъ Фотія.

Далѣе, Анастасій обвиняетъ Фотія за то, будто онъ, будучи еще міряниномъ, вопреки Игнатію, проповѣдовалъ о существованіи въ каждомъ человѣкѣ двухъ душъ. «За нѣсколько лѣтъ, говоритъ Анастасій, Фотій проповѣдовалъ, что каждый человѣкъ состоитъ изъ двухъ душъ. Когда же Константинъ Философъ, мужъ великой святости и искреннѣйшій его другъ, сталъ порицать за это Фотія и говорилъ ему: для чего, разсѣвая такое ученіе, ты губишь столько душъ; то Фотій отвѣчалъ: не изъ желанія кого либо соблазнить предлагалъ я сказанное, но для испытанія, что сталъ бы дѣлать патріархъ Игнатій, если бы въ его время появилась какая либо ересь, подкрѣпляемая философскими силлогизмами, — Игнатій, который такъ гонитъ всѣхъ любителей свѣтской учености. Впрочемъ я не знаю, чтобы этимъ ученіемъ я дѣйствительно соблазнилъ или сгубилъ кого нибудь. На это Константинъ отвѣчалъ: о суетная и растлѣнная мудрость міра! Ты бросаешь стрѣлы въ массы народа, и не знаешь, сгубилъ ли кого нибудь (1)...» Авторъ Правды вселенской церкви замѣ-

(1) Anastas. præf. in conc. VIII. Harduin. t. V, p. 752 — 753. Ante aliquot annos Photius idem duarum unumquemque hominem animarum consistere prædicabat. Qui quum a Constantino Philosopho, magnæ sanctitatis viro, fortissimo ejus amico, increpatus fuisset, dicenti: cur tantum errorem in populum spargens, tot animas interfecisti? Respondit: non studio quemquam lædendi talia, inquit, dicta proposui; sed

часть: «сколь ни безразсудна такая клевета, она бросаетъ однако нѣкоторый свѣтъ на положеніе об-ихъ патріарховъ и подаетъ поводъ думать, что, можетъ быть, какъ это часто бываетъ, пастырская простота Игнатія... чуждалась всякой внѣшней уче-ности, и потому люди, приверженные къ нему, нена-видѣли Фотія, главу и представителя всѣхъ ученыхъ своего вѣка, какъ весьма губельнаго для церкви по причинѣ глубокихъ познаній... Въ такомъ случаѣ Игнатій и Фотій, не говоря уже объ ихъ различныхъ отношеніяхъ къ Риму, были въ самомъ Константи-нополѣ представителями двухъ совершенно против-ныхъ партій, и этимъ объясняется взаимное ожесто-ченіе ихъ послѣдователей» (1). Надобно однако замѣ-тить, что ненависть игнатіанъ къ Фотію выходила вовсе не изъ благочестивыхъ или церковныхъ побу-жденій. Правда, враги его прикрывались ревностію къ церкви и церковнымъ правиламъ, но ихъ цѣль и стремленіе состояли собственно въ томъ, чтобы до-стигнуть свѣтской и церковной власти въ государ-ствѣ, дѣло же благочестія было для нихъ привходя-

probandi, quid patriarcha Ignatius ageret, si suo tempore qualibet haere- sis per syllogismos philosophorum exerta patesceret, qui scilicet viros exte- rioris sapientiae repulisset; verum ignorari me sub hujus fomite proposi- tionis tot animas fore laesurum. Ad quod ille: o sapientia mundi, quae infatuatur et destruitur! Jactasti sagittas in multitudinem copiosae tur- bae, et ignorasti quemlibet ex his omnibus vulnerandum. Certe omnibus liquet, quia sicut oculi quantumlibet sint magni et aperti, si fumus pa- learum interjaenerit, videre ultra non possunt; ita oculi sapientiae tuae quantumlibet sint amplii et patuli, avaritiae tamen et invidiae fumo peni- tus obcaecati, transitum iustitiae videre non possunt. Ac per id verum est, quod dicis hominem ictu tuo putasse esse laedendum, quum sic ob- caecatum sensum praedictis adversum patriarcham passionibus habens, nec quid emiseris praevidisti.

(1) Правда вселенской церкви, стр. 160.

щимъ. Неосновательная, по всей вѣроятности, исторія семейныхъ отношеній Варды приводила ихъ въ ужасъ; а убійства и злодѣянія, съ помощію которыхъ Василій Македонининъ достигъ царскаго престола, не препятствовали этимъ ревнителямъ церковнаго благочестія ликовать и восклицать, что «сему божественному царю самъ Богъ далъ царство во славу своего имени». Свидѣтельство Анастасія о мнимомъ ученіи Фотія касательно души важно для насъ въ другомъ отношеніи: помимо учености и философскихъ взглядовъ, мы здѣсь видимъ мірянина разумно-благочестиваго, имѣющаго своими искренними друзьями такихъ высокой святости мужей, какъ Константинъ Философъ. Не служитъ ли это опроверженіемъ того мнѣнія, будто Фотій принадлежалъ когда-то къ раскольнической партіи и потому былъ отлученъ св. Игнатіемъ? Гергенретеръ, слѣдуя самому Анастасію Библиотекарю, Стиліану, Митрофану, цайбъ Николаю и другимъ, подобнымъ имъ, утверждаетъ, что Фотій былъ подверженъ отлученію не *nominatim*, а только *implicite* (1), хотя изъ свидѣтельства названныхъ писателей слѣдовало бы вывести заключеніе, что Фотій былъ отлученъ даже *nominatim*. Но если бы это было такъ, то *мужи высокой святости* не обращались бы съ Фотіемъ, какъ съ своимъ искреннѣйшимъ другомъ. Ложное мнѣніе объ отлученіи Фотія Игнатіемъ основывается на дружбѣ Фотія съ Григоріемъ; но на этомъ же основаніи нужно бы утверждать уже, что и Константинъ Философъ, извѣстный просвѣтитель славянъ, былъ также въ числѣ отлученныхъ

(1) Гергенретеръ В. 1. р. 361.

implicite, такъ какъ и онъ былъ искреннимъ другомъ отлученнаго — Фотія.

Анастасій старается заклеить и патриаршее служеніе Фотія, обвиняя его, во первыхъ, въ томъ, что послѣ собора 861 года онъ жестоко преслѣдовалъ всѣхъ, не желавшихъ признать его патриархомъ, что гоненію его подверглись особенно иноки въ своихъ пустыняхъ, такъ что многіе изъ нихъ отправлены были въ ссылку, и проч. (1), — во вторыхъ, въ томъ, что, по его настоянію — всѣ милостыни по завѣщаніямъ шли не иначе, какъ чрезъ его руки, какъ чрезъ руки начальника всѣхъ богоугодныхъ заведеній и судьи завѣщаній, — чего онъ добился будтобы для того, чтобы, несправедливо раздавая благотворительныя суммы, тѣмъ самымъ привлекать всѣхъ на свою сторону, а равно и для того, чтобы самому прослыть благотворителемъ (2). Изъ перваго обвиненія можно заключить только о томъ, что послѣ осужденія Игнатія и въ особенности послѣ того, какъ игнатіане на востокѣ узнали отъ своихъ многочисленныхъ сообщниковъ въ Римѣ, что папа горячо вступился за Игнатія и осудилъ Фотія, — борьба между игнатіанами и фотіанами сдѣлалась особенно ожесточенною. Игнатіане отнюдь не хотѣли тогда повиноваться ни Фотію, ни вмѣстѣ съ тѣмъ гражданской власти, которая съ своей стороны должна была принять строгія мѣры къ удержанію ихъ въ надлежащихъ границахъ. А такъ какъ они имѣли сильную поддержку въ иночествѣ, о злоупотребленіяхъ котораго мы уже говорили, указавъ на правила того же

(1) Anastas. praef. in conc. VIII, — Harduini t. V. p. 752.

(2) Ibidem.

собора—861 года; то и Фотій, какъ патріархъ и притомъ какъ преобразователь монастырской жизни, естественно долженъ былъ принять мѣры противъ непокорныхъ и постановленныя на соборѣ правила касательно иночества примѣнить къ дѣлу. Это примѣненіе новопоставленныхъ соборныхъ правилъ, по нашему мнѣнію, и составляетъ то свирѣпство Фотія противъ иночества, о которомъ говоритъ Анастасій. Что же касается втораго обвиненія, то въ немъ вѣрно только то, что Фотій, въ качествѣ начальника богоугодныхъ заведеній и судьи всѣхъ завѣщаній, принималъ пожертвованія въ пользу этихъ заведеній отъ людей богатыхъ и былъ истолкователемъ и распорядителемъ ихъ воли. Но какъ онъ распоряжался пожертвованіями на церковныя нужды, объ этомъ всего вѣроятнѣе судить, принимая во вниманіе неутомимую дѣятельность Фотія въ дѣлѣ распространенія христіанства и христіанскаго просвѣщенія, а также его заботливость о благотворительныхъ заведеніяхъ, храмахъ и монастыряхъ. Анастасій самъ даетъ понять, что домъ патріарха Фотія былъ школою для молодыхъ людей, которыхъ онъ плѣнилъ своими прекрасными бесѣдами и глубокою ученостію. Эти благородныя и вполне достойныя его занятія Анастасій толкуетъ въ худую сторону, говоря, что Фотій требовалъ отъ своихъ слушателей клятвенной подписки въ томъ, что они всегда согласны будутъ съ нимъ въ вѣрѣ, чѣмъ многіе изъ ихъ родителей будтобы соблазнились, задавая себѣ вопросъ: а что, если патріархъ впадетъ въ ересь, — лучше ли тогда нашимъ дѣтямъ, его ученикамъ, сдѣлаться еретиками вмѣстѣ съ нимъ, или лучше стать клятвопреступни-

ками» (1). Но не трудно понять, что это — недѣлая выдумка, пущенная въ ходъ игнатіанами, именно вслѣдствіе той привязанности къ Фотію его учениковъ, о которой онъ самъ говоритъ, что она была крѣпче иныхъ кровныхъ узъ (2). Если изъ этого и подобныхъ свидѣтельствъ Анастасія выбросить всё прикрасы и искаженія; то они скорѣе послужатъ въ пользу Фотія, чѣмъ противъ него. Наконецъ Анастасій (Vit. rar. Hadriani. apud Labbeum tom. VIII, pag. 888) клеймитъ и соборъ, бывший при Фотіѣ противъ папы Николая, говоря, что изъ 1000 подписей противъ Николая подлинны были только 21. Во первыхъ, трудно сказать, 1000 ли подписей въ дѣйствительности было; потому что акты этого собора, вмѣстѣ съ другими памятниками неблагопріятными игнатіанамъ, были сожжены на соборѣ 869 года; во вторыхъ, какимъ образомъ подлинныхъ подписей могло быть не болѣе двадцати одной, когда извѣстно, что патріархъ Фотій и прежде могъ созвать на соборъ до 318 епископовъ, какъ это было на соборѣ 861 года? Кромѣ того, на соборѣ 867 года присутствовали: императоръ, кесарь Василій Македонянинъ и множество сановниковъ, оскорбленныхъ честолюбіемъ римскаго первосвященника, которые, конечно, всё могли подписать эти акты. Это обвиненіе Анастасія противъ Фотія доселѣ повторяютъ и всё римскокатолическіе писатели. Одинъ Гергенретеръ является на этотъ разъ болѣе снисходительнымъ и голословное обвиненіе Анастасія смягчаетъ милостивымъ замѣчаніемъ, что между подписями ак-

(1) Anastas. praef. in conc. VIII, Harduini t. V, p. 752.

(2) Πυκνώμεν τοῖς φίλοις ὑπὲρ τοὺς συγγενεῖς.

товъ названнаго собора было впрочемъ *много* подложныхъ подписей, какъ будто онъ видѣлъ эти акты, или подписи! Такъ какъ актовъ этого собора до насъ не сохранилось; то необходимо избрать одно изъ двухъ: или вѣрить клеветѣ врага Фотіева, или совершенно отвергать ее.

Иеромонахъ Герасимъ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1873. № 4. С. 738-761.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІИ, ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Продолженіе).

ВІІ. Акты Собора 869 года; трактатъ объ этомъ соборѣ
анонимнаго писателя.

Акты собора 869 года существуютъ нынѣ въ двухъ редакціяхъ латинской и греческой. Нѣкоторые изъ греческихъ писателей утверждаютъ, что ни одна изъ этихъ двухъ редакцій не можетъ быть признава подлинною, главнымъ образомъ потому, что настоящіе акты этого собора, какъ извѣстно, похищены были на пути въ Римъ славянами, а также и потому, что существующіе тексты ихъ значительно разнятся между собою и представляютъ нѣкоторыя несообразности, бросающія тѣнь подозрѣнія въ подлогѣ (1). Впрочемъ

(1) По мнѣнію Экономоса, латинская редакція есть не переводъ съ подлинника, а оригинальное сочиненіе Анастасія Библиотекаря, присутствовавшаго на соборѣ, — сочиненіе, содержащее въ себѣ много искаженій, произвольныхъ прибавленій и убавленій; греческая же есть произведеніе игнатіянина, Впрочемъ болѣе добросовѣстнаго. Φωτίου

нѣтъ особенной надобности разсуждать здѣсь о подлинности или неподлинности этихъ актовъ, равно какъ о томъ, какая редакція предпочтительнѣе и вѣрнѣе, латинская или греческая, потому что, съ одной стороны, обѣ редакціи, если не вполне, то приблизительно, вѣрно представляютъ дѣло, а съ другой—та и другая изъ нихъ одинаково враждебны Фотію, хотя нельзя не замѣтить, что въ греческой сравнительно меньше рѣзкихъ фразъ противъ Фотія, чѣмъ въ латинской. По обѣимъ редакціямъ соборъ одинаково заслуживаетъ порицанія и осужденія. Внимательный читатель безъ особеннаго труда можетъ видѣть, каковъ былъ характеръ его, какимъ духомъ проникнуты были присутствовавшія на немъ лица и какихъ они были достоинствъ. Насильственный характеръ дѣйствій этого собора обнаруживается почти на каждомъ шагу.

Уже на первомъ засѣданіи, состоявшемъ (5 октября 869 г.) изъ 18 членовъ (1), въ присутствіи

Ἀρμόδου, — προδρόμου ρ. ΑΨ. Примѣч. 2. Разность въ обѣихъ редакціяхъ заключается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) Формула, которую долженъ былъ подписать всякій, желавшій засѣдать на соборѣ, въ греческой редакціи короче, чѣмъ въ латинской; въ ней нѣтъ ни слова о преувеличенномъ значеніи римской катедры и о ея непогрѣшимости; 2) въ латинской редакціи означено 27 правилъ, а въ греческой только 14, которыхъ при томъ не вполне сходны съ латинскою редакціею; 3) въ греческой редакціи нѣтъ 12 ямбическихъ стиховъ, помѣщенныхъ въ концѣ 7 засѣданія по латинской редакціи, а только замѣчено, что въ концѣ 7 засѣданія прочтано 12 ямбическихъ стиховъ—весьма некрасивыхъ, т. е. безтолковыхъ. Этой справедливой рецензій нѣтъ въ латинской редакціи; 4) въ концѣ 9 засѣданія въ латинской редакціи помѣщено 17 стиховъ самаго оскорбительнаго для Фотія содержанія; стиховъ этихъ нѣтъ въ греческой редакціи; наконецъ 5) значительныя варіаціи встрѣчаются и въ рѣчахъ отцевъ, присутствовавшихъ на соборѣ.

(1) Присутствующими на этомъ соборѣ были: три римскихъ легата, епископы—Донатъ и Стефанъ съ Мариномъ діакономъ, св. Игнатій, два

императорскаго сановника Ваанеса и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ правительственныхъ лицъ, постановлено, по требованію легатовъ, чтобы епископы и клирики не иначе допускаемы были къ участию въ соборныхъ засѣданіяхъ, какъ подъ условіемъ предварительнаго подписанія формулы, въ которой Фотій и его сообщники преданы анаемъ, Игнатій признанъ законнымъ патріархомъ, а папа Адрианъ — равноангельскимъ, евангельскимъ высшимъ іерархомъ и вселенскимъ папою (1). Поэтому можно судить о томъ,

мнимыхъ мѣстоблюстителя іерусалимской и антиохійской церкви — *Θομα* и *Ιλίου*, пять митрополитовъ и семь епископовъ. Что мѣстоблюстители іерусалимскаго и антиохійскаго престоловъ были подложны и что они признаны были въ качествѣ мѣстоблюстителей по желанію самого императора, — это видно не только изъ писемъ Фотія, который называетъ ихъ «*Ἰερουσαλιμῶν ἀθέων πρέσβεις καὶ ὑπέρβας ἐκ ἀρχιερατικῆς ἁδρας μεταπλάσμενος*» (посл. 161. *Φωτίου ἐπιστολαί*. Лондонъ 1864), но и изъ самыхъ актовъ этого собора. Въ этомъ же засѣданіи прямо сказано, что *Θομα* тирскій, съ дозволенія царя, представлялъ лицо Антиохійскаго патріарха, по причинѣ смерти самого патріарха: *ἐπέουτος τὸν τόπον τοῦ θρόνου Ἀντιοχείας διὰ τὸ ὑπέρβασιν τῆς αὐτῶν ἐκκλησίας* (Hagd t. V. p. 1025). Посему ясно, что онъ не имѣлъ никакой удостоверительной грамоты ни отъ пастырей, ни отъ паствы антиохійскаго патріархата. Что касается *Ιλίου*, то изъ посланія о немъ іерусалимскаго патріарха *Θεοδοσία* къ св. Игнатію видно, что онъ былъ посланъ по приказанію эмира ходатайствовать предъ императоромъ объ освобожденіи плѣнныхъ сарацанъ (ibid. p. 1029), о полномочіи же его для собора — ни слова.

(1) Вотъ содержаніе этой формулы по латинской редакціи (словъ, напечатанныхъ курсивомъ, нѣтъ въ греческой редакціи): «начало всякаго спасенія состоитъ въ томъ, чтобы соблюдать правила вѣры и не уклоняться отъ постановленій отеческихъ: первое относится къ вѣрѣ, второе — къ дѣламъ. Цельзя при этомъ умолчать о словахъ Господа: «ты еси камень, и на семъ камнѣ созижду церковь мою», истину которыхъ засвидѣтельствовалъ опытъ, потому что апостольская каведри всегда непогрѣшимо соблюдала вѣру каволическую. И такъ, чтобы не отдѣлаться отъ нея и слѣдовать правиламъ отцевъ, особенно же возсѣдавшихъ на ней, мы анаематствуемъ всѣ ереси и между ними иконоборческую, анаематствуемъ также Фотія, который, вопреки священнымъ канонамъ, вдругъ изъ придворнаго служенія и мірскаго лагера

какая доля свободы была предоставлена членамъ этого собора. Ваанесь, человекъ, какъ видно, чувствовавшій неловкость подобнаго положенія дѣла, обратилъ вниманіе на несообразность этого требованія и предложилъ римскимъ легатамъ вопросъ: какимъ образомъ они, не выслушавъ оправданій Фотія, осуждаютъ его заочно? На это легаты отвѣтили, что папа Николай, на основаніи посланій Фотія и словъ его легатовъ, осудилъ Фотія заочно, такъ, какъ будто бы Фотій предстоилъ на судѣ. Ваанесь и другіе сановники послѣ того показали видъ, будто они удовлетворились этимъ наивнымъ отвѣтомъ. Затѣмъ, обратившись къ мнимымъ мѣстоблюстителямъ восточныхъ церквей, Ваанесь сказалъ: «вы давно уже въ Константинополь; почему же, имѣя Фотія подлѣ себя, вы не разслѣдовали его дѣла? Мѣстоблюстители на это отвѣтили: «такъ какъ Фотій

былъ возведенъ при жизни Игнатія, святѣйшаго патріарха, на престолъ константинопольской церкви хищнически, нѣкоторыми схизматиками, — пока онъ не покорится суду римскому и не отвергнетъ своего соборща. Мы слѣдуемъ и бывшему, при блаженной памяти папѣ Николаю, собору, опредѣленія котораго подписалъ и ты, равноангельскій владыка Адрианъ; принимаемъ всѣхъ, кого ты (по греч. редакціи: онъ, т. е. соборъ) принялъ, и осуждаемъ тѣхъ, которыхъ ты (по греч. ред. онъ) осудилъ, особенно же Фотія и Григорія сиракузскаго — отцеубійцъ, возставшихъ противъ своего духовнаго отца, а также и ихъ послѣдователей и сообщниковъ. Мы анаематствуемъ навсегда ложные соборы, бывшіе при императорѣ Михаилѣ—дважды противъ блаженнѣйшаго патріарха Игнатія, и однажды противъ первоверховнаго апостольскаго престола, — и осуждаемъ всѣхъ тѣхъ, которые держатся ихъ. Отъ всего сердца мы принимаемъ все, постановленное апостольскою каедрою насательно честнѣйшаго патріарха Игнатія и его приверженцевъ, желая во всемъ соблюсти общеніе съ нею, потому что на ней основана прочность вѣры христіанской, и общалъ не поминалъ на литургіи отлученнаго ею. Я, (такой-то) епископъ, подписалъ сіе собственноручно и чрезъ твоихъ легатовъ представилъ тебѣ Адриану, святѣйшему владыкѣ, великому архіерею и вселенскому папѣ».

не была признана за патриарха, ни церквами восточными (?), ни церковію римскою; то и не было надобности вызывать его къ суду и производить слѣдствіе; впрочемъ мы, хотя лично и не встрѣчались съ Фотиємъ, однако встрѣчались со многими изъ его общниковъ, и такимъ образомъ убѣдились, что его оправданія не могутъ имѣть никакого значенія». И этотъ мудрый отвѣтъ, по видимому, удовлетворилъ императорскаго представителя. Ваанесъ былъ лично знакомъ съ Фотиємъ; можно думать, что онъ даже сочувствовалъ ему ⁽¹⁾, очень хорошо понимая тѣ побужденія, которыя вызвали низложеніе Фотія и созваніе настоящаго собора; но, какъ придворный византиецъ, онъ считалъ себя обязаннымъ поступать согласно съ видами своего государя. Поэтому, сознавая полную несостоятельность отвѣта римскихъ легатовъ и мнимыхъ восточныхъ мѣстоблюстителей, къ которымъ онъ относился не безъ глубокой ироніи, — онъ въ тоже время показалъ видъ, будто вполне удовлетворенъ ихъ отвѣтами.

Второе засѣданіе не представляетъ ничего замѣчательнаго по отношенію къ дѣлу Фотія. На немъ десять епископовъ изъявили свою покорность собору, оправдывая свое прежнее отступленіе отъ Игнатія неизвѣрною жестокостію Фотія. Игнатій принялъ ихъ благосклонно, наложивъ впрочемъ на нихъ слѣдующую эпитимію: тѣ, которые употребляли въ пищу мясо, должны были воздерживаться отъ мяса, сыра и яицъ, а не употреблявшіе вовсе мяса, должны были воздерживаться отъ яденія сыра, яицъ и рыбы, довольствуясь въ среду и пятницу сухояденіемъ и не-

(1) См. посланіе 122, pag. 444.

большимъ количествомъ вина; затѣмъ всѣ они должны были дѣлать по 60 поклоновъ въ день, ежедневно это разъ повторять: «Господи помилуй; Господи, я согрѣшилъ; Господи, прости меня», и въ то же время перечитывать псалмы—6-й, 37-й и 50-й. Эпитимию эту предписано было имъ выполнять неизмѣнно впродолженіе до Рождества Христова, и кромѣ того запрещено было имъ священнодѣйствовать во все это время (1).

На третьемъ засѣданіи были вызваны два митрополита—**Феодулъ**, анкирскій, и **Никифоръ**, никейскій, стоявшіе на сторонѣ **Фотія**; но такъ какъ они отказались подписать вышеупомянутую формулу, то были изгнаны изъ собора; а затѣмъ прочитаны были письма императора **Василія** и патріарха **Игнатія** къ папѣ римскому и отвѣтныя письма папы **Адріана**.

Четвертое засѣданіе обращаетъ на себя вниманіе: 1) преніемъ **Захарія**, митрополита халкидонскаго, и **Феофила**, митрополита аморіумскаго, посвященныхъ св. Меѳодіемъ, — съ папскими легатами; 2) отзывами мнимыхъ мѣстоблюстителей восточныхъ патріарховъ объ отношеніи къ **Фотію** церковей—іерусалимской и антиохійской. **Захарій** и **Феодилъ** на соборѣ утверждали, что, когда они посланы были **Фотіемъ** въ Римъ, то папа **Николай** принялъ ихъ въ общеніе съ собою, что привело въ ужасъ римскихъ легатовъ. Въ добавокъ, **Захарія** и **Феодилъ** стали обличать одного изъ легатовъ, именно діакона **Марина**, какъ свидѣтеля этого общенія. Такъ какъ затѣмъ о предлагаемой формулѣ они и слышать не хотѣли, то, по требованію легатовъ, были прогнаны съ собора. **Теома**, мни-

(1) Harduin. t. V, p. 787 по лат. ред. и p. 1036 по греческой редакціи.

мый мѣстоблюститель антiохійскаго престола, сказалъ: «мы никогда не принимали Фотiя и не посылали къ нему общительныхъ грамотъ, да и отъ него не получали» (1). Тоже самое сказалъ Илiя объ iерусалимскомъ патрiархатѣ (2). Между тѣмъ изъ сохранившагося до насъ отвѣтнаго письма Фотiя къ антiохiйскому патрiарху Евстаѳiю видно, что Евстаѳiю не только признавалъ Фотiя братомъ и сослуживцемъ, но и сильно желалъ узрѣть его лицо (3). Сохранилось также письмо къ Фотiю Θεодосiя, бывшаго антiохiйскимъ патрiархомъ во время возстановленiя Фотiя. Здѣсь Θεодосiй говоритъ, что уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ антiохiйскiй патрiархатъ признавалъ и признаетъ Фотiя патрiархомъ (4). Мы не говоримъ уже объ общительномъ посланiи Фотiя къ антiохiйскому патрiарху. Такимъ образомъ самая наглая ложь на этомъ соборѣ принималась за истину. Самъ императоръ и всѣ присутствовавшiе на соборѣ очень хорошо знали, что Фотiй на востокѣ былъ признавъ законнымъ патрiархомъ; но имъ, во что бы ни стало, нужно было доказать противное.

На пятомъ засѣданiи вызванъ былъ самъ Фотiй. Соборъ, число членовъ котораго теперь только что возрасло до 37, трижды отправлялъ къ Фотiю пословъ изъ мирянъ. Въ первый разъ Фотiй далъ посламъ такой отвѣтъ: «вамъ давно слѣдовало сдѣлать то, на

(1) (ὁὐκ ἔδεξάμεθα ποτὲ Φωτίου, ὅτε ἀπεστάλαξεν ἀπὸ γραμμάτων ἀποδοῦναι, ὅτε ἔξ αὐτοῦ ἐδεξάμεθα. (Hard. t. V, p. 1048).

(2) Ibid.

(3) См. посланiе 225, p. 540. Εὐσταθίου, πατριάρχου Αντιοχείας.

(4) Ἀπὸ τῶν ἡμερῶν ἐκείνων, ἀπ' ὧν ἄρχι καὶ θεῶρα ὑπὲρ τοῦ ἔκαστο χρόνου διέδραμον... καὶ κωνωνῶν καὶ πολλοῦτοῦργῶν ἀπαδεξάμεθα σε καὶ ἀποδοῦμεθα ἀρχιερεῖς τε καὶ ἱερεῖς καὶ ἅπαν τῆς καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίας το σὺνταγμα (συνοδ. συλλογ. t. II p. 960; изд. Потля и Ралли).

что вы рѣшились только сегодня; впрочемъ добровольно я не явлюсь на соборъ: *рѣхъ бо — сохранию пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ; положихъ храненіе устомъ моимъ*. Во второй разъ онъ отвѣтилъ: «вамъ не о чемъ насъ спрашивать; дѣлайте такъ, какъ вамъ приказано». Въ третій разъ представили Фотія на соборъ уже силой. Увидѣвъ его, римскіе легаты спросили: «кто этотъ человекъ, стоящій тамъ—на послѣднемъ мѣстѣ?» «Это Фотій», сказали сенаторы. — «Тотъ самый Фотій, воскликнули легаты, который въ продолженіе семи лѣтъ такъ много надѣлалъ хлопотъ церкви римской, церквамъ восточнымъ и церкви константинопольской?» «Тотъ самый!» отвѣтили сенаторы. Послѣ многихъ упрековъ и оскорбленій, легаты спросили Фотія, признаеть-ли онъ постановленія отцевъ? Зная напередъ, что соборъ для того и созванъ, чтобы осудить его, Фотій не отвѣчалъ. Легаты продолжали: «мы знаемъ, что онъ краснорѣчивъ; но знаемъ и то, что онъ похититель престола и прелюбодѣй,—пусть же онъ говоритъ!» На новые вопросы Фотій наконецъ сказалъ: «Богъ и молчащаго слышитъ». — «Своимъ молчаніемъ ты не избѣгнешь осужденія», замѣтили легаты. — «И самъ Иисусъ молчаніемъ не избѣжалъ осужденія», отвѣтилъ Фотій. Послѣ новыхъ оскорбленій, легаты потребовали, чтобы Фотій анаѳематствовалъ все сдѣланное и написанное имъ противъ Игнатія и призналъ Игнатія истиннымъ архіереемъ, покорившись вмѣстѣ съ тѣмъ суду римскаго престола. Фотій отвѣтилъ и на это молчаніемъ. Когда Ваанесъ побуждалъ его сказать что нибудь въ свое оправданіе, онъ сказалъ: «мое оправданіе не въ этомъ мѣрѣ». Послѣ того ему дали срокъ

будтобы для вразумленія, и засѣданіе окончилось (1).

Шестое засѣданіе ознаменовано было присутствіемъ самаго императора. Послѣ рѣчи Митрофана смирскаго, въ которой раскрывалась мысль о такъ называемой пентархіи, т. е. о томъ, что церковь должна управляться пятью патріархами, — этими великими, по словамъ Митрофана, свѣтилами, различающими, подобно солнцу и лунѣ, свѣтъ отъ тьмы (2), римскіе легаты обратились къ императору съ рѣчью, косвенно направленною противъ рѣчи Митрофана, въ которой заявили, что цѣль ихъ присутствія на соборѣ состоитъ не въ томъ, чтобы отмѣнить произнесенный уже папами — Николаемъ и Адрианомъ приговоръ, а въ томъ, чтобы привести этотъ приговоръ въ силу, и заключили тѣмъ, что они, легаты, не имѣютъ надобности слушать ни Фотія, ни его сторонниковъ, какъ людей уже осужденныхъ. Однако, по настоянію императора, были вызваны и епископы, оставшіеся на сторонѣ Фотія. Нѣкоторые изъ нихъ уступили увѣщаніямъ императора и собора и присоединились къ Игнатію; но большинство осталось вѣрнымъ Фотію. Одинъ изъ сторонниковъ Фотія, Евсевій, кесаріе—каппадокійскій, въ отвѣтъ на тре-

(1) Harduin, t. V. p. 818—823.—лат. ред.; p. 1050—1053—греч. ред.

(2) Ο' τῆς δικαιοσύνης ἥλιος, ὁ μόνος ἀπεροβύναμος κύριος καὶ θεὸς ἡμῶν, ποιῆσας τοὺς δύο φωστῆρας τοὺς μεγάλους, τὸν μέγαν εἰς ἀρχὴν τῆς ἡμέρας τὸν δ' εἰλάσσω ἀρχὴν τῆς νυκτὸς, καὶ θέμενος αὐτοὺς ἐν τῷ στερεώματι τῆς ἐκκλησίας, οἷον τινὰς μεγάλους φωστῆρας, τὰς εὐθείας πατριαρχικὰς κεφαλὰς, εἰς φῶσιν πάσης τῆς γῆς, ὥστε ἄρχειν τῆς ἡμέρας καὶ τῆς νυκτὸς καὶ διαχωρίζειν ἀνὰ μέσον τοῦ φωτὸς καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ σκότους, τοσούτων ἀνὰ μέσον τῶν πραττόντων τὰ ἔργα τοῦ φωτὸς καὶ τοῦ σκότους, κ. τ. λ. (Harduin, t. V, p. 1053). Эту теорію достаточно развиваетъ и Виа-несь, и самъ императаръ (см. ниже), и также и Илія, мнимый мѣсто-блжженный іерусалимскаго престола.

бование царя и легатовъ—покориться собору, просилъ императора дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что сторонники Фотія могутъ свободно защищаться; «тогда они доказали бы, что отцы собора противопоставляютъ имъ пустыя рѣчи». Императоръ однако отвѣтилъ ему слѣдующимъ софизмомъ: «можно ли назвать пустымъ то, что исходитъ отъ патріаршихъ престоловъ?... Пять патріаршихъ престоловъ не могутъ заблуждаться въ вѣрѣ» (1),—какъ будто бы рѣчь шла о вѣрѣ и какъ будтобы въ интересахъ вѣры императоръ созвалъ соборъ, а не въ интересахъ той партіи, съ помощію которой онъ взшелъ на царскій престолъ! Когда затѣмъ Захарій, въ защиту дѣла, сталъ развивать мысль, что церковныя правила и церковная практика выше патріарховъ, дѣйствія которыхъ, по мысли Захарія, могутъ быть уважительны настолько, насколько они согласны съ правилами и практикою; то царь опять сталъ настаивать на авторитетѣ церковныхъ кафедръ, гнѣвно прибавивъ: «мы привели васъ сюда не для того, чтобы лаять; всѣ ваши слова—ложь и обманъ». Однакожъ епископы, не смотря на это, твердо продолжали споръ съ императоромъ. Когда наконецъ они указали на то, что Игнатій самъ заявилъ о своемъ отреченіи (2)...

(1) Совершенно напрасна и эта ссылка на патріаршіе престолы, потому что на соборѣ въ это время не было мѣстоблюстителя александрійской церкви, который прибылъ лишь къ концу собора; притомъ — и мѣстоблюститель іерусалимскаго и антиохійскаго престола были, какъ мы видели, недействительны.

(2) Harduin l. V. p. 1057. Τέως δ' ὁβ. προετίετο ὁ χόριος Ιγνάτιος. Но Латинской же редакціи—p. 830. Euzakmій говоритъ: refutavit dominus Ignatius. . foris erat in insula sua et eum propter senectutem suam vel etiam propter languorem. Этыхъ словъ нѣтъ въ греч. редакціи. Но замѣчательно, что даже сторонники Игнатія на этомъ же

тогда легаты съ ужасомъ возопили, что они не могутъ и говорить съ людьми осужденными. При этомъ они не дали говорить и Захарію, когда онъ хотѣлъ опровергнуть доводы противъ фотіянъ Митрофана смирнскаго.

На седьмомъ засѣданіи, также ознаменованномъ присутствіемъ императора, Фотій былъ приглашенъ опять—вмѣстѣ съ Григоріемъ сиракузскимъ. Такъ какъ онъ явился съ жезломъ въ рукахъ, то римскіе легаты приказали отнять у него жезлъ, потому что Фотій, по ихъ мнѣнію, недостойнъ былъ имѣть его въ своихъ рукахъ. На вопросъ, принимаютъ ли они формулу, оба отвѣчали: «да сохранить Богъ на многія лѣта священную особу нашего царя; но легатамъ отвѣта мы не дадимъ; пусть они сами опомнятся и раскаются въ своей неправдѣ». На новый вопросъ Ваанеса, не имѣютъ ли они сказать что нибудь еще, они отвѣчали, что противъ клеветы имъ говорить нечего. Такую же твердость показали и сторонники Фотія. На предложеніе Ваанеса принять формулу и осудить Фотія, ираклійскій епископъ замѣтилъ, что достоинъ былъ бы анаемы тотъ, кто осудилъ бы

засѣданіи признавалъ, что Игнатій дѣйствительно заявлялъ о своемъ отреченіи, хотя и старались ослабить значеніе его отреченія тѣмъ, что оно сдѣлано было во время его заточенія. Такъ Илія, мнимый мѣстооблеститель іерусалимскаго престола, говорилъ: «ὅτι τὸ κατὰ τὴν ἐξομολογήσεως τῆς παραστάσεως ἐγγράφου διὰ Ἰγνατίου τοῦ πατριάρχου ἀντὶ μὴδε γενομένου ἐστίν, ἐκ καὶ γενομένου, ὡς τῶν ἄλλων γενομένου» (р. 1056). Не скажутъ ли, что здѣсь рѣчь идетъ о томъ мнимо—наслѣственномъ отреченіи, о которомъ говоритъ Никита и которое было будто бы, во время перво-второго собора? Но въ такомъ случаѣ Илія такъ бы и сказалъ; между тѣмъ онъ говоритъ объ отреченіи, посвятившемъ не во время противнаго ему собора, а ἐν τῇ ἐξομολογήσει—въ ссылахъ; следовательно, здѣсь разумѣется тоже отреченіе, на которое есть намѣръ и въ запискѣ Феговоста.

своего патріарха; прочіе же епископы сказали: «что неразумно, того мы припятъ не можемъ». Напрасно стали выставлять имъ на видъ авторитетъ патріаршихъ каедръ, — епископы остались непреклонны. Тогда были прочитаны письма папы Николая константинопольскому духовенству, въ которыхъ Фотій и Григорій преданы анаѳемъ, а равно и акты собора, бывшаго въ Римѣ при Адрианѣ II. Затѣмъ и самъ соборъ произнесъ на Фотія и его приверженцевъ анаѳему, которая повторена была 10 разъ. Хоръ проклинателей устами престарѣлаго Игнатія назвалъ Фотія «придворнымъ, узурпаторомъ, свѣтскимъ, площаднымъ, неосвятомъ, тираномъ, схизматикомъ, проклятымъ, предлюбодѣемъ, отцеубійцею, сплетателемъ лжи, изобрѣтателемъ развращенныхъ ученій, новымъ Максимомъ, циникомъ, новымъ Діоскоромъ, новымъ Іудою» (1). Уже по одному этому можно судить, какимъ духомъ проникнуты были присутствовавшія на соборѣ лица. Какъ только раздавалось правдивое слово въ пользу великаго патріарха, римскіе легаты и всѣ враги его приходили въ ужасъ и — или не давали сторонникамъ его оканчивать рѣчь, или же просто прогоняли ихъ. Не правъ ли поэтому былъ Фотій, когда, во время 5-го засѣданія, послалъ сказать собору: «вамъ не очемъ насъ спрашивать; дѣлайте такъ, какъ вамъ приказано»? Неправъ ли былъ онъ и теперь, когда на этомъ же 7-мъ засѣданіи, въ отвѣтъ на вопросъ, покается ли онъ, — замѣтилъ членамъ собора: «опомнились ли они сами и рѣшились ли наконецъ отказаться отъ своего незаконнаго суда?» Впрочемъ, сдѣланное соборомъ на разсмотрѣнныхъ засѣданіяхъ — ничто

(1) Hard. t. V, p. 872—873.

въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано было имъ на двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ: въ этихъ-то послѣднихъ засѣданіяхъ и заключается весь интересъ этого собора.

Въ началѣ 8-го засѣданія Ваанесъ, отъ имени присутствовавшего тутъ императора, сказалъ, что въ послѣдніе годы епископы и клирики, синклитъ и весь городъ, вопреки своей волѣ, вслѣдствіе интригъ и коварства, подписали дѣла несправедливья. «Нынѣ мы желаемъ предать эти подписи сожженію, и да будетъ прощено всякому человѣку сіе невольное прегрѣшеніе.» Епископы одобрили это желаніе царя, и въ слѣдъ за тѣмъ сожжены были акты собора 867-го года вмѣстѣ съ другими, насильственно отнятыми у Фотія, рукописями, безъ сомнѣнія весьма важными. Въ числѣ ихъ были, вѣроятно, и нѣкоторыя сочиненія самаго Фотія. *Послѣ того* императоръ объявилъ, что онъ приказалъ явиться на соборъ и тѣмъ лицамъ, которыхъ Фотій на соборѣ 867 года принялъ за мѣстоблюстителей восточныхъ престоловъ. Тогда спросили одного изъ нихъ, по имени Петра: «былъ ли ты на соборѣ, который Фотій составилъ противъ папы Николая, и подписалъ ли опредѣленіе его»? Петръ отвѣтилъ: «ничего такого я не знаю; вотъ, читайте мою записку: она вамъ все скажетъ обо мнѣ». Въ запискѣ между тѣмъ значилось, что Петръ не только не присутствовалъ на этомъ соборѣ, но даже не зналъ, былъ ли такой соборъ. Потомъ спрошены были еще двое—одинъ по имени Василій, а другой—Леонтій, которые заявили, что они также ничего не знаютъ. «Вы видите, сказалъ Ваанесъ отъ имени императора, что покрывало жи падаетъ само собою и что ко

варство Фотія вполне обнаружилось». За тѣмъ сказано въ актахъ, спросили митрополитовъ, подписавшихъ опредѣленіе противъ папы Николая, и они отвѣтили, что ничего не знаютъ объ этихъ подписяхъ. Такимъ образомъ объявлены были вымышленными—какъ подписи митрополитовъ и мѣстоблюстителей восточныхъ престоловъ, такъ и самый соборъ противъ папы Николая, и Фотій слова былъ преданъ анаемѣ, какъ вѣроломный узурпаторъ, отцеубійца и лжець. Торжество игнатіанъ было полное, и Митрофанъ смирскій особою рѣчью поздравилъ императора съ этою побѣдой. Между тѣмъ невольно рождается недоумѣніе: отчего соборъ и императоръ потребовали этихъ мнимыхъ мѣстоблюстителей *не прежде* сожженія актовъ собора 867 года, а *посль*? Если дѣйствительно *эти* лица, а не *иныя*, были на соборѣ 867 г. въ качествѣ мѣстоблюстителей и если ихъ подписи находились въ актахъ; то слѣдовало бы, кажется, показать имъ эти подписи на самыхъ актахъ и спросить, дѣйствительно ли это ихъ подписи? Равнымъ образомъ и митрополитовъ слѣдовало спросить *прежде* сожженія актовъ, а не *посль*, для удостовѣренія, что ихъ подписи были поддѣланы. Далѣе,—зачѣмъ *этихъ* мнимыхъ мѣстоблюстителей и *этихъ* митрополитовъ не спрашивали въ присутствіи самого Фотія и его приверженцевъ? Тогда обличеніе было бы гораздо торжественнѣе и убѣдительнѣе для посторонняго лица! Не странно ли и то, что вышеупомянутый Петръ, при вопросѣ, участвовалъ ли онъ въ соборѣ противъ папы Николая и подписалъ ли его акты, не пришелъ въ недоумѣніе, какъ слѣдовало бы ожидать отъ человѣка, обвиненнаго въ томъ, чего онъ вовсе

не зналъ, а прямо подалъ записку, очевидно ранѣе заготовленную въ отвѣтъ? Не видно ли отсюда, что всѣ эти вопросы и отвѣты были ни болѣе, ни менѣе, какъ только мистификація—со стороны императора, желавшаго оправдать себя въ сожженіи актовъ, въ которыхъ находилась и его собственная подпись, и—со стороны игнатіанъ, желавшихъ очернить Фотія? Будучи не въ состояніи выставить что нибудь серьезное противъ Фотія и его приверженцевъ, такъ мужественно защищавшихъ себя и своего законнаго патріарха, игнатіане, очевидно, въ послѣднихъ засѣданіяхъ рѣшились на самыя недостойныя мѣры. Они подыскали продажныхъ лицъ, научили ихъ, какъ и что отвѣчать на соборѣ, и, повидимому, достигли своей цѣли. Къ убѣжденію въ справедливости такого предположенія приводитъ и противорѣчіе въ словахъ императора или Ваанеса, говорившаго отъ имени императора, до сожженія и послѣ сожженія актовъ. Въ самомъ дѣлѣ, до уничтоженія актовъ, по его словамъ, всѣ епископы и клирики, весь синклитъ и весь городъ (прибавимъ, и самъ императоръ) подписали дѣла, будтобы неправыя, вопреки своей волѣ; между тѣмъ послѣ сожженія актовъ онъ говоритъ: «очевидно, что Фотій поддѣлалъ и лица и подписи»; слѣдовательно, пока акты существовали на лицо, до той поры и лица и подписи были вѣрны; а какъ скоро актовъ не стало, то они оказались подложными!!! Вотъ какія дѣянія допускались на этомъ соборѣ, на который однако ссылаются современные намъ римско-католическіе писатели, какъ на соборъ, безукоризненный! Весьма понятно теперь, какъ произошли и какую силу должны имѣть обвиненія въ подлогѣ, воз-

буждаемыя противъ Фотія со стороны Митрофана смирискаго, Анастасія Библиотекаря, Стилиана, Никиты и др., когда сонмище игнатіанъ, съ императоромъ во главѣ, *заочно* усвоило невинному патріарху то, въ чемъ было само повинно. Но совершенно не понятно, какимъ образомъ современные намъ ученые, обладающіе глубокимъ критическимъ талантомъ, какъ напр. Гергенрѣтеръ, — читавшіе и перечитывавшіе эти акты, не обратили надлежащаго вниманія на жалкую комедію, разыгранную во время осьмага засѣданія разбираемаго нами собора.

Ко времени 9-го засѣданія прибылъ Іосифъ, мѣстоблюститель александрійскаго патріархата, который во всемъ согласился съ опредѣленіями собора. Здѣсь заслуживаютъ особеннаго вниманія допросы и отвѣты тѣхъ, которые участвовали въ такъ называемыхъ маскарадныхъ процессіяхъ императора Михаила. Легаты спрашивали ихъ, видѣлъ ли ихъ Фотій, когда они совершали эти процессіи? Они отвѣтили: «видѣлъ ли онъ насъ, мы не знаемъ; одно только знаемъ, что эти процессіи не были тайною ни для кого». Мы уже имѣли случай замѣтить, что одинъ Фотій способствовалъ прекращенію этихъ процессій; а между тѣмъ соборъ и игнатіане ставятъ эти дѣйствія императора Михаила въ вину Фотію! Дѣйствовавшія въ этихъ процессіяхъ лица увѣряютъ, что они не знаютъ, видѣлъ ли ихъ Фотій; объ Игнатіѣ же несомнѣнно извѣстно, что онъ видѣлъ ихъ и не имѣлъ однако смѣлости обличить императора. Отъ чего же не упрекаютъ за это Игнатія? Ничего не сказали противъ Фотія и, такъ названные, лжесвидѣтели, которыхъ также допрашивали на этомъ засѣданіи. Созвавшись въ

томъ, что они дѣйствительно увѣрили. будто Игнатій неправильно былъ возведенъ въ патриархи, они оправдывались тѣмъ, что иначе не могли говорить страха ради власть имѣвшихъ (*διὰ τὴν φόβον τῶν κρατούντων*). Наконецъ была повторена теперь и комедія, разыгранная на предыдущемъ засѣданіи. Но на предыдущемъ засѣданіи извѣстные уже намъ лица, которыхъ Фотій, по увѣренію императора, будтобы принялъ въ качествѣ мѣстоблюстителей восточныхъ кафедръ на соборѣ противъ папы Николая, прямо заявляли, что они не подписывались подъ опредѣленіемъ противъ папы, не находились на соборѣ и даже не знали, былъ ли такой соборъ. Теперь же, когда римскіе легаты, чтобы нагляднымъ образомъ выставить на видъ только что прибывшему мѣстоблюстителю александрійскаго престола Юсифу мнимыя злодѣянія Фотія, снова потребовали этихъ лицъ на соборѣ, — они, къ удивленію, сознались, что будтобы дѣйствительно участвовали въ дѣлѣ противъ папы Николая, но что будто бы Фотій научилъ ихъ сказаться мѣстоблюстителеми восточныхъ кафедръ. Очевидно противорѣчіе въ этомъ показаніи тому, что было говорено ими на предыдущемъ засѣданіи. Тогда, какъ мы уже видѣли, они проклинали и акты, и того, кто ихъ писалъ и подписывалъ; и соборъ торжественно объявилъ, что Фотій поддѣлалъ и лица, и подписи, и значить, весь соборъ противъ папы Николая; теперь же, по ихъ показанію, выходитъ, что были на томъ соборѣ лица; следовательно были и подписи. Такъ передается девятое засѣданіе собора въ греческой редакціи актовъ. Но латинской редакціи дѣло представляется нѣсколько иначе. Въмѣсто мѣстоблюстителей—Петра и Василія,

здѣсь являются на сценѣ новыя лица—Георгій и Сергій; третій мѣстоблюститель—тотъ же Леонтій. Всѣ они, какъ и въ предыдущемъ засѣданіи, согласно показали, что ничего не знали о соборѣ Фотія. Какая изъ двухъ редакцій вѣрнѣе, нельзя сказать,—хотя латинская на этотъ разъ оказывается послѣдовательнѣе греческой; но та я другая, повторяемъ, равно не служатъ къ чести собора. Замѣтимъ, что это засѣданіе послѣдовало спустя три мѣсяца послѣ 8-го засѣданія, т. е. 12 февраля 870 года, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется появленіе Георгія и Сергія, по латинской редакціи, вмѣсто Василія и Петра, которыхъ, можетъ быть, уже и не было въ столицѣ.

Такимъ образомъ, судя даже по актамъ этого враждебнаго Фотію собора, можно убѣдиться, что Фотій не былъ ни въ чемъ виновенъ. Соборъ не могъ представить противъ него ни одного факта, который дѣйствительно говорилъ бы противъ него. Рѣзкія выраженія собора о немъ и оскорбительныя названія, прилагаемыя къ его лицу, сами по себѣ ничего не говорятъ. При отсутствіи предосудительныхъ фактовъ, всякаго рода оскорбительныя выраженія унижаютъ только того, кто ихъ изрекаетъ, а не того, противъ кого они направлены. Акты носятъ на себѣ самихъ отпечатокъ той несправедливости и того крайняго пристрастія, которыми отличались самыя дѣянія этого собора.

При разсмотрѣніи актовъ этого собора должно обратить вниманіе также на слѣдующія обстоятельства: во первыхъ, рѣзко бросается въ глаза малочисленность присутствующихъ на соборѣ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, на первомъ засѣданіи принимали въ немъ участіе только 12 епископовъ; на пятомъ число ихъ

доходить до 37; на девятомъ до 60, и только на десятомъ и послѣднемъ, когда дѣло касалось уже не Фотія, а болгарскихъ провинцій, число членовъ дошло до 102. Какое ничтожное количество въ сравненіи съ численностію членовъ тѣхъ соборовъ, которые созываемы были Фотіемъ! Не забудемъ еще, что соборъ былъ созванъ уже спустя два года по изложениіи Фотія и возстановленіи Игнатія, и что въ созваніи его императоръ Василій принималъ самое дѣятельное участіе. Этотъ фактъ краснорѣчиво говорить о сочувствіи Фотію епископовъ константинопольскаго округа и о сознаніи ими правоты дѣла своего патріарха. Епископы сочли за лучшее подвергнуться осужденію, ссылкѣ, преслѣдованію, чѣмъ уступить волѣ императора и измѣнить своему патріарху, — ясное доказательство того, что люди одинаковаго съ Фотіемъ направленія вовсе не отличались такою уступчивостію предъ свѣтской властью, какою нѣкоторые приписываютъ имъ. Если Василій Македонянинъ, императоръ энергическій, могущественный и настойчивый, въ продолженіи двухъ лѣтъ могъ склонить на свою сторону и сторону Игнатія столь незначительное число епископовъ, то ясно, что епископы высоко цѣнили, такъ или иначе понимаемые ими, интересы церкви.

Во вторыхъ, замѣчательна та раздвоенность, которая выразилась на соборѣ въ сужденіяхъ греческихъ епископовъ и римскихъ легатовъ. Первые въ своихъ рѣшеніяхъ опираются на авторитетъ пяти патріаршескихъ кафедръ и римскому папѣ придаютъ только первое мѣсто между пятью патріархами; легаты же, напротивъ, опираются на авторитетъ папы и на судъ

римской церкви. — Въ осужденіи Фотія и его сторонниковъ легаты видятъ только примѣненіе нѣ дѣлу приговора римской церкви. Напротивъ греческіе епископы считаютъ это осужденіе самостоятельнымъ дѣломъ самого собора, получающаго силу и значеніе отъ присутствія на немъ представителей пяти патріарховъ, и только въ посланіи св. Игнатія признаются за римскимъ первосвященникомъ такія права, какихъ никогда *не признавала за нимъ восточная церковь* (1). Историкъ въ данномъ случаѣ представляются два факта: съ одной стороны—упорное стремленіе римской церкви къ господству и къ присвоенію правъ, ей не принадлежащихъ; съ другой стороны—тотъ фактъ, что игнатіане, на словахъ угождая папѣ для достиженія своихъ цѣлей, въ дѣйствительности ни мало не думали уступать его притязаніямъ.

Въ отношеніи собора къ фотіанамъ нельзя не указать еще на одну особенность: до собора игнатіане горѣли ревностію о священныхъ канонахъ, такъ явно, съ ихъ точки зрѣнія, нарушенныхъ низложеніемъ Игнатія и возведеніемъ Фотія; теперь же на соборѣ, когда Богъ далъ имъ царя по сердцу ихъ, о правилахъ церковныхъ они вовсе не думаютъ: церковныя правила замѣняются у нихъ авторитетомъ патріар-

(1) Въ посланіи св. Игнатія къ папѣ Николаю, читанномъ на 3-мъ засѣданіи собора, между прочимъ, говорится, что, для исцѣвленія церковныхъ недуговъ, Христосъ назначилъ единого отличнаго и всеобщаго врача—τὴν σὴν ἐφελότης ἀδελφικῆν καὶ πατρικῆν ἐξουσίαν. Изреченія: *ты еси Петръ и дамъ ти ключи царствія небеснаго*, по мнѣнію автора посланія, относятся ко всемъ римскимъ іерархамъ,—вслѣдствіе чего они издревле были искоренителями всехъ ересей и беззаконій: καὶ τούτου χάριν ἐκπέλαί καὶ ἀνέκαθεν ἐν ταῖς ἀναφροεσίαις ἀρέσασσι καὶ παρανομίαις ἐκρίζωταὶ τῶν πονηρῶν σκανδάλων γεγόνασιν. Καὶ οὖν δε ἡ σὴ μακαριότης ἀξίως διατεθεῖσα τῆς δεδομένης σοι Χριστοῦθεν ἐξουσίας... τὸν διὰ τῆς θυρίδος εἰς τὴν αὐλήν τῶν προβάτων ληστρικῶς ἐμβαλθόντα (т. е. Фотія)... τοῦ κοινῶ τῆς ἐκκλησίας ἐξέτεμεν σφραγτος.

шихъ каедръ. Осуждая Фотія, они не мотивируютъ эти сужденія какими нибудь правилами церковными. Если фотіане ссылаются на духъ церковныхъ правилъ и церковной практики; то игнатіане указываютъ на *свѣтила церкви*, т. е. не на соборы вселенскіе, не на преданіе, не на ученіе церкви, а на авторитетъ пяти патріаршескихъ каедръ. На самомъ же дѣлѣ и пяти патріарховъ, или ихъ дѣйствительныхъ представителей, на соборѣ не было; а подъ прикрытіемъ ихъ именъ дѣйствовалъ человекъ, который авторизовалъ ихъ значеніе, то есть, императоръ Василій Македонянинъ. Не показываетъ ли это, что ревность о точности соблюденія церковныхъ правилъ и у игнатіанъ являлась только тогда, когда требовали того интересы партіи? (1).

Что касается трактата, извѣстнаго подъ названіемъ: *τόμος, περιέχων ἐν συντόμῳ τὴν οὐδαμὴν σύνοδον, γεγραμμένος ἐν τῷ δεξιῷ ἐμβόλῳ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας*, то онъ написанъ въ самый годъ кончины Фотія. Въ немъ говорится, что Фотій 45 лѣтъ уже преданъ анаемѣ, потому что, когда онъ былъ еще свѣтскимъ, въ продолженіе 11-ти лѣтъ сыпались на него проклятія, и 34 года съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался духовнымъ лицомъ (а Фотій скончался на 34 году своего святительства, т. е. въ 891-мъ году). Содержаніе этого трактата слѣдующее. Фотій,—говоритъ анонимный авторъ,— былъ преданъ анаемѣ еще тогда, когда былъ міряниномъ; ни одинъ изъ восточныхъ патріарховъ не имѣлъ съ нимъ церковнаго общенія; папа Іоаннъ VIII также никогда на самомъ дѣлѣ не при

(1) Надесятюмъзасѣданіи читаны были правила и опредѣленія этого собора. Потомъ былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ о Болгаріи.—вопросъ, въ рѣшеніи котораго теорія центархіи нашла свое полное примѣненіе.

знавалъ его патріархомъ, да и не могъ принять его въ церковное общеніе, ибо связаннаго однимъ другою разрѣшить не можетъ. Вслѣдствіе того и папа Іоаннъ не могъ разрѣшить Фотія отъ узъ, наложенныхъ на него его предшественникомъ. Напротивъ, самъ Фотій принудилъ папскихъ легатовъ, посланныхъ къ Игнатію по болгарскимъ дѣламъ, имѣть съ нимъ общеніе, чѣмъ и предъстилъ многихъ; но папа Іоаннъ, узнавъ объ этомъ, подвергъ своихъ легатовъ анаемѣ, и проч. Авторъ увѣряетъ, что соборъ 869-го года проклялъ Фотія, между прочимъ за то, что Фотій училъ о существованіи двухъ душъ въ каждомъ человѣкѣ и за то еще, будто въ одинъ день (*αὐθιγὰς*) онъ прошелъ всѣ степени священства, принявъ посвященіе отъ анаематствованнаго Григорія сиракузскаго. О Григоріѣ сиракузскомъ онъ повторяетъ ту же ложь, которую высказалъ Стиліанъ, т. е. также увѣряетъ въ томъ, что Григорій сиракузскій преданъ былъ анаемѣ папами Львомъ и Бенедиктомъ. Отсюда онъ заключаетъ, что этими папами преданъ былъ анаемѣ и Фотій, какъ сообщникъ Григорія. Въ заключеніе сдѣлана приписка, что Стиліанъ неокесарійскій, уклонившись отъ истиннаго пути, перешелъ было на сторону фотіанъ (1). Трактатъ этотъ написанъ въ тонѣ крайне раздражительномъ; иногда вмѣсто: *Φωτίου* авторъ употребляетъ выраженіе: *Μοιχικου*. Объ отношеніяхъ Фотія, послѣ его возвращенія изъ ссылки, къ Игнатію, въ этомъ трактатѣ говорится слѣдующее: «Нѣкоторые говорятъ, что Фотій принесъ раскаяніе предъ патріархомъ Игнатіемъ и что патрі-

(1) Заключеніе, очевидно, приписано послѣ, такъ какъ въ немъ упоминается о сношеніяхъ съ Стиліаномъ папы Іоанна IX, занимавшаго римскую кафедру въ самыхъ послѣднихъ годахъ IX столѣтія.

архъ сказалъ ему: если ты сдѣлалъ что противъ меня, да проститъ тебя Богъ; Богъ проститъ тебя и въ томъ, что ты сдѣлалъ противъ церкви, если ты отнынѣ не будешь возмущать ея покоя и не будешь совершать ничего священноіерейскаго; а я съ своей стороны напишу просьбу патріаршимъ престоламъ, и, если они разрѣшатъ тебя отъ узъ, тогда и я окажу тебѣ снисхожденіе. Но Фотій чрезъ императора удержалъ его отъ письма къ патріаршимъ кафедрамъ, будучи увѣренъ, что ему невозможно получить разрѣшеніе на священнодѣйствіе. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно интриговалъ противъ Игнатія и даже, находясь въ Магнаврѣ, совершалъ хиротоніи, какъ патріархъ, преслѣдуя и подвергая ссылкамъ тѣхъ, которые ему противодѣйствовали. Когда Игнатій скончался отъ его злоумышленія, то онъ построилъ царя издать приказаніе, чтобы никто изъ архонтовъ не присутствовалъ при его погребеніи». Въ такомъ искаженномъ видѣ представляются отношенія двухъ примирившихся патріарховъ, какъ извѣстно, искренно и вполне устранившихъ отъ себя все недоразумѣнія, въ которыя вовлеченъ былъ Игнатій и которыхъ Фотій не могъ устранить ранѣе. Дѣйствительно существовавшія взаимныя отношенія ихъ трогательно описываетъ самъ Фотій на соборѣ 879 года, гдѣ все присутствовавшіе епископы подтвердили слова своего патріарха. Есть основаніе думать, что тѣсное сближеніе Игнатія въ послѣдніе годы его жизни съ Фотіемъ имѣло даже результатомъ своимъ такого рода церковно-административныя распоряженія, которыя съ строго-клерикальной точки зрѣнія были предосудительны (1).

(1) Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по слѣдующимъ словамъ

Такимъ образомъ авторъ трактата все представляетъ въ видѣ искаженномъ. Подобно другимъ игнатіанамъ, онъ умышленно умалчиваетъ о соборѣ, бывшемъ при Фотіѣ въ 879 году, на которомъ присутствовали и папскіе легаты и мѣстоблюстители восточныхъ церквей,—и жетъ, утверждая, будто папа Іоаннъ не признавалъ Фотія патриархомъ, тогда какъ легаты, какъ мы уже знаемъ, вошли въ общеніе съ Фотіемъ не раньше, какъ по полученіи ими на то предписанія отъ самого папы. Что папа Іоаннъ дѣйствительно признавалъ Фотія своимъ братомъ и сослуживцемъ, это видно не только изъ признанія въ томъ другихъ игнатіанскихъ писателей, но и изъ дошедшихъ до насъ посланій этого папы къ императору Василию, къ самому Фотію и другихъ. Правда, въ послѣдствіи—говорятъ западные писатели—послѣ неудачи своей по болгарскому вопросу, папа Іоаннъ прервалъ будто бы общеніе съ константинопольскою церковію; но и на это современныхъ и вполне достоверныхъ указаній нѣтъ (1).

Иеромонахъ Герасимъ.

изъ посланія папы Адріана къ Игнатію: ἐμάθομεν δε καὶ ἄλλα πολλὰ ἐναντία τῶν πατριῶν ὄρων ὑμεῖς διακρίττεσθαι, ἀλλὰ δὴ καὶ τοῦτο, τινὰς γὰρ νεωστὶ ἀπὸ τῶν λαϊκῶν ἄφνω διακόνους ἐχειροτονήσατε ἐναντία μὲν καὶ τοῖς κάλαι πατράσι, ἀλλὰ δὴ προσφάτως συναθροισθείσῃ οἰκουμένηῃ συνόδῳ, οὐκ ἄγνοοιτε δε ὅτι ἡ τοῦ Φωτίου πτώσις ἐντετέθεν τὴν ἀρχὴν ἔλαβεν.

(1) Въ одномъ отрывкѣ, помѣщенномъ вѣстѣ съ актами собора 869 г. (Harduin, t. V p. 1140) говорится, будто Іоаннъ на амвонѣ, съ евангеліемъ въ рукахъ, предалъ Фотія анаемѣ. Но если бы это было дѣйствительно такъ; то Фотій, конечно, невыразился бы объ Іоаннѣ, какъ святомъ человѣкѣ: ὁ ἐν ἁγίοις Ἰωάννης (см. посланіе Фотія къ авнилейскому митрополиту Іоанну объ исхожденіи св. Духа) и вообще не выразился бы о немъ такъ, какъ выразился о немъ въ трактатѣ о тайноводствѣ въ ученіи о Св. Духѣ: ὁ ἐμός Ἰωάννης, и проч. По всей вѣроятности, преемникъ Іоанна, папа Маринъ, личный врагъ Фотія, предавъ его анаемѣ, приписалъ и своему предшественнику поступокъ, который дозволялъ себѣ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1873. № 6. С. 314-337.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІИ, ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІИ ВІЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Продолженіе).

VIII. Никита Пафлагонскій. Анонимный авторъ отрывка «Крестопониратели».

Іоаннь Θρακίηςскій, иначе Скилицы, перечисляя въ началѣ своей исторіи нѣкоторыхъ современныхъ ему авторовъ, писавшихъ разныя историческія монографіи, въ томъ числѣ и Никиту Пафлагонскаго, отзывается о нихъ слѣдующимъ образомъ: «одни изъ этихъ писателей имѣли въ виду превознести какого либо царя,—другіе—очернить какого нибудь патриарха, третьи—похвалить друга; желая достигнуть своей цѣли подъ покровомъ исторіи, они, такимъ образомъ, далеко не даютъ надлежащаго понятія объ описываемыхъ ими лицахъ» (1). Цѣтъ ни малѣйшаго сомнѣ-

(1) Georg. Cedr. Histor. t. 1. p. 4. Примѣч. Οἱ μὲν ἕκαστος προσποιούμενος ὃ μὲν ἑπαινον βασιλέως, ὃ δὲ ψόγον πατριάρχου, ἕτερος δὲ φίλον ἐγκώμιον καὶ ἐν ἱστορίᾳ σχήματι τὸν ἑαυτὸν ἕκαστος, ἀποπλήροσιν οὐκ ὀλίγον πόρρω τῆς τῶν ἐπιγεμένων ἀνδρῶν περιπεπλόχασιν διανοίας. Тоже

нія, что подъ писателями, имѣвшими своею цѣлію очернить патріарха, Скилицы разумѣль главнымъ образомъ Никиту Пафлагонскаго, а подъ чернымымъ патріархомъ — Фотія, на котораго такъ беспощадно нападаетъ Никита. Дѣйствительно этотъ писатель, жившій, какъ видно изъ его біографіи св. Игнатія, въ концѣ IX-го, или въ началѣ X-го вѣка ⁽¹⁾, въ своихъ нападеніяхъ на Фотія не знаетъ даже мѣры приличія, такъ что его біографія Игнатія есть въ одно и то же время панегирикъ св. Игнатію и памфлетъ противъ Фотія. Авторъ говоритъ, что названная біографія написана на основаніи собранныхъ имъ письменныхъ и устныхъ свѣдѣній ⁽²⁾. Но изъ ея содержанія и способа изложенія видно, что эти свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ крайне враждебныхъ Фотію источниковъ и что, какъ истый игнатіянскій, онъ не только не былъ сколько нибудь разборчивъ въ собраніи своихъ свѣдѣній, но привнесъ въ слышанныя имъ сплетни и басни еще много нелѣпостей и изъ своего собственнаго воображенія. Задавшись, какъ видно, цѣлію унижить Фотія по мѣрѣ превознесенія

самое повторяетъ со словъ Скилицы и Кедшии. Рядомъ съ Никитой Скилицы ставятъ Генезія, Іованна діакона и друг.

(1) Это видно изъ тѣхъ словъ автора, въ которыхъ онъ замѣчаетъ, что св. Игнатій подвизался непосредственно предъ тѣмъ полюдніемъ, къ которому принадлежалъ самъ авторъ. *Ἰγνατίου... τῶν ὁστέρον μὲν τῶ χρόνῳ καὶ πρὸ τῆς καθ' ἑαυτὸν ἀναβεβηκέντα ἡμεῶν* (Hagd. t. V, p. 944). Въ другомъ мѣстѣ (*ibid.*, p. 984), разсказывая о мнимыхъ каррикатурныхъ изображеніяхъ св. Игнатія, онъ говоритъ, что видѣлъ сдѣлавшихъ эти изображенія и ихъ приближенныхъ и что они не только не скрывали этого, но и гордились этимъ, ложно приписывая Фотію даже святость.

(2) *Ἐκ τῶν συγγραφέων τε καὶ ἀγράφων παπῶν προσφωρημένων ἐν ἡμῶν πραγμάτων* и проч. Hagd. t. V, p. 944.

Игнатія и тѣмъ самымъ задѣтъ современныхъ себѣ почитателей ученаго патріарха (1), онъ не только не заботился о вѣрности и точности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, но наизвѣстно искажалъ истину, позволяя себѣ иногда самую грубую ложь. Поэтому нападенія его на Фотія часто приимаютъ характеръ явной клеветы, тогда какъ похвалы и рассказы его о подвигахъ и страданіяхъ св. Игнатія нерѣдко бывають крайне преувеличены. Между тѣмъ римско-католическіе писатели въ исторіи о патріархахъ Игнатіѣ и Фотіѣ даютъ этому писателю первое мѣсто и слѣдуютъ ему почти во всемъ. Даже самъ Гергенрертеръ, не смотря на то, что во многихъ мѣстахъ находитъ у Никиты ошибки, противорѣчія и анахронизмы, сильно защищаетъ его достовѣрность и противъ Ганке, оспаривавшаго ее, замѣчаетъ, что «вовсе не вѣрить Никитѣ — значило бы слишкомъ легко относиться къ исторіи, что трагическое изображеніе имъ жизни Игнатія не можетъ служить основаніемъ его недостовѣрности, какъ многіе думаютъ, потому что такой способъ изложенія біографіи въ Византіи былъ въ ходу, и что его похвалы Игнатію вовсе не преувеличены, какъ другіе находятъ ихъ, потому что и другіе писатели называютъ св. Игнатія *ἀθλητήν, πικρολόβον, ἕσπον* и проч. (2)». Конечно, ни въ чемъ не вѣрить Никитѣ нельзя, да и никто, кажется, этого и не дѣлаетъ. Но несомнѣнно, что Никита часто искажаетъ факты сообразно съ своею цѣлію и нерѣдко прибѣгаетъ къ вымысламъ, рассказывая разные

(1) На этихъ своихъ современниковъ неоднократно указываетъ Никита (*ibid.* p. 984).

(2) В. I. p. 356—357.

небылицы; несомнѣнно также и то, что трагизмъ и хвалебный тонъ часто доходятъ у него до смѣшнаго. Такъ, на примѣръ, рассказывая о томъ, что Игнатій, по приказанію Льва армянина, съ дѣтства былъ эвнухомъ ⁽¹⁾, онъ чрезъ нѣсколько страницъ превозноситъ его цѣломудріе, воздержаніе и умерщвленіе плотскаго мудрованія ⁽²⁾. Въ другомъ мѣстѣ ⁽³⁾ онъ приписываетъ своему герою такія нелѣпныя чудеса, совершавшіяся будто бы еще при жизни чудотворца, — въ родѣ, на примѣръ, сотрясенія сопрестольнаго креста во время отправленія патріархомъ богослуженія, что ихъ ужаснулся бы, конечно, и самъ Игнатій. «Кому хвалебное фразерство внушаетъ недовѣріе—говоритъ Гергенретеръ—тотъ не долженъ брать въ руки греческихъ агіографовъ». Брать ихъ въ руки должно и нужно, — скажемъ мы, — но при этомъ должно отличать въ нихъ легенду и вымыселъ отъ историческихъ фактовъ. Въ противномъ случаѣ историкъ, разумѣется, погрѣшилъ бы, какъ погрѣшилъ и Гергенретеръ, принявъ всѣ легендарныя сказанія Никиты за чистую истину, когда одинъ уже тонъ его сочиненія — страстно-хвалебный по отношенію къ Игнатію и безъ мѣры враждебный по отношенію къ Фотію — дѣлаетъ его подозрительнымъ, не говоря о прочемъ.

Опуская рассказы Никиты Пафлагонскаго о св. Игнатіѣ, мы разберемъ только его отзывы о Фотіѣ.

Сначала Никита показываетъ какъ будто безпристрастіе по отношенію къ Фотію и нѣкоторымъ образомъ отдаетъ ему справедливость, говоря, что онъ происходилъ отъ знаменитаго рода, что онъ рѣзко

(1) Hard. t. V, p. 945.

(2) Ibid. p. 953.

(3) Ibid. p. 992.

отличался своею свѣтскою ученостію и своими блестящими способностями, что онъ обладалъ громадными познаніями въ грамматикѣ, піитикѣ, риторикѣ, философіи, медицинѣ и всѣхъ другихъ свѣтскихъ наукахъ, такъ что не только превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ, но могъ соперничать и съ древними знаменитостями. «Все, продолжаетъ Никита, способствовало ему въ этомъ: природныя дарованія, прилежаніе, богатство... особенно же любовь, къ славѣ, вслѣдствіе которой онъ проводилъ ночи безъ сна въ чтеніи книгъ» (1). Но изъ дальнѣйшаго хода

(1) Harduin. Vita Ignat. p. 960. Ἦν δ' οὗτος ὁ Φώτιος οὐ τῶν ἀγγελῶν τε καὶ ἀνωμόμων, ἀλλὰ καὶ τῶν εὐγενῶν κατὰ σάρκα καὶ περιφανῶν σοφίᾳ τε κερμικῇ καὶ συνέσει τῶν ἐν τῇ πολιτείᾳ στρεφόμενων εὐδοκίματότατος πάντων ἐνομιζέτο. Γραμματικῆς μὲν καὶ ποιήσεως, ρητορικῆς τε καὶ φιλοσοφίας καὶ δὴ καὶ ἱατρικῆς καὶ πάσης ὀλίγου δεῖν ἐπιστήμης τῶν ἠθροῦθεν τοσοῦτον αὐτῷ τὸ περίον, ὡς μὴ μόνον σχεδὸν φάναι τῶν κατὰ τὴν αὐτοῦ γενεᾶν πάντων διενεγκεῖν, ἤδη δὲ καὶ πρὸς τοὺς παλαιούς αὐτὸν διαμιλλᾶσθαι. Πάντα γὰρ συνέτρεχαν ἐπ' αὐτῷ ἢ ἐπιτηδείοτης τῆς φύσεως, ἢ ἀποουῆ, ὁ πλοῦτος... πλέον δὲ πάντων ὁ τῆς δόξης ἔρωσι, δι' ὅν αὐτῷ καὶ νόκτες ἄοπνοι περὶ τὴν ἀνάγκωσιν ἐμμελῶς ἐσυχολοῦσι. Не менѣе усердны въ похвалахъ Фотію и католическіе писатели, идущіе по стопамъ Никиты. Вотъ какъ характеризуетъ Фотія, аббатъ Яжеръ: «Фотій соединялъ въ себѣ самыя прекрасныя дары, какіе когда либо природа расточала смертному: возвышенный умъ, глубину генія, живость духа, удивительную энергію, невѣроятную дѣятельность, упорную страсть къ славѣ и волю-гибкую, какъ золото, и вѣсть съ тѣмъ твердую, какъ желѣзо. Онъ имѣлъ рѣшительную склонность къ литературѣ и проводилъ за нею ночи; онъ былъ искусный ораторъ и изящный писатель, какъ въ прозѣ такъ и въ стихахъ, достойный иногда писателей древнихъ временъ. Онъ обладалъ всѣми званіями своего вѣка и вѣковъ предшествовавшихъ. Онъ блисталъ этикѣ, и никто не могъ сравниться съ нимъ. Церковная наука не была также чужда ему, но этикъ знаніемъ онъ обладалъ въ меньшей степени (?). Присоедините къ этимъ достоинствамъ изящную наружность, скромную и важную поступь, улыбающійся видъ, тонкія и пріятныя манеры, изысканную вѣжливость, наконецъ, всѣ вышнія формы, которыя увлекаютъ и прельщаютъ всякъ-

рѣчи видно, съ какою цѣлю авторъ выставляетъ на видъ эту ученость Фотія. Далѣе онъ говоритъ: «когда ему понадобилось вступить въ управление церковію, тогда онъ прилежно обратился и къ чтенію церковныхъ книгъ» (1), и затѣмъ замѣчаетъ: «онъ не зналъ и не хотѣлъ знать, что тотъ, кто хочетъ сдѣлаться въ этомъ вѣкѣ мудрымъ, долженъ сдѣлаться юродивымъ; чтобы быть мудрымъ (2); онъ утвердилъ свое сердце и свой умъ на непрочномъ основаніи, на мірской мудрости и кичливомъ разумѣ, воспитанномъ не о Христѣ» (3). Такимъ образомъ, самую ученость Никита ставитъ св. Фотію въ укоръ и видитъ въ ней причину уклоненія его отъ истиннаго пути и истинной мудрости. Потому-то онъ и выдвигаетъ ее на первый планъ. Она-то и есть причина ненависти его и всей его братіи къ Фотію. Отъ такого человѣка, не сдѣлавшагося юродивымъ; дабы быть мудрымъ въ истиннымъ очарованіемъ. Это соединеніе блестящихъ и вмѣстѣ солидныхъ качествъ необыкновенно высоко ставило Фотія надъ его современниками. Онъ въ высочайшей степени обладалъ талантомъ приобретать себѣ друзей, привязывать ихъ къ своему дѣлу и заставлялъ ихъ твердо держаться его. *Histoire de Photius*, p. 20—21.

(1) *Ibid.* Ἐπεὶ δὲ καὶ πρὸς τὴν ἐκκλησίαν αὐτὴν, ὡς μὴ ὄφελεν, ἐπισελεύθει ἔδει, καὶ τῶν ἐκκλησιαστικῶν διὰ τοῦτο βιβλίων τῆς ἀναγνώσεως οὐ κατὰ πάρεργον ἐπεμελῆθη. Но жетъ Никита. Известно, что *Μηροβιβλίον* написана Фотіемъ, когда онъ былъ еще свѣтскимъ человѣкомъ. Въ этомъ же самомъ сочиненіи разобрано множество книгъ и богословскаго содержанія. Богословіе было для Фотія наукою наукъ, высшею философією, какъ это видно изъ его сочиненій.

(2) Ἀγνόημα δὲ ἠγνόησεν... οὐ γὰρ ἠθέλησε προσέχειν τὸν νοῦν, ὅτι οὗτος θέλει σοφός γενέσθαι ἐν τῷ αἰῶνι τούτῳ, μωρός γενέσθαι, ἵνα γένηται σοφός. *Ibid.* Такъ превратно понимаетъ онъ изреченіе апостола Павла; но таковы были вообще понятія игнатіанъ.

(3) Ἐπὶ σαθρῷ θεμελίῳ καὶ ἀμυδρῇ τῇ κοσμικῇ σοφίᾳ καὶ τῇ ἀλαζονείᾳ τοῦ μὴ κατὰ Χριστὸν πεπαλαμένου λόγου. И это говорится о человѣкѣ, такъ много погрудившемся въ дѣла распространенія Христовой вѣры.

этомъ вѣкѣ, и опиравшася на такомъ шаткомъ и скользкомъ основаніи, какъ *лжеименная свѣтская мудрость, благочестивый игнатіянинеъ*, разумѣется, ничего иного не можетъ и ожидать, кромѣ злодѣяній; а потому Никита и излагаетъ далѣе Фотіевы злодѣянія съ пафосомъ и не безъ ораторскаго краснорѣчія. Избранный соборомъ и синклитомъ, Фотій, — говоритъ Никита, — вмѣсто того, чтобы отказаться отъ избранія, охотно вступилъ на престолъ, гордясь своею неправдою, и провозгласилъ народу миръ, не понимая, въ чемъ состоитъ истинный миръ (1). Находясь въ дружбѣ съ Григоріемъ Сиракузскимъ, отлученнымъ сперва отъ римской церкви (2) и затѣмъ отъ Игнатія, онъ перенялъ отъ него ненависть и ярую вражду къ св. Игнатію и старался лишить его не только священства, но, если можно, и самой жизни (3). Нарушивъ (спустя два мѣсяца послѣ своего посвященія) данное имъ письменное обѣщаніе почитать св. Игнатія, какъ своего отца, онъ открылъ рядъ преслѣдованій противъ приверженцевъ Игнатія и изыскивалъ мѣры къ погубленію св. мужа (4). Для достиженія своей цѣли, онъ побудилъ Варду и императора Михаила нарядить слѣдствіе противъ Игнатія, какъ тайнаго злоумышленника противъ *тогдашней власти* (5).

(1) Nicet. Vita Ignat. (Hard. t. V, p. 960—961). Забывъ сказанное имъ о всеобщемъ избраніи Фотія, Никита говоритъ, что Фотій долженъ былъ бы отказаться отъ принятія должности, предложенной ему незаконно отъ властителя и отъ Варды.

(2) Ibid. Мы неоднократно замѣчали, что это ложь, какъ допускаетъ и самъ Гергенретеръ (В. I, p. 359).

(3) Ibidem.

(4) Ibidem.

(5) Ibid. Не нужно быть слишкомъ глубокомысленнымъ историкомъ, чтобы видѣть въ этихъ дѣйствіяхъ правительства Михаила мѣры для

При всей невинности обвиняемого, правительство однакоже удалило его изъ Теревинеа въ Мителину (1); между тѣмъ какъ Фотій, собравши незаконное собраніе въ храмъ св. апостоловъ, предалъ его отлученію (2). Тогда поднялся ропотъ со стороны многихъ даже близкихъ къ Фотію лицъ; но Фотій, обличаемый совѣстію, рѣшается поправить меньшее зло большимъ и посылаетъ въ Римъ посольство просить папу Николая отправить легатовъ въ Константинополь на соборъ, учреждаемый, по видимому, для блага церкви противъ остатковъ иконоборства, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы отлученіе Игнатія сдѣлать болѣе торжественнымъ. Въ письмѣ своемъ къ папѣ Фотій лгалъ, говоря, что Игнатій по старости и слабости здоровья отрекся отъ своей должности и удалился на островъ, въ построенный имъ самимъ монастырь, гдѣ ему воздается подобающая честь какъ со стороны царствующихъ особъ, такъ и со стороны общества и церкви (3). По прибытіи изъ Рима двухъ легатовъ—Родоальда и Захаріи, Фотій собираетъ многочисленный соборъ и, подкунивъ римскихъ легатовъ, достигаетъ своей цѣли: Игнатія, послѣ неописанныхъ жестокостей, низложили (4) и затѣмъ дозволили ему жить въ дворцѣ его матери, въ Позеѣ. Но Фотій и этимъ

собственной защиты отъ партіи, грозившей ему низверженіемъ. Эту угрозу игнатіане действительно вскорѣ осуществили чрезъ посредство Василія Македонянина.

(1) Nicet. Vita Ignat. p. 964.

(2) Ibid. Никита намѣренію умалчиваетъ о собраніи игнатіанъ, бывшемъ до этого собора и предавшемъ Фотія анафемѣ. Намѣренію, конечно, умалчиваетъ о немъ и Неандеръ (Allgem. gesch. d. christl. Relig. u. Kirch. B. I. p. 308. См. Икономоса 'Αμφιλοχίωv προλεγομένην σελ. η).

(3) Ibidem.

(4) Nicet. Vita Ignat. p. 965—968.

не удовольствовался. Онъ старался вынудить у св. Игнатія согласіе, чтобы тотъ самъ произнесъ въ церкви осужденіе на себя; но такъ какъ этого ему не удалось, то онъ сталъ помышлять о томъ, какбы Игнатію отрубить руки и выколоть глаза. Были уже посланы со стороны правительства солдаты схватить Игнатія въ его палатахъ; но Игнатій успѣлъ уйти изъ дворца подъ видомъ носильщика и видѣлъ по дорогѣ чудеснаго мужа весьма красивой наружности, съ длинною бородою, на бѣломъ конѣ. Этотъ мужъ воскликнулъ ему: «Богъ и Его пречистая Матерь хранятъ тебя, преосвященнѣйшій владыко, и друзей твоихъ!» Потомъ Игнатій сѣлъ на корабль и въ одеждѣ нищаго странствовалъ по ближайшимъ къ столицѣ островамъ, спасаясь отъ преслѣдованій. Напрасно Фотій посылалъ разныхъ лицъ для отысканія и умерщвленія его. Эти лица хотя неоднократно видѣли его, однако частію его нищенская одежда, частію же чудесное омраченіе, овладѣвавшее ими, вводили ихъ въ заблужденіе относительно его (1). Между тѣмъ, въ знаменіе гнѣва Божія за поруганіе первосвященника, произошло въ Византіи землетрясеніе, продолжавшееся 40 дней сряду. Оно такъ перепугало всѣхъ, что правительство перестало гнать св. Игнатія, и онъ воротился домой, заручившись клятвеннымъ обѣщаніемъ безопасности отъ патриція Патронія, брата Варды (2). Однако это на Фотія не подѣйствовало, и онъ продолжалъ свои интриги противъ страдальца. При этомъ Фотій прибѣгъ къ слѣ-

(1) Nicet. Vita Ignat. p. 969—972.

(2) Ibidem.

дующей хитрости. Однажды неизвестный чужестранецъ, въ монашескомъ костюмѣ, по имени Евстратій, явившись въ патриаршій домъ, вручилъ Фотію, въ присутствіи всѣхъ, два поддѣльныхъ письма, которыя, какъ оказалось впоследствии, были, по словамъ Никиты, сочинены самимъ премудрымъ Фотіемъ (*ὁ σοφώτατος; Φώτιος*): одно—отъ имени Игнатія къ папѣ Николаю, содержавшее въ себѣ жалобу на несправедливость въ отношеніи къ нему императора; другое—отъ имени Николая къ Фотію. О первомъ изъ этихъ писемъ Евстратій говорилъ, что папа, не удостоивъ его прочтенія, возвращаетъ назадъ. Во второмъ же письмѣ будтобы заключались объясненія папы Николая по поводу его прежнихъ столкновеній съ Фотіемъ и увѣренія въ любви и непрерывномъ общеніи съ нимъ. Эти два подложныхъ письма Фотій представилъ императору, чтобы озлобить его противъ Игнатія, который, въ одномъ изъ этихъ писемъ, является клеветникомъ его. Но по разслѣдованіи дѣла Игнатій оказался невиннымъ, а Евстратій былъ жестоко наказанъ, не смотря на всѣ ходатайства о немъ Фотія (¹). Не остановило интригъ Фотія и другое, вскорѣ послѣдовавшее, самое страшное землетрясеніе, вызванное, по мнѣнію Никиты, кощунствомъ императора (²). Какъ наемникъ, а не пастырь, онъ безразлично относился къ кощунству императора и его маскарадамъ. Но судъ Божій мстилъ за беззаконіе. Варда увидѣлъ во снѣ, по откровенію Божію, что апостоль Петръ, внимая жалобамъ св. Игнатія, приказалъ его, Варду, разрѣ-

(¹) Ibid. p. 973—976.

(²) Ibid. p. 976—977.

зять на куски у самой паперти (*ναρθηξ*) и сказалъ императору: «подожди, чадо нечестія» (1)!

(1) Ibid. p. 977—980. Все это ясно обрисовываетъ образъ міро-совершателя игнатіанъ. Это замѣчательное сновидѣніе пущено ими въ ходъ, по всей вѣроятности, для оправданія своего покровителя Василія Македонянина въ убійствѣ Варды и своего благодѣтеля императора Михаила. У Никиты списали этотъ сонъ Юсифъ Генезій, Симеонъ Магистръ, Кедринъ и другіе. Вотъ какъ Никита передаетъ это сверхъестественное, по его мнѣнію, сновидѣніе. «Я видѣлъ въ эту ночь, говорилъ Варда Филовею Логовету, будто я вмѣстѣ съ императоромъ шелъ какбы во время процессіи въ великую церковь. Я видѣлъ, что лики архангеловъ смотрѣли со всѣхъ верхнихъ и нижнихъ оконъ въ храмъ. Когда мы приблизились къ амвону, показались два прислужника — угрюмые и грубые. Одинъ изъ нихъ, связавъ императора, вытащилъ его съ сѣдалища вправо, обращаясь съ нимъ какъ съ виновнымъ; другой отвелъ меня такимъ же образомъ влѣво. Посмотрѣвъ въ сторону, вдругъ я увидѣлъ около сопрестоля сѣдалища сидящаго старца, точь въ точь похожаго на икону первоверховнаго апостола Петра. Около него стояли два страшныхъ мужа, по видимому препозиты (исполнители распоряженій власти; въ данномъ случаѣ, вѣроятно, палачи). При его ногѣнахъ сидѣлъ Игнатій, обливаясь слезами, такъ что тотъ мужъ (ап. Петръ) изъ состраданія къ нему вздохнулъ. Умоляя старца, Игнатій вопіялъ: „о ты, обладающій ключами небесъ и камень, на которомъ Христосъ Богъ утвердилъ церковь Свою! Если ты знаешь, что со мной поступили несправедливо, то утѣшь мою многострадальную старость“. А тотъ сказалъ ему: покажи, кто тебя обидѣлъ, и Богъ положитъ конецъ искушенію. Игнатій, обернувшись, указалъ на меня правою рукою и сказалъ: вотъ этотъ больше всѣхъ меня мучилъ и въ оскорбленіяхъ мнѣ былъ ненасытенъ. Сидящій на престолѣ, взглянувъ на стоявшаго подлѣ него съ правой стороны и передавъ ему маленькій мечъ, сказалъ вслухъ всѣхъ: возьми богоненавистнаго Варду и предъ папертью разрѣжь его на куски. Влекомый, такимъ образомъ, какбы къ смерти, я видѣлъ, какъ онъ и царю, угрожая рукою, сказалъ: подожди, чадо нечестія! И такимъ образомъ я видѣлъ себя разрѣваннымъ на куски, какъ кусокъ мяса». Мы не думаемъ, чтобы этотъ сонъ былъ выдумкою самого Никиты; но то несомнѣнно, что онъ сложился послѣ убійства Варды и Михаила въ царствованіе Василія Македонянина. Стефанъ Караеодоръ (*Παλιτιζών ἐλέγγων* Г. А. сел. ζη) и Софоклъ Икономосъ (*Προσευόμενα* къ Фотіевымъ Амфилохіямъ сел. λз, примѣч. 1 и сел. λз, примѣч. 2), на основаніи словъ: «обладающій ключами небесъ» и проч., склонны думать, что этотъ сонъ имѣлъ римское происхожденіе. Но такое предположеніе невѣроятно: складъ міровоззрѣнія игнатіанъ въ

Сонъ сбылся. Варда былъ убитъ (Василіемъ Македоняниномъ) по приказанію императора (1). Чтоже Фотій? Онъ измѣнилъ своему другу и благодѣтелю, сталъ порицать его и говорилъ, что Варда умеръ достойною смертію (2). *Божіе* наказаніе постигло и императора Михаила III, убитаго тѣмъ самымъ человекомъ, котораго онъ недавно объявилъ кесаремъ, т. е. покровителемъ игнатіанъ, Василіемъ Македоняниномъ (3). Съ воцареніемъ новаго императора, и св. Игнатій вновь получаетъ управленіе церковію, а Фотій наконецъ падаетъ (4). Новый императоръ, отнявъ у Фотія множество рукописей, между которыми находились разныя изображенія св. Игнатія въ каррикатурномъ видѣ (5), созвалъ противъ него соборъ, подписавшій

Константинополя не былъ выше и шире склада римскихъ потатій. Надобно полагать, что, по понятію тѣхъ и другихъ, ап. Петръ налицо обращенное вѣкогда къ нему повелѣніе Спасителя: *вложи мечъ въ ножны...* Два названныхъ писателя идутъ дальше: на основаніи одного мѣста въ посланіи папы Николая къ Михаилу III, гдѣ папа, поставивъ императору на видъ примѣръ Давида и Голіафа, съ которыми сравниваетъ императора, говоритъ ему: «но подожди немного, и ты увидишь, что онъ (Голіафъ) по силѣ Божіей былъ пораженъ своимъ собственнымъ мечемъ», — на основаніи этого мѣста, которое вѣкторые римскокатолическіе писатели считаютъ *пророчествомъ* убіенія Михаила III, — они дѣлаютъ предположеніе, что и самъ папа не былъ чуждъ участія въ той катастрофѣ, которая разразилась надъ головою Варды и Михаила III (Erist. Nicol. VIII, Hard. t. V. p. 145). По нашему мнѣнію, и это предположеніе не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній.

(1) Hard. t. V. p. 980.

(2) Ibidem

(3) Ibid. p. 981.

(4) Ibidem.

(5) Ibid. p. 984. Излишне замѣчать, что эти каррикатурныя изображенія св. Игнатія, о которыхъ говоритъ Никита, суть произведенія его собственной фантазіи. Гораздо справедливѣе, вѣсть съ Робертомъ Грейтономъ (Greighton—Proleg. ad Sylvestri Shyropuli hist. Synod. Florent. Hagae, 1660), цѣлуемымъ Икономосомъ (въ Ἀμφιλοχίῳ προλεγύμ.

кровию Христовою анаѣему и осужденіе Фотію (1). Бывъ осужденъ и подвергнутъ анаѣемъ, Фотій не переставалъ однако злоумышлять (2); между тѣмъ оказанное ему и его приверженцамъ снисхожденіе со стороны собора (3) вновь вызвало гнѣвъ Божій и было причиною новаго землетрясенія (4). Для привлеченія къ себѣ новаго императора, онъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости: сочинилъ родословіе Васпія Македонянина, — именно, взявъ начальныя буквы имени самого императора, сыновей и судруги его, онъ составилъ изъ нихъ имя Βελλᾶς и вывелъ родъ царя отъ Тиридидата, царя армянскаго, современника Григорія священномученика; затѣмъ, онъ написалъ это родословіе древними александрійскими буквами на

σελ. λα), полагать, что между похищенными рукописями, наполненными, по свидѣтельству Никиты, семь мѣшковъ, было не мало драгоценныхъ сочиненій Фотія.

(1) Ibid. p. 988. Ὑπογράφουσι δὲ τῆ καθάρσεως, οὐ φιλή τῷ μέλανι τὰ χειρογράφα κλοῦμενοι, ἀλλὰ, τὸ φρικωδέστατον... καὶ ἐν αὐτῷ τοῦ Σωτήρος τῷ αἵματι ζήκοντες τὸν κλάμον.

(2) Ibid. p. 1001.

(3) Никита не одобряетъ собора 869 года за то, что онъ принялъ въ общеніе тѣхъ епископовъ, которые отпали было отъ Фотія, но потомъ снова пристали къ нему (Ibid. p. 988—989). Отъ этого снисхожденія, по мнѣнію Никиты, произошло такое же зло, какое произошло во время VII вселенскаго собора, вслѣдствіе снисхожденія, оказаннаго соборомъ иконоборствовавшимъ епископамъ.

(4) Ibid. p. 989. Нѣкоторые изъ инокъ, преданныхъ Фотію, считали это землетрясеніе значеніемъ гнѣва Божія, возбужденнаго несправедливостію царя по отношенію къ Фотію; но самъ Фотій не одобрялъ ихъ мысли и поэтому писалъ одному иноку, по имени Григорію: «Ἐγὼ μὲν οὐκ ἐν φαίῳ δίχῃ: τίνοισαν τὴν πόλιν τῶν εἰς ὕμῃς ἀδικημάτων ἀντὶ πάσης πολιάνδριον γενέσθαι, πικρῶ δὲ μῆδὲ τὴν ὕμῶν ἐπίκλησιν ταῦτα ἐννοεῖν (Epist. III. p. 433. Изд. Валетты. Лондонъ). Нужно еще замѣтить, что византійскіе историки упоминаютъ объ одномъ только изъ двухъ землетрясеній, о которыхъ говоритъ Никита, указывая въ то же время единогласно на настоящее землетрясеніе. По всей вѣроятности, одно создано пафлагонскою фантазією Никиты.

весьма древней бумагѣ и, какъ будто древнее сочиненіе, содержащее пророчество о царствованіи Василія Македонянина, положилъ въ императорской библіотекѣ, воспользовавшись для этого услугами друга своего Теофана, считавшагося во мнѣніи царя ученыѣйшимъ челоуѣкомъ. Теофанъ показалъ это сочиненіе императору, какъ нѣкій памятникъ древности, и представилъ ему, что только Фотій въ состояніи разобрать и объяснить этотъ загадочный документъ, чѣмъ и склонилъ императора вызвать патріарха изъ заточенія. Объясненіе Фотія такъ понравилось царю, что царь полюбилъ его (1). Чтобы упрочить за собою расположеніе царя, Фотій приблизилъ къ нему друга своего Теодора Сантаварина, слышшаго за челоуѣка прозорливаго и святаго, но на самомъ дѣлѣ исполненнаго сатанинской мудрости, и, при его пособіи, опять сталъ злоумышлять противъ св. Игнатія (2). Спустя три дня послѣ мирной и блаженной кончины патріарха Игнатія, Фотій опять вступилъ на патріаршій престолъ и опять началъ гнать сво-

(1) Ibid p. 1004. Эту басню списала у Никиты—Симеонъ Магистръ (Theoph. Cont. p. 689), Зоюара (p. 164), Манаассія (стих. 5314) и Михаилъ Глика (p. 552). Никита, на этотъ разъ, оказался болѣе искуснымъ, чѣмъ Стиліанъ Неокасарійскій. Мы видѣли, что Стиліанъ приписалъ возвращеніе Фотія изъ ссылки мнимому чародѣйству Сантаварина, обуювашаго у мѣ императора Василія. Вѣроятно Никита зналъ, что Сантаваринъ получилъ доступъ къ Василію не раньше, какъ уже во время втораго патріаршества Фотія, а потому и предложилъ болѣе замысловатое объясненіе. Можетъ статься и то, что Никита слышалъ эту басню изъ устъ другихъ Игнатіанъ, такъ какъ въ толлѣ легендарный способъ объясненія фактовъ всегда былъ въ ходу. Въ этой баснѣ характеристично то, что Фотію служилъ ученый челоуѣкъ; полубра-зованный, по мнѣнію игнатіяннина, конечно, не способенъ къ такой лживости, на которую можетъ рѣшиться ученый.

(2) Ibid. p. 1004—1005.

ихъ противниковъ—приверженцевъ св. Игнатія, устраняя ихъ отъ должностей въ пользу своихъ приближенныхъ (¹). Затѣмъ онъ послалъ друга своего Теодора въ Римъ и написалъ папѣ, что вступилъ на патриаршій престолъ по настоянію церкви и государства; для подтвержденія этой лжи, укралъ чрезъ одного секретаря печати всѣхъ митрополитовъ и такимъ образомъ заставилъ ихъ подписать въ посланіяхъ къ папѣ то, чего они совсѣмъ не знали (²). Однако гнѣвъ Божій постигъ сыновъ противленія. За беззаконія Фотія, у императора Василия умеръ любезнѣйшій и первородный сынъ; патриархъ призналъ его святымъ, человѣкоугодно освящая въ память его монастыри и храмы (³). Затѣмъ, городъ Сиракузы былъ завоеванъ и подвергнутъ страшному опустошенію (⁴). Да вотъ и теперь, плачетъ Сикита, нѣтъ острова, нѣтъ города, нѣтъ такой страны, гдѣ непріатели не производили бы опустошеній; а все по-

(¹) Ibidem.

(²) Ibid. p. 1008. Ἴνα δὲ βαβαίωσται τὸ ψεῦδος τῶν ἐπιστολῶν κλέπτει διὰ τοῦ μεταγράφου Πέτρου τὰς σφραγίδας τῶν βουλωτηρίων τῶν ὄλων μητροπολιτῶν.

(³) Διὰ ταῦτα καὶ ἐτι πλείω τούτων ἀποκώτερα (сказаннаго, значить, мало было), ἤλθεν ἡ ὀργὴ τοῦ Θεοῦ ἐπὶ τοὺς υἱοὺς τῆς ἀπειθείας. Καὶ εὐθὺς μὲν τότε τῷ βασιλεῖ τέθνηκε Κωνσταντῖνος ὁ τρίτοθτος καὶ πρωτότοκος υἱός, ὃν καὶ ἅγιον ὁ τολμητής οὗτος εἰς τὴν τοῦ πατρὸς χάριν, εἰς αὐτοῦ χειροτονῶν μοναστηρίους τε καὶ ναοὺς ἀνθρωπαρεσχίᾳ τιμῶν οὐκ πολυβαίτε (Ibid. p. 1008). Здѣсь имѣется въ виду обитель, которую построилъ императоръ Василій по смерти сына и которую онъ назвалъ обителию св. Константина (Georg. Monach. p. 846).

(⁴) Ibidem. Судя по свидѣтельствамъ Симеона Магистра и Георгія Монаха, городъ Сиракузы взятъ былъ еще при жизни Игнатія (Sym. Magistr. p. 691. Georg. Monach. p. 843). Стало быть, не помогла и молитва св. Игнатія. По всей вѣроятности, Сикита намѣренно относить это событіе ко времени втораго патриаршества Фотія, чтобы доказать, что Богъ не слышитъ молитвъ людей, учившихся свѣтской мудрости.

тому, что молитва слывущихъ за священнослужителей не умилостивляетъ Бога (1). По писанію, мы сдѣлались овцами безъ пастыря. Зло укоренилось, беззаконіе стало закономъ для беззаконныхъ... и навлекаетъ гнѣвъ Божій. «Впрочемъ,—скромно оканчиваетъ онъ свою рѣчь,—подробное разсмотрѣніе всѣхъ новшествъ и беззаконій, какъ Фотія, патріарха лицемеровъ и крестопопрателей, такъ и всѣхъ его преемниковъ и сообщниковъ его властолюбія, есть дѣло исторіи и не составляетъ предмета настоящаго слова»,—и въ заключеніе приглашаетъ своихъ читателей, или слушателей, «молиться Богу, чтобы Богъ избавилъ ихъ отъ участи людей, производящихъ соблазны и раздоры по своему злостному похотѣнію, и удостоилъ жребія святыхъ, къ лику коихъ и соприсчисленъ св. Игнатій».

Таковы отзывы о Фотіѣ Никиты Пафлагонскаго—этого образцоваго игнатіянина. Въ такомъ искаженномъ и обезображенномъ видѣ представляетъ онъ жизнь и дѣятельность человѣка, такъ рѣзко выдававшегося изъ своей среды и такъ много потрудившагося надъ искорененіемъ современнаго ему невѣжества, ханженства, и надъ очищеніемъ тѣхъ дикихъ и суевѣрныхъ понятій, которыя господствовали въ большинствѣ *присныхъ* ему по плоти! Замѣчательно также отношеніе Никиты къ Василию Македонянину. Когда Василій убилъ Варду и императора Михаила—противниковъ игнатіянцъ, тогда онъ, по мнѣнію Ни-

(1) Ibid. p. 1009. Изъ этихъ словъ можно догадываться, что константинопольскій патріархомъ въ то время былъ одинъ изъ почитателей Фотія, или вообще какой нибудь фотіанинъ, т. е. ученикъ и разумно-благочестивый человѣкъ. Не Николай ли это Мистакъ, ученикъ Фотія?

ниты, былъ орудіемъ Божиимъ и справедливымъ государемъ, дѣйствовавшимъ противъ Фотія по вдохновенію свыше (1); а когда перемѣнилъ свои отношенія къ Фотію, тогда сталъ человѣкомъ не только простымъ, но легкомысленнымъ (2) и даже глупымъ (3).

«Біографія св. Игнатія», по нашему мнѣнію, ясно выказываетъ весь умственный кругозоръ и весь складъ религіозно-нравственныхъ понятій ея автора,—его суевѣрность и ханжество въ религіозно-нравственномъ отношеніи, ненависть къ учености и образованію въ отношеніи социальномъ, и клерикализмъ въ политикѣ. При такомъ складѣ понятій и уровнѣ развитія онъ и не могъ иначе относиться къ Фотію, стоявшему во главѣ лицъ совершенно противоположнаго направленія, какъ—самымъ враждебнымъ образомъ. А потому, ограничившись простымъ изложеніемъ клеветъ, вводимыхъ имъ на Фотія, мы не считаемъ нужнымъ доказывать ихъ лживость, какъ вещь совершенно очевидную послѣ того, что нами было уже разъяснено по этому предмету, и скажемъ нѣсколько словъ только по поводу сообщеній его—1) о первомъ посольствѣ Фотія къ папѣ Николаю и 2) объ отношеніяхъ Фотія къ Вардѣ послѣ совершенія надъ Вардою казни. Что разсказъ Никиты о посольствѣ Фотія къ папѣ Николаю ложенъ—это несомнѣнно. Въ самомъ дѣлѣ, не только не сохранилось до нашего времени упоминаемаго имъ посланія Фотія, но нѣтъ ни малѣйшаго намека на такое посланіе и въ письмѣ папы Николая къ Фотію. А потому даже римско-ка-

(1) Ibid. p. 982 и 984.

(2) Καῖφος. Ibid. p. 1004.

(3) Εὐφύης. Ibid. p. 1005.

толическіе писатели, въ старыя времена высказывавшіе предположеніе, что упоминаемое Никитою посланіе съ теченіемъ времени было утрачено, въ наше время совершенно отказались отъ мысли, чтобы оно когда нибудь дѣйствительно существовало. За то теперь въ ходу другаго рода предположеніе, одинаково направленное противъ Фотія. «Такихъ словъ, какія Никита приписываетъ Фотію, не было, говорятъ, въ посланіи Фотія; но они были въ письмѣ императора Михаила III-го къ папѣ; а это письмо, конечно, было продиктовано Фотіемъ». Если бы мы даже допустили, что императоръ Михаилъ дѣйствительно писалъ папѣ объ Игнатіѣ такъ, какъ говоритъ Никита; то изъ того отнюдь не слѣдовало бы еще, будто онъ писалъ такъ подъ диктовку Фотія. Но не правда и то, чтобы слова, приписываемыя Никитою Фотію, содержались въ письмѣ императора Михаила къ папѣ. Письмо это не дошло до насъ, и о содержаніи его можно судить только по отвѣту на него папы Николая. Въ отвѣтѣ папы нѣтъ однако ни малѣйшаго намека на сообщаемыя Никитою слова. Изъ него видно только, что императоръ Михаилъ писалъ одновременно объ отреченіи св. Игнатія и объ его низложеніи (1). И нѣтъ сомнѣнія, что императоръ разумѣлъ здѣсь тоже самое отреченіе, о которомъ говорится въ запискѣ Феогноста и въ актахъ собора 869 года, т. е. отреченіе, дѣйствительно послѣдовавшее послѣ отправления св. Игнатія въ ссылку; а подъ низложеніемъ онъ разумѣлъ, конечно, то, которое послѣдовало въ храмѣ св. апостоловъ и было вызвано новыми усиліями игнатіанъ свергнуть Фотія и возстановить Игнатія.

(1) Nicol. epist. 2. Hard. t. V, p. 128.

Такимъ образомъ императоръ писалъ папѣ чистую правду, и обвиненіе его въ томъ, будто бы въ означенномъ письмѣ онъ представлялъ обстоятельства изложенія Игнатія въ превратномъ видѣ, совершенно не основательно.

Другая клевета Никиты, будто Фотій порицалъ Варду, называя его трюкайнымъ и проклятымъ, также легко можетъ быть обличена. Гергенретеръ ⁽¹⁾ и прежде него аббать Яжеръ ⁽²⁾ указываютъ въ подтвержденіе словъ Никиты на отвѣтное письмо Фотія къ императору Михаилу, извѣщавшему Фотія, что Варда убитъ за злоумышленіе противъ его жизни. Письмо это, по мнѣнію Гергенретера, обнаруживаетъ въ Фотіѣ—придворнаго льстеца, человѣка безхарактернаго, и во всякомъ случаѣ показываетъ, что Никита не клеветаетъ на него. Въ доказательство Гергенретеръ цитуетъ слѣдующее мѣсто изъ Фотіева письма: «какъ это, бывъ возвышенъ щедротами вашего величества до такой степени, что едва не держалъ въ рукахъ скипетра, и раздѣлялъ, если не званіе, то власть царскую, онъ не оцѣнилъ, *какъ говорятъ* (переводя это мѣсто, аббать Яжеръ пропускаетъ выраженіе: *какъ говорятъ*) величія благодарнѣй, не довольствовался тѣмъ, чего былъ удостоенъ, и не былъ благодаренъ за то, что пріобрѣлъ, но рѣшился на такой дерзкій шагъ и поднялъ преступную руку на своего благодѣтеля, за что, увы, и погибъ несчастнымъ и жалкимъ образомъ, оставивъ и жизнь, и гордыя надежды, и темныя мечты» ⁽³⁾. Современные ху-

(1) В. I. p. 589.

(2) Histoire de Photius, p. 125.

(3) Πῶς ὑπὸ τῆς ὀμῶν φιλοδόξου καὶ μεγαλοφώρου δεξιᾶς εἰς αὐτὸν πρὸς τὰ

лители памяти патріарха Фотія какбы игнорируютъ въ этомъ письмѣ самое важное мѣсто, которое даетъ письму совершенно ясный смыслъ. Вотъ это мѣсто: «милостивѣйшій и снисходительнѣйшій государь! Мнѣ больно было узнать, что такой человекъ былъ преданъ преждевременной смерти, и въ особенности, что онъ былъ казненъ за государственную измѣну. Только благородный характеръ и мягкосердіе вашего величества не позволяютъ мнѣ высказать подозрѣніе, что письмо подложно (разумѣется письмо, которое враги Варды показали императору и въ которомъ Варда былъ представленъ злоумышленникомъ на жизнь царя), что дѣло было какънибудь иначе, нежели какъ ты пишешь,—такъ, что ему (Вардѣ) въ честь, а другіе должны будутъ поплатиться...» (1). Далѣе: «но онъ уже кончилъ свою жизнь—такъ, какъ было суждено ему неизреченными судьбами Божиими, бывъ для однихъ предметомъ изумленія, для другихъ—вразумленія, для многихъ источникомъ милости, а для большинства загадкою» (2). Аббатъ Яжеръ, приводя письмо Фотія будто бы цѣликомъ, искажаетъ

σκόπτρα τῆς βασιλείας ἀνοψῶθεις καὶ τὴν βασιλείον εἰ μὴ τὴν κλησίαν, ἀλλὰ τὴν ἐξουσίαν συμμερισάμενος οὐκ ἤνεγκεν, ὡς φασί, τῆς εὐεργεσίας τὸ μεγέθος, οὐδ' ἔστερξεν ὡς ἡξιώται, οὐδ' ἠχοχαρίστησεν, ὡς ἀπῆλαυσεν, ἀλλ' ὑπερόριον τὸν πόδα κινῶν καὶ χεῖρας ὕβρωσ κατὰ τῆς εὐεργετίδος ἀνατεινόμενος κεφαλῆς αὐτὸ τε τὸ ζῆν καὶ τὰς ὑπερηφάνους ἐλπίδας καὶ τὰ μάταια φουρήματα οἰκτρῶς, ὀμοί, καὶ ἐλεεινῶς ὤχετο λείπων (Ep. 221. Лондонъ).

(1) Ἦλγησα μὲν (ὃ φιλάνθρωπον ἐμοὶ καὶ πανήμερον κράτος) αὐρῶ θανάτῳ παραδοθέντα τὸν ἄνθρωπον μαθὼν, ἐφ' ᾧ δε μάλιστα, ὅτι καὶ τυραννίδος διδοὺς δικὴν εἰσεπράχθη τὸν θάνατον πλάττεσθαι γὰρ τὸ γράμμα καὶ ἄλλως πως ἢ ὡς ἐδήλου τὰ περὶ αὐτὸν συναναγεθῆναι, δι' ᾧ ἐκεῖνος μὲν στέφεταί, ἄλλοι δὲ κοφύονται, ἢ τοῦ σοῦ κράτους ἀρετῇ καὶ ἐπιεικείᾳ ὑποναιεῖν οὐκ ἐνδίδωσιν κ. τ. λ. (Epist. 221. Лондонъ).

(2) Ἄλλ' ἐκεῖνος μὲν ὡς τῶν τοῦ Θεοῦ χρημάτων εἰδίκασε τὸ ἀπόρρητον, οὕτω καὶ τὸν βίον κατεστρέψατο, πολλοῖς μὲν ἐκπλήξας, πολλοῖς δὲ σωφρονισμός, πολλοῖς δ' ἔλεος, πλείοσι δ' ἀπορία γεγονώς. Ibidem.

его до такой степени, что переводить вышеприведенное нами мѣсто слѣдующимъ образомъ: «благороднѣйшій характеръ и мягкосердіе вашего величества не позволяютъ мнѣ допустить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительности причины его казни». Гергенретеръ же, который, имѣющія наиболѣе важное значеніе мѣста изъ источниковъ, обыкновенно приводитъ подъ строкою *въ подлинномъ текстѣ*, счелъ излишнимъ привести выше указанное мѣсто и, передавая содержаніе Фотіева письма въ текстѣ, перефразируетъ это мѣсто такъ: «благородный характеръ и мягкосердіе императора не позволяютъ, впрочемъ, допустить, чтобы это дѣло свершилось какъ либо иначе, или по какимъ либо другимъ причинамъ, а не тѣмъ, какія изложены въ письмѣ императора» (1). Мы видѣли уже, что въ этомъ мѣстѣ содержится вовсе не тотъ смыслъ, который передаютъ аббатъ Яжеръ и Гергенретеръ. Фотій въ этомъ письмѣ, напротивъ, сдержанно и осторожно даетъ знать императору, что несчастный Варда палъ измѣннически, по интригамъ своихъ враговъ, причемъ и намекаетъ на этихъ враговъ, говоря, что «другіе должны будутъ поплатиться». Вообще очевидно, что и по смерти Варды онъ относился къ его личности въ высшей степени сочувственно.

Вслѣдъ за католическими писателями и г. Папаригонпулъ, профессоръ аѳинскаго университета (2), находитъ, что Фотій въ этомъ письмѣ является будто бы ниже своего имени, такъ какъ оправдываетъ рѣшеніе императора Михаила и едва осмѣливается вы-

(1) Гергенретеръ. В. I. p. 559—590.

(2) *Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ εὐνοῦς*, t. 3. p. 638.

сказать нѣкоторое сомнѣніе въ виновности Варды. Но если бы почтенный профессоръ вникъ надлежащимъ образомъ въ обстоятельства того времени, то не пришелъ бы къ такого рода выводу. Могъ ли константинопольскій патріархъ отвѣчать иначе императору, извѣщавшему его, что Варда покушался на его жизнь и что именно вслѣдствіе того онъ погибъ? Желая обезпечить свое положеніе, говорить далѣе г. Папаригонуль, Фотій въ этомъ же письмѣ осыпаетъ императора ласками и зоветъ его скорѣе возвратиться изъ Крита въ Константинополь. Обезпечить свое положеніе... развѣ это преступленіе? Но Фотій побуждалъ императора Михаила поспѣшить въ столицу вообще въ видахъ предотвращенія дальнѣйшихъ замѣшательствъ, подвергающихъ опасности и жизнь самаго императора. Узнавъ о печальной участи Варды, Фотій не могъ не предвидѣть дальнѣйшихъ замѣшательствъ. Его опасенія отчасти видны и въ слѣдующихъ словахъ того же письма: «доставь твоему городу и твоимъ гражданамъ удовольствіе, говоритъ Фотій императору, встрѣтить тебя дерзновенными рукоплесканіями и восклицаніями, *называя тебя императоромъ* (*καὶ τὸ αὐτοκράτορα σοὶ προσφθεύξασαι*).

Можно было бы также остановиться на разборѣ увѣреній Никиты въ мнимыхъ жестокостяхъ Фотія по отношенію къ Игнатію; но эти клеветы давно опровергнуты даже протестантскими писателями, а потому повторять эти опроверженія излишне. Преслѣдованія игнатіянъ Фотіемъ не допускаетъ даже самъ Гергенретеръ. Да и возможно ли ихъ допускать въ виду сохранившихся до насъ писемъ Фотія къ Вардѣ, въ которыхъ Фотій протестуетъ противъ этихъ же-

стокостей правительства по отношенію къ вѣкоторымъ изъ игнатіанъ?

Что касается небольшого отрывка, извѣстнаго подъ заглавіемъ: *Крестопопратели*, то цѣль его автора, какъ видно изъ самаго заглавія, — показать, что епископы, становившіеся на сторону Фотія, неоднократно были нарушителями своей присяги. Таковыми были 1) тѣ изъ епископовъ, которые, послѣ обѣщанія св. Игнатію быть вѣрными ему до смерти, измѣнили ему и перешли на сторону Варды; 2) самъ Фотій, когда нарушилъ данное имъ письменно обѣщаніе почитать Игнатія патріархомъ; 3) епископы, перешедшіе на сторону Фотія послѣ изложенія Игнатія въ храмъ св. Апостоловъ; 4) всѣ присутствовавшіе на соборѣ 861 года; 5) всѣ епископы, перешедшіе на сторону Фотія во время втораго его патріаршества. Послѣ этого дѣлается намекъ на папу Іоанна VIII, признававшаго Фотія патріархомъ. «Да какъ и римляне смѣютъ нарушать свои собственноручныя подписи, говоритъ авторъ «Крестопопрателей»? Вѣдь и они всѣ дали свои подписи на бывшихъ тамъ двухъ соборахъ, при Адріанѣ и Николаѣ, между которыми была и подпись архидіакона Іоанна, сдѣлавшагося потомъ папою! Всѣ они положили свои подписи на гробъ св. Петра, съ обязательствомъ — «никогда не принимать церковнаго прелюбодѣя — Фотія, — ни хиротоніи его, ни тѣхъ, которые нарушили бы опредѣленія двухъ вышеназванныхъ соборовъ». Далѣе, авторъ высказываетъ негодованіе на принятіе въ общеніе съ римскою церковію лицъ, посвященныхъ Фотіемъ, или сочувствовавшихъ ему. «Много плевелъ произрасло на нивѣ церковной, говоритъ онъ, и прежде все-

го—первая хиротонія осужденнаго Фотія, — затѣмъ вторая, послѣдовавшая за нерушимымъ анаѳематствованіемъ его. Между тою и другою есть различіе: первую его хиротонію отвергли предстоятели римскіе и VIII вселенскій соборъ; поэтому о второй не можетъ быть и рѣчи. Равнымъ образомъ, есть различіе и между первыми и вторыми крестопопрателями: первые сдѣлали это по безумію Варды; а вторые, которые, послѣ оказаннаго имъ на соборѣ снисхожденія, снова приняли Фотія, когда онъ вторично овладѣлъ церковію Божіею, не имѣютъ уже никакого оправданія. Далѣе, нѣкоторые были рукоположены осьмымъ священнымъ соборомъ и не давали подписей, но потомъ сошлись съ анаѳематствованнымъ Фотіемъ... одни по принужденію, другіе добровольно: изъ нихъ иные приняли отъ него пятнадцатидневную эпитимію за то, что анаѳематствовали его; бѣльшую же часть онъ вновь рукоположилъ, назвавъ эту хиротонію тайвственной (1); а нѣкоторые долго стояли за истину, и только послѣ многоразличныхъ преслѣдованій и страданій отъ жестокаго Фотія, не выдержавши нестерпимыхъ пстязаній, дезертировали и пристали къ беззаконію Фотія. Этимъ послѣднимъ папа, конечно, долженъ оказать снисхожденіе, такъ какъ они невольна пристали къ Фотію». Всѣхъ же прочихъ крестопопрателей, по мнѣнію автора, слѣдуетъ отвергать и анаѳематствовать (2). Изъ этихъ разсужденій видно, что авторъ жилъ, прибли-

(1) По всей вѣроятности это явное тайвственное рукоположеніе есть не что иное, какъ разрѣшительная молитва, составленная, быть можетъ, самимъ Фотіемъ.

(2) *Raderi*, Acta s. et oecumenici concilii octavi C.-politani, ann. 1604, pag. 412—414.

зительно, въ концѣ IX-го или въ началѣ X вѣка. Въ нихъ важно то, что папа Іоаннъ VIII, принявшій Фотія въ общеніе, вовсе не представляется обманутымъ Фотіемъ; авторъ, напротивъ, съ глубокою скорбію намекаетъ на то, что и римляне, въ лицѣ названнаго папы, явились нарушителями своихъ собственныхъ подписей, а слѣдовательно также «крестопопрателями».

Іеромонахъ Герасимъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1873. № 10. С. 294-311.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІѢ, ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ, ЕГО СОВРЕМЕННОКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЙ ПОЛІТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВІЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Продолженіе).

ІХ. СИМЕОНЪ МАГИСТРЪ И ЛОГОЕЕТЪ.

У Симеона Магистра встрѣчаются самыя чудовищныя извѣстія о Фотіѣ; но принадлежать ли они самому Симеону, нельзя съ увѣренностію сказать. Есть данныя, которыя позволяютъ думать, что всѣ встрѣчающіяся въ лѣтописи Симеона Магистра сказанія о Фотіѣ вставлены какимъ нибудь переписчикомъ лѣтописи Симеона, жившимъ въ одно время съ нимъ, или нѣсколько позже. Вотъ эти данныя: подъ именемъ Симеона Логоеета извѣстна другая лѣтопись, помѣщенная въ концѣ хроники Георгія Амартола съ слѣдующими словами въ началѣ: *ἔως ἧδε τὰ χρονικά Γεωργίου. ἀπὸ τῶν ἧδε μόνον τοῦ Λογοθέτου*, то есть: «доселѣ лѣтопись Георгія; далѣе же идетъ лѣтопись Логоеета». Эта лѣтопись во всемъ сходна съ особо изданной подъ именемъ Симеона Магистра лѣтописью; по мѣстамъ она даже полнѣе, такъ что особо изданная съ

именемъ Симеона Магистра лѣтопись представляется какъ бы ея сокращеніемъ. Рѣзкая разница между обѣими лѣтописями выступаетъ лишь тамъ, гдѣ дѣло идетъ о Фотіѣ и его сторонникахъ; въ продолженіи Георгія Амартола не только нѣтъ ничего подобнаго легендамъ, помѣщеннымъ въ особо изданной лѣтописи, но даже нѣтъ ни слова, роняющаго честь патріарха Фотія, который, наоборотъ, величается въ ней какъ *λογιώτατος πάντων*. Далѣе, въ особо изданной лѣтописи, рядомъ съ враждебными о Фотіѣ сказаніями, встрѣчаются и извѣстія, не только идущія въ разрѣзъ съ ними, но даже совершенно ихъ уничтожающія, такъ что авторъ кажется не понимающимъ или не сознающимъ значенія того, что онъ самъ пишетъ. По обѣимъ лѣтописямъ личность Василія Македонянина выставлена далеко не въ томъ свѣтломъ видѣ, въ какомъ она выступаетъ у Генезія, у продолжателя Теофана и у Константина Порфиророднаго. Коварное умерщвленіе Варды и Михаила III изложено правдиво, и на Василія потому возводятся самыя тяжкія обвиненія; между тѣмъ въ особо изданной съ именемъ Симеона Магистра и Логовета лѣтописи, рядомъ съ правдивыми рассказами, приводятся и помѣщенные у Никиты и продолжателя Теофана таинственныя предзнаменованія *кары Божіей*. Эти предзнаменованія у Никиты и панагиристовъ Василія имѣютъ свой смыслъ, такъ какъ по мнѣнію этихъ писателей, Василій Македонянинъ ни въ чемъ не былъ повиненъ; но у Симеона, который ни мало не щадитъ убійцы, который даже набожно передаетъ намъ, какимъ образомъ правда Божія отомстила ему за коварное царубійство, эти мнимыя предзнаменованія вовсе не имѣютъ мѣ-

ста, а потому въ продолженіи Георгія Амартола ихъ вовсе и нѣтъ. На основаніи этихъ данныхъ, надобно думать, что особо изданная съ именемъ Симеона Логоета лѣтопись значительно повреждена вставками и что за подлинную лѣтопись Симеона можно признать исключительно ту, которая помѣщена какъ продолженіе хроники Георгія Амартола. Если же допустить вмѣстѣ съ Муральтомъ (1), что Симеонъ Магистръ есть не кто иной, какъ Симеонъ Метафрастъ, то наше предположеніе становится еще правдоподобнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы нелѣпныя сказанія отдѣльно издаваемой съ именемъ Симеона Магистра лѣтописи принадлежали Метафрасту, которому еще Михаилъ Пселъ, глава ученыхъ XI-го вѣка, — *ὁ βλαπτός τῶν φιλοσόφων*, какъ его называли, — раточалъ такъ много похвалъ въ особомъ панегирикѣ. Правдоподобно ли, чтобы собиратель и исправитель жизнеописаній святыхъ, значительно *очистившій* эти жизнеописанія отъ легендарной примѣси, рѣшился обезобразить свою лѣтопись чудовищными вымыслами о Фотіѣ? Весьма вѣроятно, скажемъ опять, что его лѣтопись постигла та же участь, какая постигла его собраніе «житій», — то есть, что она также была искажена вставками и передѣлками (2). Если же въ настоящемъ очеркѣ мы приписываемъ враждебные о Фотіѣ отзывы самому Симеону Магистру, то дѣлаемъ это, слѣдуя лишь общепринятому мнѣнію писателей не только западныхъ, но и восточныхъ, о принад-

(1) *De Muralt. «Essai de chronographie byzantine», St. Petersbourg.* р. XIV.

(2) См. «L'empire grec au dixième siècle», par Alfred Rambaud, Paris, 1870, р. 93.

лѣтписи ему особо издаваемой съ его именемъ лѣтописи. Какъ бы впрочемъ то ни было, авторъ этой лѣтописи, хотя и находится по отношенію къ исторіи Фотія подъ вліяніемъ Никиты Пафлагонскаго, тѣмъ не менѣе весьма значительно отличается отъ него.

Симеонъ Магистръ, или прикрывающійся его именемъ авторъ, отличается отъ Никиты тѣмъ, что не сочиняетъ отъ себя, не выдумываетъ, подобно ему, разныхъ небылицъ, но просто, безъ всякихъ разглагольствій и восклицаній, даже безъ всякой внѣшней разработки, заноситъ въ свою лѣтопись то, что читалъ или слышалъ отъ другихъ противъ Фотія. Сообщаемыя имъ легендарно-міѳическія свѣдѣнія — не произведеніе его собственной фантазіи, а собраніе разныхъ темныхъ слуховъ, такъ или иначе сложившихся въ средѣ игнатіанъ, а также и среди благочестивыхъ, но чуждыхъ всякой свѣтской образованности иноковъ,—эти темные слухи пришли, видно, какъ разъ по душѣ автору, и онъ письменно передаетъ ихъ какъ факты, въ дѣйствительность которыхъ самъ искренно вѣритъ. Въ Никитѣ часто говорила слишкомъ возбужденная страсть, а потому онъ часто позволялъ себѣ, какъ мы уже видѣли, намѣренную ложь; напротивъ у Симеона ничего такого нѣтъ: онъ никого не хочетъ обманывать, хотя самъ жестоко обмануть, и сообщаемыя имъ свѣдѣнія служатъ вѣрнымъ отголоскомъ среды, подъ вліяніемъ которой онъ писалъ. Въ этомъ отношеніи Симеонъ представляетъ собою типъ честнаго игнатіанина, и потому, какъ ни велики вообще его свѣдѣнія о Фотіѣ, нѣкоторыя изъ нихъ тѣмъ не менѣе заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Симеонъ Магистръ, или вѣриже — среда, истымъ представителемъ которой служилъ онъ, сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о происхожденіи Фотія и о патріаршемъ его служеніи. «Фотій былъ сынъ Сергія Спаварія, отцомъ котораго былъ Захарія, имѣвшій въ свою очередь другаго сына Льва (царя). Язычникъ по происхожденію, Сергій ворвался разъ въ женскій монастырь, похитилъ оттуда инокиню, и заставивъ ее снятъ съ себя схиму, женился на ней» (1). «Спустя нѣсколько времени, другъ Сергія, св. Михаилъ Синадскій, случайно зашелъ въ домъ его, и, увидѣвъ его жеиу беременною, потрясъ своимъ жезломъ, какбы желая ударить ее, и при этомъ сказалъ: «о, если бы кто могъ умертвить ее и младенца въ ея утробѣ! Я вижу въ ней другую Еву, носящую во чревѣ змія—младенца мужескаго пола. Я усматриваю, что это дѣтя, по допущенію Божію, сбѣгается патріархомъ, отрекшись отъ всечестнаго и славнаго креста. Нечестивый—самъ, онъ многихъ увлечетъ съ собою въ крестопопрательство и многихъ лишитъ царства небеснаго многоразличными обольщеніями». (2) Тогда Сергій сказалъ Михаилу: если онъ, дѣйствительно, будетъ таковъ, то я умерщвлю его вмѣстѣ съ его ма-

(1) "Ὁς πάλιν ἔλαχεν υἱὸν λέοντα βασι... ὁ γὰρ Σέργιος, и т. д. Sym. Mag. p. 668. Можно думать, что послѣ бывъ: βασι... опущены: λέχ (= βασιλέα). Если это предположеніе вѣрно, то выходитъ, что отцемъ Фотія былъ братъ Льва Армянина, который низвергъ Игнатіева отца Михаила I-го съ царскаго престола, и что Фотій такимъ образомъ былъ племянникомъ Льва Армянина.

(2) Ibid. 669 .. Ἐπὶ ἀδελφῆται τοῦ πανσέπου καὶ τῆς σταυροῦ (У Аллѣція: καὶ πάντας σχεδὸν ἀπὸ τῆς εὐθείας ὁδοῦ ἐπὶ τρεῖς καταστρεῖ σχολίας καὶ τῆς καθαρᾶς πίστεως τοῦ Χριστοῦ ἀποβουκολίσει). Καὶ αὐτὸς εἰς ἀσέβειαν ἀποκλινῆι καὶ πολλοὺς εἰς σταυροπατίαν μεταστήσει (У Аллѣція: καταστήσει καὶ καταφρονητὰς τῶν ἱερῶν κανόνων ποιήσει) καὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν πολλοὺς ..

тервью. Святой отвѣтилъ: «не тебѣ остановить поупеніе Божіе, будь внимателенъ къ себѣ самому». Сынъ несчастія родился. Мать его, призвавъ Іакова, игумена монастыря Максимины, бросила сына въ погань старца и слезно умоляла окрестить его. Она говорила, что будучи еще беременною видѣла сонъ будтобы чрево ея разорвалось и вышелъ изъ него драконъ; да и блаженный исповѣдникъ Иларіонъ Далматскій сказалъ ей, что она носитъ во чревѣ воплощеннаго сатану». Взявъ новорожденнаго, Іаковъ окрестилъ его и назвалъ Фотіемъ, сказавъ: «можетъ быть гнѣвъ Божій и отвратится отъ него» (1). Симеонъ повѣствуетъ далѣе: «Сергій, отецъ Фотія, увидѣвъ на своемъ сынѣ какіе-то знаки, сказалъ: «моя жена не та-ли самая инокиня, которая по ожиданію евреевъ нѣкогда родитъ антихриста?» А такъ какъ Сергій и его супруга оба были иноколюбивы, то, пригласивъ къ себѣ иноковъ, просили ихъ молиться за себя и за Фотія. Когда Фотій былъ еще мальчикомъ, Сергій привелъ его къ св. Іоанникію на Олимпѣ и просилъ св. мужа помолиться за него. Іоанникій тотчасъ отвѣтилъ: «Фотій не хочетъ въ сердцѣ своемъ знать путей твоихъ, Господи». Сергій съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: что это ты говоришь, отче? Старецъ отвѣчалъ: «я тебѣ открываю то, что онъ совершитъ въ будущемъ». Тогда Сергій, посылавъ свою голову пепломъ сошелъ съ горы (2). Фотій росъ и укрѣплялся въ духѣ, конечно, богопротивномъ. Бывъ отданъ въ ученіе, онъ съ большимъ прилежаніемъ занимался эллинскими, т. е. свѣтскими науками,

(1) Syn. Mag. p. 669.

(2) Ibid. p. 669—670.

чѣмъ церковными. Разъ попался ему на встрѣчу одинъ волхвъ, родомъ изъ евреевъ, и обратился къ нему съ предложеніемъ: «что ты дашь мнѣ юноша, если я сдѣлаю такъ, что ты проникнешь во всю эллинскую ученость и превзойдешь всѣхъ мудростью»? Отецъ мой, отвѣчалъ Фотій, съ удовольствіемъ отдастъ тебѣ половину своего имущества. «Но я не нуждаюсь въ деньгахъ, возразилъ еврей, и даже не хочу, чтобы отецъ твой зналъ объ этомъ дѣлѣ, а иди со мною въ одно мѣсто и отрекись тамъ отъ знамени, на которомъ мы распяли Іисуса; я дамъ тебѣ чуднаго стража, и ты проведешь всю жизнь свою въ благоденствіи, богатствѣ, высокой мудрости и радости.» Фотій совершенно поддался волхву еврею; со вниманіемъ выслушавъ его предложеніе и исполнивъ все по его желанію, онъ сталъ съ того времени читать запрещенныя еврейскія книги объ искусствѣ гаданія и объ астрологіи, и на нихъ развивать свой умъ (1). Получивши, по рассказамъ автора, такое зловредное направленіе, Фотій, разумѣется, долженъ былъ искать себѣ опоры въ людяхъ одного съ нимъ поля. Такъ какъ отъ отца своего онъ слышалъ, что по предсказанію прозорливцевъ долженъ непременно достигъ патріаршаго престола, то съ этою цѣлію онъ познакомился съ нѣкимъ Григоріемъ, бывшимъ епископомъ сиракузской церкви, который былъ низверженъ великимъ Меодіемъ за многія преступленія и между прочимъ за то, что внѣ своей епархіи хиротонисалъ Захарію пресвитера, посланнаго въ Римъ тѣмъ же самымъ патріархомъ Меодіемъ, — подружился съ нимъ и нѣкоторыми другими, низложенными за

(1) Sym. Mag. p. 671.

преступленія. Тутъ были Евлампій Апамейскій, Петръ Силейскій и весьма много другихъ. На совѣщаніяхъ, происходившихъ въ домѣ Фотія, они вкупѣ съ Григоріемъ Сиракузскимъ строили ковы противъ св. Игнатія. Соборъ митрополитовъ и епископовъ, заседавшихъ въ патриаршихъ палатахъ, осудилъ и низложилъ всѣхъ ихъ. Но Варда кесарь, дядя (по матери) царя Михаила, низложилъ Игнатія и на патриаршій престолъ возвелъ Фотія (1).

Съвосшествіемъ Фотія на патриаршій престолъ, начинается година испытанія для благочестивыхъ. Страшныя видѣнія не давали покоя многимъ молчальникамъ. *Нечестіе* новаго патриарха приводило иноковъ и священнослужителей въ ужасъ, между тѣмъ какъ неправославныя проповѣди его соблазняли простыхъ вѣрующихъ. Во второй годъ, говоритъ авторъ, когда Фотій воздвигалъ честный крестъ въ праздникъ, одинъ инокъ— прозорливецъ (*dioraticós*), стоя по близости отъ жертвенника, узрѣлъ дивное видѣніе: огромный змѣй обвивалъ руки Фотія и связывалъ ихъ, между тѣмъ честный крестъ поднимался самъ собою. Пораженный такимъ зрѣлищемъ, инокъ громогласно и рѣзко воскликнулъ: Господи помилуй! Стоявшіе подлѣ него благочестивые люди стали допытываться о причинѣ такого возгласа, и онъ разсказалъ имъ свое видѣніе. Въ числѣ допытывавшихся были и пресвитеры церкви, которые въ свою очередь разсказали благочестивому и прозорливому сему иноку, что и они сами, служа съ Фотіемъ, никогда не слыхивали, чтобы онъ читалъ молитву, а замѣчали, что онъ шепотомъ бормоталъ все отрывки изъ свѣтскихъ поэтовъ, и, что всего хуже, сплевывалъ при этомъ зловоннѣйшую

(1) Sym. Mag. p. 671.

блеветину къ полу близъ самаго святаго и божественнаго престола... Іоаннъ Молчальникъ, мужъ богоносный и провидецъ, рассказывалъ намъ сущую правду. «Однажды, говорилъ онъ, когда я крѣпко засѣлъ въ своей пещерѣ, пришли ко мнѣ два нѣвіе игумена, крѣпко преслѣдуемые Фотіемъ, — Евѣимій и Іосифъ. Какъ Богъ вразумилъ, я старался ободрить ихъ и наконецъ отпустилъ, сказавши: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ. На слѣдующую же ночь, прежде еще чѣмъ заснуть, явился мнѣ огромный, и ужасный, такъ что взглянуть страшно, егіопъ, и хотѣлъ схватить меня за горло, чтобы задушить. Тотчасъ я сдѣлалъ крестное знаменіе, — ободрившись, схватилъ его руку, и говорю: кто ты, какъ тебя зовутъ, кто послалъ тебя сюда, и зачѣмъ? — Я, сказалъ тотъ въ отвѣтъ, — сильный у Веліара, но подрученъ Фотію; имя мое — Левуфа; я — споспѣшникъ чародѣевъ и волхвовъ, путеводитель блудниковъ и разбойниковъ, въ особенности же другъ еллинамъ и тайному моему почитателю — Фотію. Властелинъ мой послалъ меня къ тебѣ, въ отмщеніе за вчерашнія твои противъ него обиды, попытаться, не расквѣшься ли ты, не признаешь ли его ⁽¹⁾ и не отречешься ли отъ Господа Бога, какъ это онъ сдѣлалъ со многими другими; но ты обезсилилъ меня крестнымъ оружіемъ. Тогда — заключилъ святой мужъ — я поразилъ его знаменіемъ честнаго креста, и онъ исчезъ» ⁽²⁾.

«Однажды ночью случилось большое землетрясеніе. Фотій, взоидя на амвонъ для проповѣди, говорилъ, между прочимъ, что землетрясенія происходятъ не отъ

(1) Т е. Фотія — патриархомъ.

(2) Бут. Маг. р. 671--673.

грѣховъ нашихъ множества, а отъ напора воды, и что у **каждаго** человѣка двѣ души: одна, которая грѣшитъ, и другая; которая не грѣшитъ. Услышавъ это государственный протосекретарь (*πρωτοσηκρητης*), — пошелъ къ царю, и говорить: не даютъ намъ покоя наши рабы; **мы**, говорятъ: думали, что у **каждаго** изъ насъ одна душа и брали потому каждый по двѣ мѣрки (*μωδιους*) мѣсячнаго, а теперь оказывается, какъ явно учитъ патріархъ, что у **каждаго** двѣ души, — и, значитъ, слѣдуетъ намъ прибавить еще по двѣ мѣрки въ мѣсяцъ. Царь разсмѣялся и сказалъ: вотъ какъ учитъ эта хазарья рожа (*ὁ χαζαροπροσπιπος*)! Тотчасъ же зоветъ къ себѣ патріарха и, какъ будто въ самомъ дѣлѣ сердясь, спрашиваетъ его: такъ ты, марзукъ, учишь, что у **человѣка** двѣ души? Патріархъ, ловко подступивъ къ царю съ тонкими изъясненіями, увѣрилъ его, что онъ говорилъ совсѣмъ о другихъ предметахъ и совсѣмъ не такъ... Григорій Сиракузскій спросилъ его: что такое это значитъ — *марзукъ* (*μαρζουκας*)? А тотъ сказалъ: *мар* — собака, *зу* — тащи, *ка* (*καс-каστιμα*) — подметка, — значитъ, марзукъ — собака, волочащая кусокъ кожи» (1).

«Одинъ мастеровой, жившій въ Софіи (*εις τας Σοφιας*), — въ этомъ завѣряли люди, уже сами видѣвшіе и слышавшіе, — много дней мучился исходомъ души, — кусалъ себѣ языкъ, губы, руки, но никакъ не могъ умереть. Наконецъ, очнувшись нѣсколько, онъ сказалъ: знайте, братья, что патріархъ Фотій меня научилъ никогда не приобщаться натошакъ, и вотъ отъ этого, какъ видите, я теперь мучусь и не могу умереть» (2).

(1) Sym. Mag. pag. 673 et 674.

(2) Ibid. p. 674.

Эти легендарныя сказанія весьма драгоцѣнны. Къ нимъ не нужно прибавлять никакихъ поясненій. Какъ въ чистомъ зеркалѣ, въ нихъ отражается умственная и нравственная физиономія не только самого автора лѣтописи, но и всей среды, произведшей, какъ его, такъ Никиту Пафлагонскаго и другихъ противниковъ Фотія. Если бы о Фотіѣ мы не имѣли никакихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ этихъ,—ихъ однихъ было бы достаточно, чтобы получить объ этой личности болѣе или менѣе выгодное понятіе. Въ нихъ виденъ человекъ—благочестиваго происхожденія, отлично воспитанный, преданный наукѣ и изслѣдованіямъ о причинахъ явленій, чуждый суевѣрій современнаго ему общества, и при томъ заботящійся объ искорененіи этихъ суевѣрій путемъ распространенія здравыхъ понятій и за то подвергавшійся безсмысленнымъ нареканіямъ и обвиненіямъ со стороны своихъ невѣжественныхъ противниковъ. Интересно послѣ этого посмотреть, какъ относятся къ отзывамъ лѣтописи Симеона Магистра о патріархѣ Фотіѣ римско-католическіе писатели. Большею частію не принимая подобнаго рода сказаній за чистую правду, они или совершенно игнорируютъ ихъ, или же дѣлаютъ на нихъ своеобразные комментаріи. Такъ, іезуитъ Мембургъ старается объяснить передаваемыя лѣтописью Симеона басни тѣмъ, что Фотій былъ, будто бы, до такой степени искусенъ въ злодѣянιάхъ, что дѣйствительно могъ казаться такимъ, какимъ описываетъ его Симеонъ. Напротивъ Гергенретеръ пользуется ими гораздо искуснѣе. Разбирая, на примѣръ, мнимое пророчество Михаила Синадскаго о томъ, будто Фотій многихъ сокрутитъ съ пути истины и лишитъ царствія Божія, Гергенретеръ

находитъ въ основаніи его слѣдующій глубокой и, по его мнѣнію, правдивый смыслъ: «суть въ томъ, говоритъ онъ, что величайшее дѣло Фотія—схизма—было давно подготовлено, и все созрѣло для появленія такого человѣка, какъ Фотій. Провидѣніе допустило раздѣленіе обѣихъ церквей, какъ *великое наказаніе для развращенныхъ грековъ*; никакая человѣческая сила не могла уже отворотить его, и, во всякомъ случаѣ, *ближайшій виновникъ раздѣленія былъ орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія*» (1). По поводу легендъ о солидарности Фотія съ нечистою силою Гергенретеръ говоритъ, что «подобныя саги, въ которыхъ не было недостатка и на западѣ, легко могли образоваться о человѣкѣ, ученость котораго казалась дѣйствительно ослѣпительною, *тѣмъ болѣе, что она нерѣдко обращалась на служеніе цѣлямъ не похвальнымъ*» (2).

Вышеприведенными отрывками изъ Симеона Магистра не исчерпываются, впрочемъ, сообщаемыя имъ свѣдѣнія о Фотіѣ. Есть у него и другаго рода басни. Напримѣръ, онъ рассказываетъ, что въ питъѣ вина никто не могъ соперничать съ императоромъ Михаиломъ, кромѣ Фотія, что императоръ выпивалъ по 50 кубковъ, и когда спрашивалъ, кто можетъ выпить больше его на 10 кубковъ, то Фотій всегда вызывался на предложеніе царя и хвастался тѣмъ, что, выпивъ 60 кубковъ, онъ не бываетъ пьянъ (3). Та-

(1) В. I. p. 318.

(2) В. I. p. 325. Авторъ говоритъ, что подобныя же вещи рассказывались и о Сильвестрѣ II, но не поясняетъ, что собственно способствовало легендамъ о немъ,—то ли, что его ученость *дѣйствительно* направлялась къ «не похвальнымъ цѣлямъ», или же—самая ученость, независимо отъ ея направленія.

(3) Sym. Mag. p. 663.

нимъ образомъ, тотъ самый Фотій, который писалъ Борису: «пьянство и роскошь начальствующихъ считай гибелью для подчиненныхъ»... и который вообще былъ учителемъ и блюстителемъ самыхъ строгихъ правилъ нравственности, въ праздной и нетрезвой фантазіи сочинителя представляется первѣйшимъ пьяницею. Далѣе, повторяя за Никитою Пафлагонскимъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, прикрасами, извѣстное уже намъ обвиненіе, будто Фотій не только не удерживалъ императора Михаила отъ кощунства надъ священными обрядами, совершавшагося передъ царскою трапезою, въ глазахъ его, но и одобрялъ царя, Симеонъ прибавляетъ, что «такимъ образомъ неосвященный (Фотій), съ своимъ омофоромъ, кощунственно возводилъ кошуна (*т. е. Грилла*) въ санъ архикошунника... подсмѣиваясь при этомъ надъ достославнымъ Игнатіемъ, какъ надъ человекомъ, не умѣющимъ примѣняться къ обстоятельствамъ и, какъ ему каза-лось, легко колеблемымъ отъ всякаго вѣтра» (1). Изъ сопоставленія этихъ выраженій съ засѣданіемъ собора 869 года и съ словами о томъ же предметѣ Никиты, постепенный прогрессъ клеветы становится очевиднымъ. На соборѣ сами сатирики показывали, что не знаютъ, видѣлъ ли ихъ когда Фотій во время совершенія ихъ шутовскихъ представленій; Никита увѣряетъ, что Фотій видѣлъ, а Симеонъ Логоетъ прибавляетъ, что не только видѣлъ, но поощрялъ и даже рукополагалъ ихъ на то.

Извѣстіе о томъ, что Θεοδωρὸς Σανταβαρινὸς сдѣ-

(1) Sym. Mag. p. 663. Καὶ τῷ ὀμοφορίῳ αὐτοῦ ὁ ἀνέρος τῷ ἀνέρω τὴν ἀνισαρχίαν ἀνέρωσ ἐπεσφραγίζετο... Ἐπιγελῶν τοῦ ἀδοξίου Ἰγνατίου ὡς μὴ ὄντος τοῖς πράγμασι: βουχλαταζατικῶν, καὶ οἷον ὡς αὐτὸς ἐνόμιζε, παντὶ ἀνέρω εὐρηκίως φερμένῳ.

лался приближеннымъ къ императору Василию уже во время втораго патріаршества Фотія, въ лѣтописи Симеона Магистра сопровождается, между прочимъ, слѣдующимъ суетвѣрнымъ разсказомъ. «Послѣ перваго низложенія Фотія, сей сатано-именный Ѳеодоръ (*σατανώφωρος*), будучи изгнанъ изъ студійскаго монастыря, сблизился съ Фотиємъ и однажды сказалъ ему: подкупи кого-нибудь изъ придворныхъ, чтобы онъ изготовленными мною вспыскиваніями окропилъ комнату императора, увидишь, какъ послѣ того царь полюбитъ тебя; а за тѣмъ устрой такъ, чтобы я когда-нибудь увидѣлъ царя,—тогда я сдѣлаю то, что онъ возвратитъ тебѣ прежній санъ. Когда все это было исполнено, императоръ, дѣйствительно, въ раннее утро того же дня послалъ своихъ сыновей.... къ Фотию.... возвратилъ его изъ ссылки, поселилъ въ Мангаврѣ, и съ той поры сталъ часто проводить съ нимъ въ бесѣдахъ время», и проч. (1).

Фотій и Ѳеодоръ Сантаваринъ такъ овладѣли императоромъ, что совсѣмъ сгубили его душу; императоръ Василій самъ чувствовалъ это; въ послѣднія минуты своей жизни онъ сказалъ сыну своему Льву и его опекуу Стиліану, «что неосвященный Фотій и его соумышленникъ Ѳеодоръ, удаливъ его отъ Бога и сдѣлавъ чуждымъ познанія правды, подвергли его одинокимъ съ ними погибели»; произнеши эти слова, царь тотчасъ же испустилъ дыханіе (2). Значитъ, и здѣсь прогрессъ въ мнѣніяхъ Игнатіанъ! Игнита находилъ, что императоръ Василій, по мѣрѣ сближенія своего съ Фотиємъ, только становился все глупѣе; а

(1) Sym. Mag. p. 694.

(2) Ibid. p. 700.

Симеонъ за это обрекъ уже его душу на вѣчное мученіе....

Не смотря на это, Фотій, такими черными красками разрисованный въ лѣтописи Симеона Магистра, по разсказу той же самой лѣтописи является, къ крайнему изумленію читателя, защитникомъ святаго дѣла, до такой степени твердымъ и непоколебимымъ, что когда императоръ Василій Македонянинъ, по умерщвленіи своего благодѣтеля—императора Михаила III, прійдя въ церковь, хотѣлъ приступить къ принятію святыхъ таинъ, «патріархъ Фотій отказалъ ему въ этомъ, назвавъ его разбойникомъ и убійцею, недостойнымъ общенія съ Богомъ» (1). Мало того, — лѣтопись повѣствуетъ, что именно по молитвамъ патріарха Фотія Богъ и пречистая Богородица чудесно спасли городъ Константинополь отъ неминуемаго бѣдствія, такъ какъ въ то время, когда россы окружили Константинополь, императоръ Михаилъ и патріархъ Фотій, отираившись во Влахернскій храмъ Богородицы, подняли хранившуюся въ немъ ризу ея и погрузили въ море, вслѣдствіе чего поднялась буря, разбившая суда безбожныхъ россовъ (2). Сопоставленіе этихъ разсказовъ съ вышеприведенными легендами значительно подкрѣпляютъ, какъ мы замѣтили выше, тѣ предположенія, что или враждебныя Фотію легенды вставлены, или эти два сказанія вписаны послѣ другою рукою въ первоначальную редакцію лѣтописи; а сохранившаяся въ концѣ хроники Георгія Амартола

(1) Sym. Mag. p. 688. Φώτιος δὲ ὁ πατριάρχης, ἑλθόντος τοῦ βασιλέως ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ μέλλοντος αὐτοῦ κοινωνεῖν, ληστὴν καὶ φονέα ἔλεγε καὶ ἀνάξιον τῆς θείας κοινωνίας.

(2) Ibid. p. 674—675.

редакція лѣтописи Симеона Магистра, въ которой не только нѣтъ вышеприведенныхъ враждебныхъ Фотію вымысловъ, но незамѣтно и никакой тѣни вражды къ великому патріарху, невольно внушаетъ предпочтеніе къ первому изъ этихъ предположеній.

Если сравнить свѣдѣнія, сообщаемыя о Фотіѣ всѣми доселѣ рассмотрѣнными нами византійскими писателями; то между ними окажется не мало весьма важныхъ противорѣчій и разногласій. Напримѣръ, родился онъ, по лѣтописи Симеона Магистра, отъ язычника, по словамъ другихъ—отъ лицъ, состоявшихъ въ расколѣ съ церковію; вступилъ на кафедру, по свидѣтельству Никиты, съ общаго согласія епископовъ и синклита, а по увѣренію всѣхъ другихъ—по волѣ Варды; при посвященіи—по словамъ Никиты Пафлагонскаго—преемственно прошелъ степени чтеца, иподіакона, діакона, пресвитера и епископа въ пять дней, отъ 21-го по 25-е декабря включительно, а по выраженію Стиліана—вдругъ, въ одинъ день; держалъ себя въ отношеніи къ игнатіанамъ, по словамъ Никиты, какъ тиранъ, возбуждая правительство противъ св. Игнатія, какъ противъ государственнаго измѣнника, и жестоко преслѣдуя всѣхъ его приверженцевъ,—по замѣчаніямъ другихъ, ничего не дѣлая противъ нихъ кромѣ того, что удалялъ ревностнѣйшихъ изъ нихъ отъ должностей, а по свидѣтельству Анастасія Библиотечкаря—свирѣпствуя противъ нихъ только послѣ собора 861 г.; пользовался церковнымъ общеніемъ съ собою идвухъ римскихъ легатовъ, Захаріи и Родоальда, — по словамъ Стиліана и Митрофана, вслѣдствіе угрозъ и подарковъ, по свидѣтельству Θεогноста и Никиты—вслѣдствіе однихъ только подарковъ, а по извѣ-

стіямъ Анастасія Библіотекаря—вслѣдствіе незнанія легатами греческаго языка; былъ низложенъ и отправленъ въ ссылку, по разсказу Никиты, за то, что сѣялъ раздоры между императорами Василиемъ и Михаиломъ; по отзыву Митрофана—просто по волѣ Божіей, въ наказаніе за свои беззаконія, по сказанію Анастасія Библіотекаря—вслѣдствіе того, что Василій Македонянинъ не зналъ причинъ низложенія Игнатія и потому на соборѣ хотѣлъ разслѣдовать все это дѣло, а по свидѣтельству Симеона Магистра—за то, что въ церкви называлъ императора Василия убійцею и лишилъ его приобщенія святыхъ таинъ; былъ возвращенъ изъ ссылки, по извѣстіямъ Никиты, за открытіе поддѣльной родословной книги императора Василия, а по отзыву Стилиана—вслѣдствіе ходатайства волшебника Θεодора Сантаварина; наконецъ былъ вновь возведенъ на патриаршій престолъ, по словамъ Стилиана, вслѣдствіе того, что угрозами и подарками заставилъ римскихъ легатовъ, посланныхъ къ умершему уже Игнатію по болгарскому дѣлу, объявить, будтобы они прибыли въ Константинополь низложить Игнатія и возвести Фотія, и поддѣлалъ письмо отъ имени св. Игнатія къ панѣ Іоанну VIII, по разсказу Никиты—вслѣдствіе того, что подкупилъ римскихъ легатовъ и поддѣлалъ письмо отъ имени—не св. Игнатія, а епископовъ, по отзыву же автора «Крестопопрателей»—вслѣдствіе вообще непостоянства епископовъ, не исключая и папы римскаго.

«Разногласіе въ подробностяхъ, говоритъ Гергенретеръ, не только въ свѣдѣніяхъ о Фотіѣ, но и во всей византійской исторіи встрѣчается почти на каж-

домъ шагу» (1); тѣмъ не менѣе, по его мнѣнію, оно нисколько не уменьшаетъ достовѣрности свидѣтелей. Положимъ, что это бываетъ такъ. Историческое безпристрастіе требуетъ, однако, разсмотрѣнія причинъ этого разногласія для постановки правильнаго сужденія о достовѣрности сообщаемыхъ данныхъ. Такъ, несправедливые отзывы византійскихъ писателей не только о нѣкоторыхъ иконоборческихъ государяхъ, но даже о Никифорѣ, государѣ православномъ, сопровождающіеся также разногласіемъ и запутанностію въ сообщаемыхъ о нихъ свѣдѣніяхъ, происходили, какъ мы видѣли, изъ того источника, что упомянутые писатели относились къ излагаемымъ ими событіямъ съ точки зрѣнія интересовъ клерикальной партіи. Ясно, что ненависть ихъ къ представителямъ противоположнаго ихъ образу мыслей церковно-политическаго направленія и была причиною того разногласія, въ которое они впадали, желая очернить противниковъ клерикализма, или восхвалять его героевъ. А потому сообщаемыя ими подробности въ данномъ отношеніи должны возбуждать крайнее подозрѣніе. То же самое надобно сказать и на счетъ сказаній современниковъ о патріархѣ Фотіѣ, тѣмъ болѣе, что это были, за исключеніемъ одного Симеона Магистра, сочувственно говорившаго со словъ другихъ, люди, лично заинтересованные и принимавшіе участіе въ борьбѣ съ почитателями Фотія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Иеромонахъ Герасимъ.

(1) В. Ц. р. 723.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие,
патр. Константинопольском его
современников - в связи с историей
политических партий византийской
империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1873. № 12. С. 644-666.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІѢ, ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ, ЕГО СОВРЕМЕННОКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Окончаніе).

Х. ЮСИФЪ ГЕНЕЗІЙ; АНОНИМНЫЙ ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТЕОФАНА; КОНСТАНТИНЪ ПОРФИРОРОДНЫЙ И ГЕОРГІЙ МОНАХЪ. ЗА- КЛЮЧЕНІЕ.

Разобранные нами доселѣ памятники принадлежатъ лицамъ, безспорно враждебнымъ патриарху Фотію. Но выше мы замѣтили, что свѣдѣнія о Фотіѣ встрѣчаются и у писателей, иначе относившихся къ нему. Необходимо, поэтому, сказать нѣсколько словъ, по крайней мѣрѣ, о тѣхъ изъ этихъ послѣднихъ, которые по времени были довольно близки къ Фотію и сочиненія которыхъ могутъ быть разсматриваемы также въ числѣ источниковъ исторіи того времени; таковы были: Юсифъ Генезій, анонимный продолжатель Теофана, Константинъ Порфирородный и Георгій Монахъ. Эти писатели, жившіе уже въ X вѣкѣ, не были непосредственно заинтересованы въ борьбѣ игнатіанъ съ фотіанами, и потому, казалось бы, мож-

но было ожидать отъ нихъ достовѣрныхъ свѣдѣній и справедливой оцѣнки лицъ и событій. Къ сожалѣнiю, однако, нельзя сказать, чтобы они, за исключенiемъ Георгiя Монаха, были вполне безукоризненны. Правда, въ своихъ отзывахъ о Фотiѣ они значительно отличаются отъ предъидущихъ писателей; у нихъ нѣтъ ни тѣхъ рѣзкихъ выходокъ, ни даже сотой доли тѣхъ обвиненiй и клеветъ, какими такъ обильны выше разобранные нами памятники, — одинъ изъ нихъ — Константинъ Порфирородный — даже сочувственно выражается о Фотiѣ: тѣмъ не менѣе и они часто передаютъ факты въ превратномъ видѣ. Не осуждая Фотiя, они въ тоже время даютъ фактамъ, такъ или иначе связаннымъ съ его именемъ, такую постановку, которая косвенно не можетъ не бросать на него нѣкоторую невыгодную тѣнь. Главное, что мѣшаетъ имъ быть вѣрными дѣйствительности, это ихъ тенденцiозность; всѣ историческiе факты, описываемаго ими времени, искусственно приурочиваются ими къ одной цѣли, которая въ ихъ литературныхъ произведенiяхъ стоитъ на первомъ планѣ. Этой цѣли они являются вполне вѣрными; оттого и историческая правда отодвигается у нихъ на заднiй планъ.

Что же это за цѣль? Какая была ихъ задняя мысль?

Генезiй и продолжатель Теофана принадлежали къ школѣ Константина Порфиророднаго; по его порученiю они и писали свои сочиненiя, и, конечно, совершенно въ его духъ (1). А цѣль Константина Порфиророднаго

(1) Въ началѣ продолженiя Теофана прямо сказано, что эта хронографiя написана по приказанiю царя Константина и что τὸν κατ' ἕκαστον ἐκ τῶν βασιλέων Κωνσταντῖνος φιλοτίμος συνέλεξε καὶ ἐβίβλωσεν.

роднаго въ описаніи этой эпохи состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы показать превосходство дѣда своего, родоначальника македонской династіи, предъ его предшественниками, въ особенности предъ императоромъ Михаиломъ III, — оправдать своего дѣда предъ потомствомъ, сохранившимъ о немъ не совсѣмъ выгодныя для него преданія, и доказать современникамъ автора, что само Провидѣніе, для блага византійской имперіи, призвало императора Василия, а въ его лицѣ, конечно, и всю македонскую династію, на престолъ. Такого рода апологію онъ самъ написалъ въ формѣ біографіи Василия Македонянина (¹), гдѣ въ высшей степени искусно личность этого императора не только выгораживается отъ разнаго рода нареканій, но и необыкновенно восхваляется въ противоположность его предшественнику, недостатки и пороки котораго, на оборотъ, раскрываются съ необыкновеннымъ усердіемъ въ крайне преувеличенномъ видѣ. Продолжатель Теофана и Генезій въ своихъ сочиненіяхъ являютя также вполне вѣрными видамъ своего повелителя. Вся масса свѣта у нихъ сосредоточена около личности Василия Македонянина; такъ что, по отношенію къ разбираемому времени, историческая правда безтрепетно приносится въ жертву этой предзанятой цѣли. Какъ Никита Пафлагонскій въ своей біографіи св. Игнатія имѣлъ въ виду очернить пат-

τως ἐξέβατο и проч. Генезій своему сочиненію «О царствахъ» предпосылаетъ слѣдующіе, обращенные къ Порфирородному, стихи:

Τὴν εἰς ἱστορίαις τελέτας βίβλον ὡς ἐκέλευσας,
 Αὐτοκράτορ, μέλειταις καὶ καμίτοις μεγάλοις,
 Ἐν σοὶ δῶρον ἔθρηλα, ὅπως ἐγνωσμένον εἶη
 Ἐκ φιλοθεσποτίας συντέθεν ἐκ τοῦ πόθου.

(¹) Theoph. Cont. p. 211: Ἱστορικὴ διήγησις τοῦ βίου καὶ τῶν πράξεων Βασιλείου и проч.

ріарха Фотія по мѣрѣ превознесенія св. Игнатія; такъ точно и Генезій въ своемъ сочиненіи «О царствахъ», и анонимный авторъ въ своемъ продолженіи Теофана, руководствуются главнымъ образомъ тою мыслию, чтобы превознести Василія Македонянина по мѣрѣ униженія его противниковъ. Стало быть, эти писатели въ своемъ родѣ были также людьми партіи, и, какъ таковые, должны были писать не иначе, какъ въ интересахъ своего дѣла. Вотъ почему и ихъ сочиненіями должно пользоваться также съ осторожностію, какъ и прежде разобранными памятниками.

Мы не будемъ входить въ подробный анализъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Константиномъ Порфиророднымъ, Генезіемъ и анонимнымъ продолжателемъ Теофана, о событіяхъ и лицахъ фотіевой эпохи; такъ какъ одно уже простое сопоставленіе этихъ свѣдѣній съ тѣми, которыя встрѣчаются у писателей, не принадлежавшихъ къ ихъ лагерю, достаточно выясняетъ ихъ неточность и невѣрность. Возьмемъ, на примѣръ, три наиболѣе крупныхъ факта изъ жизни Василія Македонянина до вступленія его на царскій престолъ: его семейныя отношенія, умерщвленіе имъ Варды и умерщвленіе императора Михаила III.

Георгій Монахъ рассказываетъ, между прочимъ, что Василій, сдѣлавшись близкимъ къ императору Михаилу, отпустилъ, по желанію императора, свою жену Марію, давъ ей нѣкоторую сумму денегъ, и женился на бывшей наложницѣ императора Евдокіи Ингеринѣ, съ которою императоръ тѣмъ не менѣе продолжалъ будто бы имѣть связь (1), и отъ которой такимъ обра-

(1) Georgius Monachus, p. 828, въ продолженіи Теофана. Тоже самое говоритъ и Симеонъ Магистръ—р. 675.

зомъ прижилъ Василию двухъ сыновей—Константина и Льва (1). Ничего подобнаго нѣтъ ни у Генезія, ни у продолжателя Θεοφана; Константинъ же Порфирородный говоритъ только, что царь любилъ Василия и женилъ его на дочери знатнаго и умнаго Ингера, превосходившей всѣхъ другихъ высшаго общества дѣвицъ красотою и скромностію (2).

По рассказамъ панегиристовъ, императоръ Василій совершенно будто бы не повиненъ въ умерщвленіи Варды и Михаила. Императоръ Михаилъ, говоритъ Константинъ Порфирородный, отправился вмѣстѣ съ Вардою, во главѣ многочислѣннѣйшаго войска, въ критскую экспедицію (противъ сарацинъ). Между тѣмъ, такъ какъ Варда по отношенію къ другимъ сановникамъ велъ себя слишкомъ строго и надменно, то многіе стали строить противъ него козни и дѣлать доносы на него императору. Когда императоръ прибылъ въ Кипы (мѣстность въ еракійскомъ округѣ); то, случайно, или умышленно, прислуга поставила палатку его на низменномъ мѣстѣ, а палатку Варды на какой-то возвышенности. Враги Варды воспользовались этимъ и представили царю, что кесарь считаетъ себя выше императора и такимъ образомъ оскорбляетъ царское величество. Поддаваясь этимъ навѣтамъ, царь задумалъ погубить Варду; а такъ какъ онъ былъ не въ состояніи казнить его публично, вельдствіе сильнаго вліянія Варды на высшихъ сановниковъ и преданно-

(1) Georgius, pag. 835: ἐγένοντο δὲ Λέων ὁ βασιλεὺς ἐκ Μουχάρ. καὶ Εὐδοκίης τῆς Ἰγγερίας ἢ проч. Syn. Mag, p. 681.

(2) De Basilio Macedone, p. 235: Καὶ ὑμᾶν ἐπέσειε (т. е. Михаилъ) εὐνοσίφια σφραγίς καὶ κάλλος καὶ κοσμιότης, προσηγορίᾳ πάντων τῶν εὐγενῶν ἀνδρῶν, ὁ θεράπων ἐτόγγυε τοῦ παρὰ πάντων. Ἐκ εὐγενείας καὶ φρονήσεως καθορίσθη τότε τοῦ Ἰγγερίου.

сти ему войска, то онъ, царь Михаилъ, вошелъ въ заговоръ съ нѣкоторыми недоброжелателями Варды. Въ числѣ заговорщиковъ былъ Симбатій, зять Варды. Положено было по данному знаку мгновенно броситься на Варду и убить его. Однако, когда Симбатій подалъ условный знакъ нападенія (сдѣлавъ именно *крестное знаменіе на лбу*), то убійцы не посмѣли поднять руки на кесаря. Императоръ испугался и, опасаясь уже за свою жизнь, послалъ вѣрнаго себѣ челоуѣка къ Василию, который занималъ въ то время должность «спальничаго» (*παρὰκλιμακίου*), сказать, что если онъ не поспѣшитъ ободрить не слушающихъ царя лицъ, то императоръ погибнетъ, и тѣ, которые теперь его не защищаютъ, будутъ виновниками его смерти. А Василій не зналъ ни о заговорѣ противъ Варды, ни о томъ, кого именно боялся императоръ; однако, едва только онъ услышалъ, что откуда-то грозитъ царю опасность и царскихъ повелѣній не приводятъ въ исполненіе, онъ мгновенно полетѣлъ къ царю на помощь, внушилъ непокорнымъ трусамъ мужество, и тѣ, спасая царя, убили Варду (1). Такъ излагаетъ всю эту исторію внукъ Василія, Константинъ Порфирородный. Такимъ образомъ, по этому разсказу, Василій Македонянинъ думалъ только о спасеніи жизни императора и былъ какъ бы героемъ вѣрноподданической преданности, а на самого Варду онъ и руки не поднималъ. Въ этомъ же смыслѣ говорить и продолжатель Θεοφана (2); а Генезій даже вовсе и не примѣшиваетъ Василія къ этой исторіи (3).

(1) De Basilio Macedone, p. 235—238.

(2) Theophanes Cont. p. 203.—206.

(3) Génesii regum, IV, p. 105. Все эти писатели согласно передаютъ, что умерщвленіемъ Варды и кончилась критская экспедиція. Оно по-

Но если Василий въ дѣлѣ Варды былъ спасителемъ императора Михаила, то какую роль онъ игралъ въ умерщвленіи самого императора Михаила? Константинъ Порфирородный и тутъ нашелъ возможность выгородить своего дѣда. Постепенно подготавливая читателей къ той мысли, что самъ Богъ призвалъ Василия Македонянина на царскій престолъ ⁽¹⁾, Константинъ находилъ нужнымъ въ тоже время доказывать необходимость этого призванія. Для этого онъ распространяется о возмутительнѣйшемъ поведеніи императора Михаила, о его злоупотребленіяхъ, о его гнусныхъ порокахъ и тому подобномъ; а такъ какъ доблестный кесарь (*Василій*) не только не потворствовалъ страстямъ императора, но своими благородными замѣчаніями старался вразумить его, то императоръ Михаилъ выжидалъ случая погубить кесаря.

внятно; потому что она и затѣяна была только для этой цѣли. Замѣтимъ, что кромѣ пресловутаго сновидѣнія Варды, предвѣщавшаго ему смерть, Генезій и продолжатель Теофана упоминаютъ еще о слѣдующихъ предзнаменованіяхъ: въ Книгахъ Варда получилъ отъ своей сестры Теодоры поясъ недостаточной длины съ золотыхъ изображеніемъ куропатки. Варда допытывался, что значить куропатка и отчего поясъ сдѣланъ ему не въ мѣру? Ему разъяснили, что куропатка означаетъ коварство пославшей поясъ, которая желала бы отомстить за умерщвленіе Теокиста, а недостаточность длины пояса означаетъ оскуденіе дней самого Варды. Случилось въ Константинополѣ страшное землетрясеніе, во время котораго упала стоявшая подлѣ церкви св. Анны статуя, называвшаяся *Λεόντων*; это обстоятельство Левъ Философъ объяснилъ Вардѣ такъ: паденіе статуи означаетъ паденіе, чрезъ смерть, втораго лица въ имперіи, т. е. Варды, при чемъ Левъ пальцемъ указалъ на Василия, какъ на преемника Варды. Въ самый день выступленія въ походъ Варда отправился въ храмъ Божіей Матери Одигитріи; приближаясь къ церкви, онъ почувствовалъ что верхнее платье сорвалось у него съ плечъ. Вся эта сказка аббатъ Яжеръ приводитъ какъ дѣйствительные факты (*Histoire de Phatins*, p. 121—123).

(1) Еще когда Василий былъ младенцемъ, совершались надъ нимъ разныя предзнаменованія, свидѣтельствовавшія о его великомъ призваніи (*De Basilio Macedone*, pag. 218—219).

Тогда синклитъ и благонамѣреннѣйшая часть сановниковъ, вышедши изъ терпѣнія, составили заговоръ противъ царя Михаила и, съ помощію царскихъ тѣлохранителей, умертвили его. Хотя Константинъ Порфирородный пишетъ, что умерщвленіе этого императора было спасеніемъ для имперіи, что оно было также нужно, какъ нужно бываетъ умертвить скорпіона, когда тотъ готовъ ужалить человѣка; тѣмъ не менѣе онъ слишкомъ остороженъ, чтобы приписать своему дѣду главное участіе въ царевубійствѣ. Василій даже *«совѣтъ не участвовалъ»* въ этомъ. Само Провидѣніе, призвавшее на царство этого потомка Арсака, очистило ему путь къ царскому престолу, безъ всякаго съ его стороны домогательства, дабы исполнилось предсказаніе и пророчество прозорливѣйшаго инока — іерея Исаака, что спустя 350 лѣтъ одинъ изъ арсакидовъ овладѣетъ скипетромъ римской имперіи (1). Въ силу такого призванія, Василій немедленно по умерщвленіи императора Михаила былъ провозглашенъ императоромъ, по настойчивой просьбѣ, конечно, сената, вельможъ, войска и всѣхъ гражданъ. Одновременно съ этимъ, новый императоръ посвятилъ себя и свое царство Богу, помолившись слѣдующимъ образомъ: «Христе царю! Принявъ Твоимъ благоволеніемъ царство, я посвящаю Тебѣ и царство и себя самого (2). Продолжатель Теофана выражается нѣсколько прамѣ; онъ говоритъ, что «изъ опасенія того, чтобы Василій не былъ умерщвленъ точно такъ, какъ и Варда, рѣшено было, по волѣ ли синклита, или по волѣ доброжелателей Василія (такъ какъ опасность грозила

(1) De Basilio Macedone, p. 241 254—255.

(2) Ibid. p. 255.

всѣмъ одинаково), убить царя, и потому онъ былъ умерщвленъ царскими тѣлохранителями» (1). Генезій же представляетъ дѣло еще иначе. Императоръ Михаилъ, по его словамъ, любилъ Василия; но люди завистливые сѣяли вражду между ними. Одни говорятъ, что Михаилъ намѣренъ былъ непремѣнно умертвить Василія, и разъ во время охоты будто бы велѣлъ кому-то направить стрѣлу противъ него. Другіе же передаютъ иначе: императоръ былъ благосклоненъ къ Василию, не смотря на то, что нѣкоторые старались поколебать эту благосклонность; посему доброжелатели Василія подстрекали его къ умерщвленію императора, а такъ какъ они не могли его къ этому склонить, съ одной стороны потому, что онъ пользовался благосклонностію (императора Михаила), съ другой—потому, что онъ страшился цареубійства,—то они сами собственноручно совершили убійство, чтобы не погибнуть имъ вмѣстѣ съ Василиемъ (2).

Надобно удивляться наглости этой лжи, которою проникнуты всѣ эти рассказы услужливыхъ и крайне усердныхъ панегиристовъ Василія Македонянина. Вотъ какъ передаетъ эти два факта Георгій Монахъ, который, однако, нигдѣ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго пристрастія ни къ Вардѣ, ни къ самому императору Михаилу. Георгій Монахъ увѣряетъ, что, вслѣдствіе взаимнаго соперничества съ Вардою, Василій всегда доносилъ царю, что кесарь Варда злоумышляетъ противъ царя, но царь все это считалъ за ложь; тогда Василій, для достиженія своей цѣли, подружился съ патриціемъ Симбатиемъ, зятемъ Варды, занимавшимъ

(1) Theophan. Cont., p. 210.

(2) Genesii: regum., IV, p. 112—113.

въ то время должность великаго логофета. Они дали другъ другу клятву въ постоянномъ единодушіи и въ вѣчной взаимной дружбѣ. За тѣмъ, подь страшными заклятіями *Василій «открылъ» Симбатію, что царь къ нему весьма расположенъ, и что, благодаря стараніямъ его, Василія, царь весьма желалъ бы сдѣлать Симбатія кесаремъ, но не можетъ изъ-за Варды* (1). Симбатій, продолжаетъ авторъ, обманувшись клятвами Василія, сталъ противъ Варды, тестя своего, и поклялся царю, будто кесарь (Варда) замышляетъ противъ его жизни (2). Клятвенныя увѣренія Симбатія заставили императора вѣрить навѣтамъ Василія, и съ тѣхъ поръ императоръ сталъ замышлять противъ кесаря. «Между тѣмъ *Василій,—продолжаетъ Георгій Монахъ,—видя, что противъ кесаря все устроено какъ слѣдуетъ, склонилъ царя отправиться съ флотомъ и войскомъ какъ будто бы въ экспедицію противъ Крита, такъ какъ въ городѣ нельзя было убить кесаря Варду. Левъ Философъ предостерегалъ тогда Варду отъ Василія* (3), — и кесарь, должно быть, не пренебрегая его предостереженіями, принялъ тогда мѣры предосторожности, но предъ самымъ походомъ императоръ и Василій въ церкви, въ присутствіи патріарха Фотія, державшаго въ рукахъ честную кровь Господа нашего Иисуса Христа, кровію Христовою начертили кресты и клятвенно завѣрили кесаря, что противъ него ничего не затѣвалось, прося

(1) Georg. Monach. p. 828: Ἐκλήροφόρησε δὲ καὶ Συμβάτιον ὁ Βασιλεὺς δι' ὄρκων φρικτῶν ὡς τοῦ βασιλέως ἀγάπην πολλὴν ἔχοντος πρὸς αὐτὸν, καὶ τοῦ ἀπουδάλλοντος τὰ ὑπὲρ σου, μελετᾶ μὲν προβαλέσθαι καίσαρα, ἄλλὰ διὰ τὸν παυδερὸν σου εὖτο ἀδυνατεῖ ποιῆσαι. См. Sym. Mag. p. 676.

(2) Ibidem. p. 829.

(3) Ibid. Εἰδὼς δὲ ὁ Βασιλεὺς εἶσι πάντα καλῶς κατὰ τοῦ καίσαρος συνεσκεύασται κτλ.

его отправиться съ ними въ походъ, тогда какъ Левъ Философъ прямо совѣтовалъ кесарю отказаться отъ участія въ походъ, говоря, что если онъ выйдетъ изъ Константинополя, то назадъ не вернется (1). Но клятвъ Василиій не ставилъ ни во что: въ Кипсахъ Варда былъ убитъ *рукою самого Василия* (2). За тѣмъ Василиій нарушилъ клятву свою и по отношенію къ Симбатію; потому что санъ кесаря былъ переданъ императоромъ не Симбатію, — согласно съ клятвенными увѣреніями Василия, а самому Василию. Равнымъ образомъ и умерщвленіе Михаила Георгій Монахъ приписываетъ инициативѣ самого Василия, дѣйствовавшаго чрезъ брата своего и нѣкоторыхъ другихъ заговорщиковъ. «Нельзя сказать, чтобы императоръ Михаилъ питалъ какіе либо враждебные замыслы противъ Василия. Только однажды, во время пира, когда оба они вмѣстѣ съ Евдокією распивали вино, Михаилъ шутя сказалъ ему, что, какъ императоръ, онъ имѣетъ власть провозгласить кесаремъ и другаго, Василискіана. Въ ту самую ночь, когда императоръ былъ убитъ, Василиій также ужиналъ вмѣстѣ съ императоромъ, распивалъ съ нимъ вино вмѣстѣ съ своею супругою, Евдокією Ингериною, и затѣмъ проводилъ его въ спальню, поцѣловавъ ему руку» (3). Повторяемъ: одно сопоставленіе разсказа Георгія Монаха съ вышеприведенными повѣствованіями Константина Порфирород-

(1) Georg. Monach. p. 829: Καὶ βιάσθητε ὅτε βασιλεὺς καὶ ὁ Βασίλειος τοῦς πρῶτους ἐπέγραψαν σταυροῦν... φανερῶς γάρ Λεωνὶ ὁ Φιλόσοφος παρεγγυᾷ τῷ Βάρδα μὴ ἐξέλθειν σὺν αὐτοῖς, ἐξερχόμενον γὰρ ἔλεγε μὴ ὑποστραφῆναι.

(2) Ibid. p. 830—831.

(3) Georg. Monach. p. 836—838. Георгій Монахъ увѣрять, что именно въ это время Василиій сломалъ замокъ у дверя спальни, и, спустя нѣсколько минутъ, подослалъ убійцъ къ императору. Послѣ убіенія императора, Василиій собственноручно убилъ и Василискіана.

наго, анонимнаго продолжателя Теофана и Генезія, достаточно говорить о степени ихъ лживости и безстрашія.

Нельзя не сказать, что самъ убійца былъ совѣстливѣе своихъ историковъ и панегиристовъ: тѣнь Михаила всегда рисовалась передъ глазами Василия Македонянина. Терзаемый совѣстію, онъ надѣялся умиловитивить Бога, между прочимъ, постройкою храмовъ, которые посвящаль ангелу-хранителю покойнаго императора, — Михаилу архангелу. Впрочемъ и Константинъ Порфирородный, какъ бы искусно ни старался онъ снять съ своего дѣда обвиненіе въ гнусныхъ преступленіяхъ, самъ того не замѣчая, подтверждаетъ ту истину, что кесарь Варда и императоръ Михаилъ были жертвою честолюбія самого Василия Македонянина. Рассказывая о томъ, какимъ образомъ Василій сдѣлался близкимъ ко двору, онъ, между прочимъ, говоритъ, что когда Василій, будучи еще только страторомъ, отличился передъ императоромъ Михаиломъ на охотѣ, Варда, будто бы, сказалъ тогда же кому-то изъ своихъ приближенныхъ или знакомыхъ: «этотъ человекъ погубить весь нашъ родъ»; что знаменитый Левъ Философъ также когда-то сказалъ Вардѣ: «одинъ юноша погубить вашъ родъ», и потомъ, когда Василій получилъ нѣкоторую извѣстность, тотъ же Левъ указалъ на него Вардѣ пальцемъ и сказалъ ему: «вотъ о комъ я говорилъ, что онъ будетъ преемникомъ вашей династіи» (1). Вѣщественный писатель повѣствуетъ далѣе, что однажды царь, сидя за обѣденнымъ столомъ вмѣстѣ съ своею матерью Θεодорою и съ своими родствен-

(1) De Basilio Macedone, p. 232.

никами и приближенными сенаторами, приказаль позвать къ себѣ протостратора Василия. Когда Василій сѣлъ, то Феодора посмотрѣла на него пристально и, замѣтивъ на немъ какую-то примѣту, вдругъ упала въ обморокъ. Когда потомъ она была приведена въ чувство,—между тѣмъ присутствовавшіе за столомъ разошлись,—то на вопросъ императора, что съ нею сдѣлалось и отъ чего она упала въ обморокъ, она, съ трудомъ оправившись отъ смущенія, отвѣтила: «государь и сынъ мой, я слыхала отъ твоего отца, что одинъ человекъ погубить весь нашъ родъ; этотъ человекъ есть тотъ самый Василій, котораго ты позвалъ, потому что въ немъ я увидѣла всѣ тѣ примѣты, по которымъ, какъ говорилъ твой отецъ, можно узнать преемника нашей династіи. Увидѣвъ собственными глазами нашу погибель, я не могла удержать себя, смутилась и лишилась чувствъ». Успокоивая свою мать, царь замѣтилъ ей: «напрасно ты такъ думаешь; это—человекъ простой и обыкновенный; онъ замѣчателенъ только своимъ мужествомъ, какъ вѣкогда Сампсонъ, но не больше, и въ наши дни представляетъ собою какбы какого нибудь Энака или Немврода». Такимъ-то образомъ, заключаетъ Константинъ Порфирородный, Василій, хранимый Богомъ, спасся отъ бѣды (1). Но къ чему выдуманы всѣ подобнаго рода сказки, если не въ оправданіе Василія отъ нареканій за убіеніе имъ своихъ благодѣтелей—Варды и императора Михаила?

Умерщвленіе Васиціемъ Македонявиномъ кесаря Варды и императора Михаила, *сопровождавшееся полнымъ торжествомъ* такъ называемой *игнатіянской*

(1) Ibid. p. 233—234.

partii, достаточно освѣщаетъ характеръ и направленіе игнатіанъ, ревновавшихъ только, если послушать ихъ, о строгости соблюденія церковныхъ канонѡвъ. Оно служитъ яснымъ доказательствомъ, что дѣло св. Игнатія, разумѣется, чуждаго всѣмъ этимъ смутамъ, интригамъ и преступленіямъ, было для игнатіанъ только предлогомъ къ политическому перевороту, котораго самъ Игнатій могъ и не подозрѣвать. Однако историки-панегиристы императора Василія Македонянина передаютъ это дѣло такъ, что Василій является подъ ихъ перомъ образцомъ совершенства, и его правленіе представляется ими, какъ Божіе благодѣяніе византійской имперіи, а жертвы его—Варда и императоръ Михаилъ—рисуются какъ люди развратные, безчестные и совершенно негодные. Къ ихъ несчастію только, въ ихъ же собственныхъ произведеніяхъ нерѣдко встрѣчаются неумолимые факты, которые даютъ о порицаемыхъ ими лицахъ не то понятіе, которое имъ хотѣлось бы навязать читателю. Напримѣръ, какъ дурно ни отгѣнена ими попечительность Варды объ успѣхахъ образованія и законодательства, изъ ихъ же словъ видно, что Василій Македонянинъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, и особенно въ области законодательства, помимо содѣйствія Фотія, пользовался плодами, вырощенными великимъ государственнымъ умомъ Варды. И такъ во многомъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній понятно, какъ Гелезій, анонимный продолжатель Теофана и Константинъ Порфирородный должны были относиться къ патріарху Фотію. Если бы Фотій впоследствии, при томъ же императорѣ Василіѣ, не былъ снова возве-

день на кафедру, то непременно они очернили бы его не хуже Никиты Пафлагонскаго, или когонибудь другаго изъ игнатіанъ; но такъ какъ впоследствии Фотій пользовался благосклонностію императора Василія, то—понятно—онъ долженъ быть для нихъ человѣкомъ, съ одной стороны хорошимъ (въ виду благоволенія къ нему императора Василія), а съ другой—не вполне безукоризненнымъ (такъ какъ онъ былъ въ первый разъ низведенъ съ кафедры самимъ же Василіемъ). У Генезія и анонима продолжателя Теофана такъ и выходитъ: Генезій находитъ Фотія въ нѣкоторыхъ добрыхъ отношеніяхъ весьма высокимъ, а въ нѣкоторыхъ нѣтъ (*κατά τι τῶν θελητόνων ἐπικτεροῦντα, κατά τι χυδαλλόμενον*)⁽¹⁾. Продолжатель Теофана выражается о немъ, какъ о мужѣ, извѣстномъ, правда, своею ученостію, но принадлежащемъ къ мірскому чину⁽²⁾. Впрочемъ этотъ писатель, по поводу нашествія россовъ на Константинополь, также замѣчаетъ, подобно Симеону Магистру и Георгію Монаху, что царствующій градъ былъ спасенъ отъ опасностей этого нашествія милосердіемъ Божиимъ по молитвамъ Фотія⁽³⁾. Еще съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о немъ Константинъ Порфирородный: «послѣ того, какъ Игнатій отошелъ въ вѣчность, говоритъ онъ, императоръ Василій передалъ вновь управление церковію добре (*καλῶς*) тому, кто прежде,

(1) *Genesii regum*, I. IV, p. 100. Сочиненіе Пломомъ, на основаніи этого мѣста, относитъ Генезія къ противникамъ Фотія (*Φωτίου Ἀμφιλόχια προλεγομένου, σελ. 6 примѣчаніе δ*). При этомъ почтенный авторъ цитуетъ и страницу 102 того же Генезія. Между тѣмъ Генезій здѣсь подъ словомъ *ψευδοπατριάρχης* разумѣетъ не Фотія, а шута Гризала, какъ это видно изъ контекста рѣчи.

(2) *Theoph. Cont.* p. 195.

(3) *Ibid.* p. 196.

по видимому, овладѣлъ имъ не добре (*μη καλῶς*), и законно и канонически возвелъ ученѣйшаго мужа Фотія на вакантную кафедру царствующаго града; впрочемъ и до того времени императоръ не переставалъ быть предупредительнымъ къ Фотию, почитая его за многостороннюю ученость его и добродѣтель, хотя самъ же, желая всегда быть справедливымъ во всемъ, отстранилъ его отъ кафедры. Послѣ того онъ прежде всегда старался его утѣшить, и потому предоставилъ ему жительство въ царскихъ палатахъ, и сдѣлалъ его учителемъ и воспитателемъ своихъ дѣтей» (1). Эти слова вѣнценоснаго писателя служатъ какбы апологіею Василия передъ почитателями Фотія; въ нихъ, конечно, выражается сочувствіе къ Фотию, и автору, по видимому, не хотѣлось бы и вспоминать о несправедливости къ Фотию своего дѣда. Такимъ образомъ эти писатели, говоря подробно объ императорѣ Михаилѣ и Вардѣ и рисуя ихъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, стараются сколько можно меньше говорить о Фотиѣ. Но само собою разумѣется, что несправедливое отношеніе ихъ къ тѣмъ двумъ лицамъ не можетъ не отражаться косвенно и на самомъ Фотиѣ. Что касается Георгія Монаха, то онъ вообще кратко говоритъ не только о Фотиѣ, но и о всѣхъ историческихъ событіяхъ и лицахъ того времени. Онъ излагаетъ событія такъ, какъ объ нихъ знаетъ, не прибѣгая ни къ прикрасамъ, ни къ разсужденіямъ. Оттого нѣтъ у него тѣхъ анекдотическихкихъ разсказовъ объ императорѣ Михаилѣ и кесарѣ Вардѣ, которые встрѣчаются у Генезія, анонима и Константина Порфиророднаго. Къ Фотию онъ,

(1) De Basilio Macedone, p. 276—277.

какъ видно, относится сочувственно и съ уваженіемъ (1).

Продолжатель Феофана и Георгій Монахъ занимаютъ насъ особенно потому, что у нихъ встрѣчаются довольно обстоятельныя свѣдѣнія объ одномъ весьма важномъ моментѣ изъ жизни Фотія—о его вторичномъ отстраненіи отъ патріаршей кathedры, виновникомъ котораго былъ собственный его ученикъ Левъ Мудрый. Причину этого удаленія продолжатель Феофана и Георгій Монахъ излагаютъ слѣдующимъ образомъ: Θεодоръ Сантаваринъ, *будто-бы*, какими-то магическими средствами доставлялъ императору -Василію возможность видѣть его старшаго сына Константина, уже умершаго, на яву, и черезъ это, а также и другими подобнаго рода путями, приобрѣлъ его расположеніе. Однажды этотъ Сантаваринъ донесъ императору, что его старшій, послѣ Константина, сынъ Левъ имѣетъ умыселъ противъ его жизни; между тѣмъ онъ посовѣтовалъ въ тоже время Льву взять съ собою ножъ, который будто бы понадобится послѣ его отцу. Левъ послушался; тогда его обыскали и нашли у него ножъ. Императоръ Василій убѣдился въ дѣйствительности заговора и хотѣлъ лишить Льва зрѣнія; однако, по ходатайству патріарха Фотія, онъ этого не сдѣлалъ (2). Спустя нѣсколько времени, императоръ Василій умеръ. Первымъ дѣломъ его преемника, Льва, было то, что онъ вырылъ изъ могилы трупъ императора Михаила, съ царскими почестями, съ лампадами и пѣснями церковными перенесъ его

(1) Georgius Monachus p. 826, 827, 841, 847.

(2) Georgius Monachus, p. 846. Такъ же передаетъ эту исторію свѣтъ Константинъ Порфирородный (De Basilio Macedone, p. 349).

торжественно въ храмъ Святыхъ Апостоловъ, гдѣ погребались цари, и положилъ его въ великолѣпно устроенной гробницѣ. Братья императора сопровождали эту процессію. Послѣ этого двое изъ государственныхъ сановниковъ, конечно по распоряженію императора, прочитали въ церкви на амвонѣ обвиненіе противъ Фотія; за тѣмъ Фотій былъ изложенъ съ каеэды и сосланъ въ монастырь. Далѣе, императоръ вызвалъ изъ Эвхантаъ Θεодора Сантаварииа. Андрей Доместикъ и Стефанъ Магистръ—враги Сантаварииа—донесли императору, что Фотій и Θεодоръ Сантаваринъ намѣрены были возвестъ на престолъ одного изъ родственниковъ Фотія ('). Назначено было слѣдствіе. Посадивъ патріарха на кресло съ почестями, одинъ изъ слѣдователей—Андрей Доместикъ (онъ же и обвинитель), сказалъ патріарху: «знаешь-ли, владыка, авву Θεодора?» Фотій отвѣчалъ: «аввы Θεодора не знаю». Андрей опять спросилъ: «аввы Θεодора Сантаварииа не знаешь?» Патріархъ сказалъ: «я знаю монаха Θεодора, архіепископа эвхантскаго». Тогда привели Θεодора Сантаварина, и Андрей Доместикъ сказалъ ему: «царь тебя спрашиваетъ: гдѣ деньги и вещи, царю принадлежація?» «Тамъ, отвѣчалъ Θεодоръ Сантаваринъ, куда ихъ отдалъ императоръ; если онъ ихъ требуетъ теперь, то пусть возьметъ ихъ оттуда, куда ихъ отдалъ». Андрей сказалъ ему (опять отъ лица императора): «скажи, кого ты хотѣлъ сдѣлать императоромъ, совѣтуя моему отцу ослѣпить меня,—своего ли родственника, или родственника патріарха?» Θεодоръ отвѣтилъ: «я совѣмъ не понимаю, въ чемъ вы меня обвиняете». Тогда Стефанъ

(') Theoph. Cont. p. 351. Georg. Mon. p. 448.

Магистръ—другой слѣдователь и обвинитель—сказалъ ему: «какъ же ты доносишь императору, что ты обличишь патріарха»? Сантаваринъ, упавъ къ ногамъ патріарха, воскликнулъ: «заклинаю тебя Богомъ, владыка, лиши меня сана, и пусть послѣ лишенія священства накажутъ меня, какъ злодѣя; но ничего подобнаго я не доносилъ императору». Патріархъ же въ слухъ всѣхъ сказалъ: «клянусь спасеніемъ своей души, киръ Θεодоръ, ты—архіепископъ и въ настоящемъ вѣгѣ, и въ будущемъ» (1). Андрей Доместикъ, разсердившись, сказалъ: «такъ ты, авва, не доносишь императору чрезъ меня, что ты изблочишь патріарха въ этомъ»? Θεодоръ снова отрекся, сказавъ, что ничего подобнаго не было. Когда донесли объ этомъ допросѣ императору, то онъ сильно разгнѣвался, что не нашелъ благовидной причины противъ патріарха, приказалъ бить Сантаварина и сослалъ его въ Аѳины,—за тѣмъ приказалъ ослѣпить его и вновь сослалъ въ Анатолію. Спустя нѣсколько времени, императоръ опять вызвалъ Сантаварина въ столицу и назначилъ ему пенсію (2).

Такъ передается это дѣло у продолжателя Θεοφανα и у Георгія Монаха. При всей неточности разсказа, не трудно угадать, въ чемъ дѣло.

Въ чемъ состояла вина Θεοдора Сантаварина? Неужели въ самомъ дѣлѣ заподозриваніе Василиемъ своего сына въ злоумышленіи противъ себя могло основываться только на томъ обстоятельстве, что у Льва нашли какой-то ножъ? Неужели Левъ Мудрый и Василий Македонянинъ были до такой степени легко-

(1) Μὴ τῆν σωτηρίαν τῆς ἐμῆς ψυχῆς, κὲρ Θεόδωρε, ἀρχιεπίσκοπος εἶ καὶ ἐν τῇ νῦν αἰῶνι καὶ ἐν τῇ μέλλουσι.

(2) Theoph. Cont. p. 354—356 Georg. Monach. p. 850—852.

мысленны и ограниченны, что сдѣлались игрушкою въ рукахъ Θεодора Сантаварина? Какъ будто трудно было разъяснить отцу, почему Левъ взялъ съ собою ножъ, чтобы избавиться отъ опалы! Очевидно, что писатели умышленно маскируютъ дѣйствительныя причины разрыва между Василиемъ и его сыномъ. Причины эти были болѣе серьезны, чѣмъ какими ихъ представляютъ: надобно думать, что недовольная императоромъ Василиемъ партія, хотѣвшая дѣйствовать въ духъ политики Варды и императора Михаила, сгруппировавшись около его сына и вскруживъ ему голову, настраивала его противъ отца; быть можетъ даже, что широко распространившаяся молва о происхожденіи самого Льва отъ Михаила имѣла на Льва свое дѣйствіе, такъ что онъ сталъ считать своимъ дѣйствительнымъ отцемъ не Василия, а его несчастную жертву—императора Михаила III; по крайней мѣрѣ царскія почести, которыя Левъ воздалъ останкамъ Михаила сряду послѣ смерти Василия, подаютъ поводъ къ такого рода предположеніямъ. Этого рода обстоятельства могли быть, по нашему мнѣнію, дѣйствительною причиною неурядиць, а не мнимыя интриги эвхазтскаго архіепископа Θεодора. Приближенные къ императору, понятно, узнавъ о замыслахъ сына, не могли не противиться этимъ замысламъ; могло статься, что Θεодоръ Сантаваринъ, который, по своей учености, былъ близокъ и къ самому Льву, на этотъ разъ шелъ противъ Льва; патріархъ Фотій, котораго Левъ глубоко уважалъ и въ честь котораго самъ писалъ похвальныя эпиграммы, очевидно, могъ только стараться удержать своего ученика въ предѣлахъ законности и долга. Между тѣмъ заговоръ былъ от-

крыть... преемникъ Василія подвергся строжайшей оцѣлкѣ со стороны отца; раздраженіе Льва послѣ того противъ приближенныхъ императора Василія, конечно, возрасло еще больше; а сдѣлавшись по смерти отца своего императоромъ, онъ и выместилъ свою злобу противъ всѣхъ приближенныхъ его отцу. Хотя Фотій въ этой исторіи былъ спасителемъ его; тѣмъ не менѣе вѣрность своей партіи и вообще чисто политическія соображенія побудили императора Льва отдать своего учителя въ жертву. Что Левъ не имѣлъ никакой благовидной причины къ удаленію патріарха Фотія, это видно не только изъ результата слѣдствія надъ Фотіемъ и Θεодоромъ Сантавариномъ, гдѣ судьями ихъ были ихъ же обвинители, но и изъ письма къ папѣ Стефану самого Льва, гдѣ онъ извѣщаетъ папу, что патріархъ Фотій *добровольно по смиренію* отказался отъ бремени правленія (1). Наконецъ императоръ пришелъ къ сознанію, что и Θεодоръ Сантаваринъ былъ также ни въ чемъ не повиненъ, какъ это видно изъ того, что года два спустя послѣ совершенія надъ Сантавариномъ звѣрской казни, онъ вызвалъ его въ Константинополь и назначилъ ему пенсію.

Этимъ заканчиваются свѣдѣнія о Фотіѣ, сообщаемыя разбираемыми теперь писателями. Другіе, болѣе позднѣйшіе писатели, какъ Кедринъ и Левъ Грамматикъ, Глика и Зонара, заимствуютъ свои свѣдѣнія—одни у продолжателя Θεοφана и Константина Порфиророднаго, другіе у Симеона Магистра и Георгія Монаха; а потому и говорятъ о нихъ уже излишне.

(1) Harduin. Acta Conciliorum, t. IV, p. 1129. Ημεῖς δὲ τὸ βασιλικόν, ὑπάμα ἀναγινώσκοντες... εἰρομένη... ἵνα Φώτιος ἱεροδραστήην διασωθῆναι ἤρησθαι... ταπεινωθῆναι ἵνα ὑπερῤυφάντας ἐκβάλωμεν, — писалъ константинопольскимъ епископамъ папа Стефанъ, на основаніи письма къ нему Льва Мудраго.

Такимъ образомъ мы разобрали всѣ памятники, которыми западные писатели *главнымъ образомъ* руководствовались доселѣ въ своихъ сужденіяхъ объ исторіи Фотія и Игнатія. Личность доблестнаго патріарха стоитъ неизмѣримо выше жалкихъ его порицателей. Современные ему порицатели — люди партій, имѣвщей свои политическія и соціальныя тенденціи и свой извѣстный церковно-религіозный складъ мысли. Въ сообщаемыхъ ими свѣдѣніяхъ о Фотіѣ добросовѣстный изслѣдователь безъ особеннаго труда можетъ выдѣлить достовѣрное отъ измышленнаго и даже угадать побужденія, по которымъ они такъ враждебно отзываются о личности, стоявшей внѣ партій, не вмѣстѣ съ ними. Конечно, разобранными нами памятниками не исчерпываются матеріалы, существенно необходимые для полной характеристики Фотіевой эпохи и для опредѣленія историческаго значенія самого Фотія. Чтобы обнять всѣ стороны этой эпохи и сдѣлать надлежащую оцѣнку дѣятельности Фотія, какъ ученаго писателя, какъ архипастыря церкви, наконецъ — даже какъ государственнаго мужа, для этого необходимо, съ одной стороны, безпристрастное разсмотрѣніе исторіи возникновенія и развитія папства, съ которымъ пришлось бороться Фотію, а съ другой — изученіе не только всѣхъ литературныхъ произведеній самого патріарха Фотія, но и тѣхъ законодательныхъ постановленій того времени, на которыя великій патріархъ положилъ свою печать. Разобранные нами памятники весьма драгоцѣнны въ томъ отношеніи, что они, какъ мы замѣтили въ началѣ нашего изслѣдованія, проливаютъ яркій свѣтъ на духъ времени и на характеръ среды, съ которой Фотію пришлось имѣть дѣло, и такимъ образомъ да-

ютъ возможность правильно оцѣнить показанія самого Фотія. Они уясняютъ характеръ упорной борьбы игнатіянъ съ фотіанами, составлявшей собою продуктъ внутренней политической жизни византійской имперіи и, собственно говоря, чуждой исторіи папства, имѣвшаго въ мѣстѣ своего происхожденія, на западѣ, свои особыя условія развитія и свой собственный *raison d'être*, — борьбы, представлявшей собою временное видоизмѣненіе вѣковой оппозиціи двухъ противоположныхъ направленій, попеременно овладѣвавшихъ византійскимъ престоломъ, не ими, фотіанами или игнатіанами, начатой и не съ ними кончившейся. Нельзя даже сказать, чтобы борьба игнатіянъ съ фотіанами была борьбою за независимость церковной власти отъ государственной. Игнатіане, какъ и клерикалы другихъ временъ византійской исторіи, также охотно допускали вмѣшательство государственной власти въ дѣла церковныя, если оно было въ ихъ интересахъ, какъ фотіане. Съ другой стороны, и фотіане также, какъ политическіе либералы другихъ эпохъ византійской исторіи, отнюдь не поддавались распоряженіямъ свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ, какъ скоро это было въ ущербъ ихъ господству, и становились въ такихъ случаяхъ не менѣе рьяными защитниками церковныхъ правилъ, какъ и сами игнатіане. Тѣ и другіе одинаково въ данное время стояли за правительство, или противъ правительства, смотря по тому, на чьей сторонѣ оно было, и въ церковныхъ дѣлахъ одинаково держались за каноническія правила, когда находили въ нихъ себѣ поддержку, и одинаково ихъ игнорировали, когда они стояли имъ поперекъ дороги.

Иеромонахъ Герасимъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки